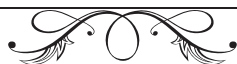

Семейный архив

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН
МАРИНА ДРОЗДОВА

В книге использованы материалы семейных архивов:
*Кармиловых, Мизгулиных, Подлуцких, Левгеровой,
Дроздовых, Репкиных, Бадановых, Сергеенковых,
Топазовых, Кирсановых, Поляковых и Быковых*

АПИ – 2016

УДК 829
ББК 84 (2Рос=Рус)1-6
М57
Д75

Д.А. Мизгулин. М.Г. Дроздова.
Домашний архив. Письма, воспоминания/редактор Марина Дроздова; ответственный редактор Валентина Рыбакова; вёрстка – Никон Степанов, дизайнер – Анастасия Евменова. – Спб.: АПИ, 2016. – 368 стр., фотографии из семейных архивов.

И пускай уходит в бессмертное плавание «последний пароход» великой надежды на завтрашнее возрождение земли русской, но авторы твёрдо знают, что земля уже пробудилась ото сна, вопреки наступившей осени. Что возрождённая память воскресит не цельные картины минувшего, а только те детали, без которых сегодняшний день не сможет состояться.

УДК 829
ББК 84 (2Рос=Рус)1-6
ISBN 978-5-94158-195-5

© Дмитрий Мизгулин, 2016
© Марина Дроздова, 2016
© Анастасия Евменова, дизайн, 2016

Семейный архив

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН
МАРИНА ДРОЗДОВА

Семейный архив

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН
МАРИНА ДРОЗДОВА

Эта книга – не художественное произведение, не строгое научное историческое исследование.

Разрозненные, на первый взгляд, воспоминания, дневниковые записи, заметки из газет и журналов, в целом – пусть и не полностью – воссоздают историю одной семьи, жившей на переломе эпох как в России, так и за ее пределами.

Многие ли из нас сегодня помнят свои корни дальше деда или прадеда? А ведь история России последних 500 лет – всего-то пять-шесть поколений. То есть практически – одно устное предание.

Однако не то что изучать, но и вспоминать своих предков в недавнем прошлом было как-то не принято...

Теперь иногда получается совсем наоборот – повальное увлечение поиском «голубых кровей»... Нездоровая жажда приписаться от чьего-то имени к дворянскому сословию. Но историю России делали не только генералы и дворяне, выдающиеся личности и гениальные ученые, но и многие тысячи практически безвестных широкой общественности людей.

Но что значит «делали историю»? Они жили, любили, радовались и страдали, переживали невзгоды и встречали праздники. И каждый из них достоин хотя бы того, чтобы не стать забытым своими непосредственными потомками.

В России все очевидней слабеют родственные связи – это выражается не только в утрате исторической семейной памяти, но и во взаимоотношениях между близкими, кровными родственниками.

Это следствие процесса так называемой глобализации – стирания различий, всеобщего «уравнивания», которая будет страшнее пресловутой «коммунистической». Данная нам родословная память – та единственная связующая нить между прошлым и будущим, которая позволяет сегодня современному человеку оставаться подлинной разумной личностью – творением Божьим в полном смысле этого слова.

Дмитрий Мизгулин

Из дневника о. Иоанна Васильевича Кармилова

Завещание Анны Максимовны Кармиловой, супруги о. Иоанна Васильевича Кармилова:

Генваря 21 дня 1878 года

«Завещаю тебе, друг мой, по кончине моей, не оскорбляй детей, но сосредоточь всю свою любовь к ним, не забывай, что у них нет матери. Еще берегись обольщения какой-либо женщины, которая сумеет детей сделать несчастными, равно и тебя погубит навеки. Но Бог, да укрепит тебя и разумит, как жить в одиночестве, тогда и меня помянешь. Прости, Христа ради, любящая тебя, жена твоя Анна».

Запись о. Иоанна Васильевича Кармилова:

«Наша родимая мамаша, волею Божьей, скончалась четвертого ноября 1884 года, в пять часов вечера, в воскресенье».

«Дети мои милые! После вашей умной и доброй мамаша, а моей возлюбленной подруги, каких я не перенес несчастий: первое – кончина ея моментальная, верно так было угодно Господу. Она, покойная, была до последней минуты вся в Боге, и Бог с нею; в предпоследняя минуты она, положив на себя Крестное Знамение, выпила святой воды, а оставшеюся помазала себе грудь, чем верно она освятилась и приготовилась к вечности. Для покойной рабы Божией Анны, нужна одна молитва и милостыня».

*Отец ваш, священник Иоанн Кармилов;
6-го февраля 1885 года*

На память детям, кто из них когда родился.

Свадьба наша с упокойною женою была в 1846-м году, января 9-го числа, венчались в городе Вольске, в Покровской церкви, таинство брака совершал протоиерей Петр Иванович Бибииков. Того же года, февраля 4-го посвятился во священника в г. Царицын (тогда бедный и малолюдный) к Предтеченской церкви. В октябре месяце у нас родился сын девятого числа Евгений.

Евгений 1847 года 7-го июня помер, похоронен у Скорбящей церкви.

В 1847 году декабря 17-го родилась дочь Евгения.

В 1850 году родилась 2-я дочь Зоя в селе Макарове Балашовского уезда.

В 1853 году родился 2-й сын Александр, июля 29-го числа, в селе Макарове.

1851-го ноября 30 родилась 3-я дочь Анна.

Анна в 1852 году, августа 12-го померла в Макарове.

В 1856 году родилась 4-я дочь Мария февраля 3-го дня – Мария померла 1859 года июня 12-го числа в Макарове.

В 1858 году родился сын 3-й – Михаил, января 2-го числа.

Михаил в 1860 году июня 11 числа помер в селе Чадаевке, Аткарского уезда.

В 1860 году родилась 5-я дочь Александра, 21-го апреля.

В 1862 году родился 4-й сын апреля 11-го Иван.

В 1864 году родилась мая 7-го 6-я дочь Ольга.

В 1866 году родилась дочь Мария мая 11-го числа.

1868 года родилась еще дочь, августа 2-го Евдокия.

Того же 68-го года декабря 5-го померла в Чадаевке.

1869-го декабря 27-го числа родился сын Василий.

Рождение детей переписано с подлинника, писал отец, священник Иоанн Васильевич Кармилов, 1887 года июля 29-го числа бывши дома в селе (неразб.) один.

Семья о. Иоанна Васильевича Кармилова

Иван Васильевич
Кармилов
(~1820)

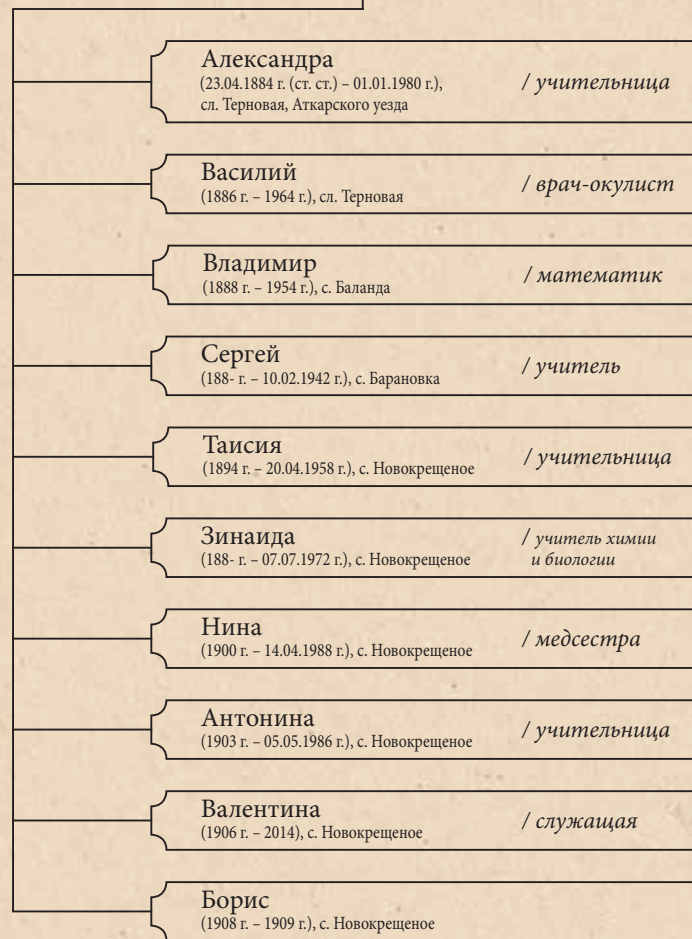
Анна Максимовна
Кармилова
(~1824 – 4 ноября 1884 г. (ст. ст.))

Семья о. Иоанна Иоанновича Кармилова

Иван Иванович
Кармилов
(11.04.1862 г. (ст.ст.) – 20.03.1942 г.)

Мария Афанасьевна
Кармилова
(1861 г. – 19.03.1938 г.)

И. Преосвященнейший
Гродненский

ЦЕРКОВНЫЯ

ВЪДОМОСТИ, № 18—19

Достойное служение ваше, исполненное благи и пользы для Церкви, ознаменованное усердием и красотой богослужения, преусердием и ревностью охранения ее от индифферентности. Ваша самоотверженная деятельность в церковно-государственной области проявилась в насущных нуждах великой войны. Приспособившись к условиям войны, вы не только содействовали поддержанию церковной жизни, но и совершили великие подвиги. Ревностное монашеское служение ваше в годы войны и в предвоенные времена, в епархиальных учреждениях, в глубокой преданности законным заветам русской православной церковной жизни, исполнено преданных заботами о возвышении религиозно-нравственного состояния православной паствы и ознаменовано многоплодными трудами по устройству просветительно-миссионерских учреждений, которыми, подобно Владимирскому епархиальному дому в Москве, вы занимались с преданным и самоотверженным вниманием. Примечательна деятельность ваша в области духовенства во всюду являлись одушевленной проповедью мира и любви, с особенной силой раздаваемой тогда, когда того требовали высшие интересы Православной

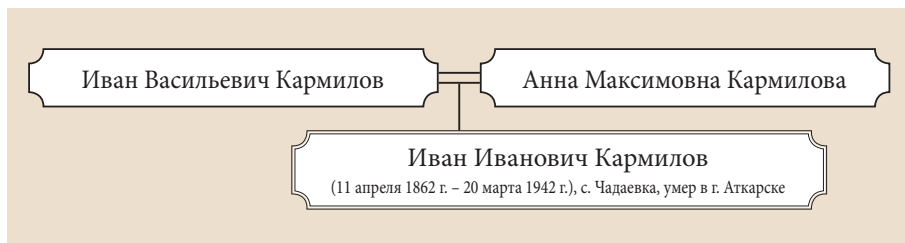
ПРЕ СВЯТЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНОДѢ
СЪ ПРИВЪЩЕНІЕМЪ
1915 года.

Церкви и Государства. Особо же внимание Мое оставляю ревностные и неутомимые труды ваши в деле борьбы с пьянством. В ваших замечательных по силе и убедительности архиепископских призывах духовенства и общества к отрезвлению народа вы по всей справедливости называли борьбу с пьянством «крестовым походом и священной войною для освобождения народа нашего от искушения его врага—пьянства, взявшего в плен его тело и душу и морально угнетающего его», и потому постоянно приглашали паству Церкви открывать обществом и братством трезвости, как «спасительные маяки для погибающих в бурном море вихней винопития». Ваша деятельность в этом направлении, способствующая открытию во всех епархиях многочисленных обществ трезвости и завершающаяся объединением их в общенациональные учреждения, для успешнейшего осуществления задач их, в центральном органе их «Всерос-

с. Спасената, Самарскаго уѣзда, священникъ Василій Анисимовъ; церкви с. Толстова, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Сивилъ; церкви села Кабановки, Бугурусланскаго уѣзда, священникъ Феоdorf Головинъ; церкви села Трошкинъ, Бузулукскаго уѣзда, священникъ Петръ Карповъ; церкви села Витоватого, того же уѣзда, священникъ Владиміръ Любавскій; церкви села Новой Теловки, того же уѣзда, священникъ Николай Быстровъ; церкви села Савинки, Николаевскаго уѣзда, священникъ Феоdorf Каменскій; церкви села Митрофановки, Новотуркескаго уѣзда, священникъ Василій Афонскій; гор. Самара, Петропавловской церкви священникъ Григорій Ягровъ; гор. Самара, Вознесенскаго собора священникъ Александръ Докучаевъ; церкви села Георгиевки, Бузулукскаго уѣзда, священникъ Дмитрій Сычуговъ; церкви села Сорочинскаго, того же уѣзда, священникъ Андрей Алонзовъ; церкви села Кривогуды, Самарскаго уѣзда, священникъ Александръ Ивановъ; церкви села Лопатина, того же уѣзда, священникъ Николай Вячеславъ; церкви села Старого Буяна, того же уѣзда, священникъ Константинъ Соколовъ; церкви села Шляпки, того же уѣзда, священникъ Николай Фармаковский; Огаровскаго Троицкаго собора священникъ Іоаннъ Дивногорскій; церкви села Сухихъ Аврадей, Огаровскаго уѣзда, священникъ Константинъ Николаевъ; церкви пригорода Тиньки, того же уѣзда, священникъ Петръ Ястребовъ; церкви села Табуриата, того же уѣзда, священникъ Арсентій Полежаевъ; церкви села Петровскаго, Пензенскаго уѣзда, священникъ Александръ Семеновскій; церкви села Старого уѣзда, священникъ Феоdorf Мельниковъ; церкви села Нойна, Бугурусланскаго уѣзда, священникъ Сергій Петропавловскій; церкви села Красной, того же уѣзда, священникъ Троицкій; церкви села Сорочинскаго, священникъ Константинъ Соколовъ; церкви села Григорьевки, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Боренскій; церкви села Бузулукскаго уѣзда, священникъ Александръ Филипповъ; священникъ Василій Павловъ; Страхова, того же уѣзда, священникъ Добронравовъ; церкви того же уѣзда, священникъ Николай Васильевичъ; церкви села Нижней Высоки, священникъ Михаилъ Введенскій; Большой Гаушиной, Николаевскаго уѣзда, священникъ Петръ Флеринскій; церкви села Косого, того же уѣзда, священникъ Константинъ Погорельскій; церкви села Маврина, того же уѣзда, священникъ Александръ Смирновъ; церкви села Смоленскаго уѣзда, священникъ Василій Александровъ; церкви села Владиміръ, Бузулукскаго уѣзда, священникъ Дмитрій Плякельскій; Александровки, Новотуркескаго уѣзда, священникъ Николай Тихомировъ; Вознесенскаго собора священникъ Александръ Богдановъ; Самарскаго Церкскаго женскаго монастыря священникъ Василій Горбуновъ; церкви села Мелекса, Огаровскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Николаевскій; гор. Самара, Троицкой церкви священникъ Алексій Введенскій; гор. Самара, Поповской церкви священникъ Александръ Бого-

добръ Бибиновъ; г) наперсникъ крестомъ, отъ Святыяго Синода въдаваемы—гор. Саратова, Духо-Сомественской церкви протоіерей Владиміръ Воробьевъ; гор. Саратова, церкви при Александро-Маринскомъ реальномъ училищѣ протоіерей Евгений Цвѣтковъ; гор. Саратова, Троицкой церкви при епархиальномъ богодѣльнѣ священникъ Евгений Вторинъ; церкви села Рельны, Аткарскаго уѣзда, священникъ Григорій Архангельскій; церкви села Красавки, Балашовскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Левитскій; церкви села Максимовки, Вольскаго уѣзда, священникъ Петръ Розовъ; гор. Кузнецка, Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Никольскій; церкви села Пендеки, Кузнецкаго уѣзда, священникъ Дмитрій Подольскій; церкви села Анненкова, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Воскресенскій; церкви Николаевскаго хутора, того же уѣзда, священникъ Платонъ Лавровъ; церкви села Новокрестьянъ, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Кармиловъ; церкви станицы Ртищевы, Сердобскаго уѣзда, священникъ Константинъ Леонидовъ; церкви села Крайняя, Вольскаго уѣзда, священникъ Алексій Богословскій; гор. Сердобскъ, Казанской Варяжской церкви священникъ Василій Космодемьянскій; церкви села Сухой Терешки, Хвалын-

**Записки потомственного
почетного гражданина протоиерея
Иоанна Иоанновича Кармилова**
(сына священника Иоанна Васильевича Кармилова)

*Иван Иванович Кармилов с
супругой Марией Афанасьевной
Кармиловой (Тифловой)*

1938 года, марта 19 дня скончалась дорогая моя спутница Мария Афанасьевна Кармилова.

В 1882 году в январе месяце я перешел на службу учителя народной школы в слободу Терновую.

А в 1883 году я вступил в брак с Марией Афанасьевной, дочерью Афанасия Александровича Тифлова. Венчались мы в мае месяце в церкви слободы Терновой. Брак совершал Иван Ксенофонович Макаровский, священник слободы Бабинкиной.

На свадебном пиру были с моей стороны – дорогая моя матушка Анна Макси-

мовна, родная сестра Александра Ивановна и двоюродная сестра Мария Андреевна со своим мужем Иваном Ксенофоновичем Макаровским.

Со стороны дорогой Марьи Афанасьевны были на брачном пиру: брат Кирилл Афанасьевич с семьей, брат Василий, брат Иван, сестра Евдокия с мужем, и другие. Народу было много и пировали весело и шумно. На четвертый день после брака проводили домой мою дорогую мамашу и сестру Александру. Вскоре и остальные родственники разъехались по домам. Осталось нас пятеро: тесть, теща, их сын Василий, занимавший должность волостного писаря в слободе Терновой, я и моя дорогая Мария Афанасьевна. Мы с Марией Афанасьевной жили в квартире при школе, жили отдельно от тестя и тещи, но столоваться ходили к ним. С тестем и тещей жил их сын Василий. Спустя неделю после брака меня с учениками школы вызвали в слободу Елань на экзамен. Было вызвано несколько школ. Ученики моей школы по всем предметам сдали экзамен отлично. Они были очень способные, хорошо подготовленные, почему и письменную работу написали без ошибок, и каждый ученик из моей школы получил свидетельство об окончании школы и похвальный лист. Председатель экзаменационной комиссии, Сергей Алексеевич Садовников, выразил мне глубокую благодарность за отличные успехи моих учеников. На экзамене в качестве члена экзаменационной комиссии был протоиерей Казанской церкви села Елани, Петр Иванович Кириков. До поступления в духовное звание, он был помощником смотрителя Саратовского духовного училища, в котором я при нем учился. Он меня узнал и очень вежливо со мной раскланялся, с ним мы долго беседовали, вспоминая школу и наши детские школьные шалости.

После экзаменов учение прекращалось, учителя были свободны и разъезжались по домам.

И мы с дорогой Машей решили поехать к моим родителям в село Большую Дмитриевку. От Терновой до Дмитри-

евки 120 километров, это расстояние надо проехать на лошадях. Нанял я пару лошадей проехать этот путь за одиннадцать рублей, и мы с дорогой моей Машей отправились в путь. Наш путь лежал через Чадаевку, а Чадаевка была моя родина, где я родился и провел свои детские годы, и кроме того, в селе Чадаевке служил псаломщиком родной брат Маши, Иван Афанасьевич Тифлов.

Вечером мы и прибыли в Чадаевку к Ивану Афанасьевичу. Приезду нашему они были очень рады и возвестили нам, что у них прибавление семьи, родилась три дня назад дочка и меня наметили кумом. На другой день состоялось крещение и новорожденную дочку назвали Еленой.

Наконец мы приехали к отцу и матери. Кроме отца и матери, в доме жили две сестры – Ольга и Мария, приехавшие к родителям раньше нас. Они были учительницами в Аткарском уезде.

Встретили и приняли нас очень радушно, в особенности покойная мать.

Мария Афанасьевна, увидев отца моего и двух моих сестер, немного растерялась, но моя покойная мать, в высшей степени добрая женщина, тотчас же ободрила ее, сказав ей: «Как я рада, что ты, Маша, моя дорогая сношенька, приехала к нам. Я вас давно жду и к вашему приезду приготовила кое-что закусить и выпить. Садись, дорогая, ты для меня самая дорогая гостья, как и Ваня».

Мы с Марией Афанасьевной сели за стол и тотчас же появились на столе закуска и выпивка. Отец, мать и сестры поздравили нас с законным браком, пожелав нам счастливой жизни. После нашего приезда через некоторое время приехал домой брат мой Василий, учившийся в духовной семинарии.

Жилось нам с Марьей Афанасьевной у отца и матери очень хорошо: как отец, так и мать, сестры и брат Василий были к нам очень внимательны.

Покойная моя мама питала нас очень и очень хорошо. Затем я, Марья Афанасьевна и отец поехали в Саратов кое-что

купить. В Саратове заехали в номера Попова. Затем мы с Машей отправились к Николаю Афанасьевичу и Агафье Никитичне. При встрече нас, они удивились тому, как мы попали в Саратов. А когда они узнали, что мы приехали с моим отцом, Николай Афанасьевич немедленно отправился за моим отцом и пригласил его к себе в дом.

А за это время Агафья Никитична накрыла стол, устала его закусками и выпивкой, а также приготовила и чай. Наконец явились Николай Афанасьевич и мой папаша и все, по приглашению Агафьи Никитичны, сели за стол и стали выпивать и закусывать. Нас с Машей поздравляли с законным браком. При этом Агафья Никитична подарила нам две массивные серебряные столовые ложки.

А вечером, в этот же день Николай Афанасьевич и Агафья Никитична были у нас в гостях в номере. И у нас была и закуска хорошая, и выпивка, и чай. Пробыв в Саратове два дня, мы возвратились в Дмитриевку. Маша в Саратове купила для моей покойной мамаша матери на платье и подарила ей. Мамаша была очень довольна подарком, и в свою очередь она подарила покойной Маше кое-что из домашних вещей. Летний каникул скоро прошел и нам нужно было ехать на место моей службы в с. Терновую. Покойный папаша дал нам лошадь, и мы отправились в путь. Мне было прискорбно уезжать от своих, но нужно было ехать. И Мария Афанасьевна, прощаясь с моей мамашей, тоже прослезилась. Нужно сказать, что Марья Афанасьевна очень понравилась моим родителям, и в особенности покойной маме, а отец даже сказал мамаше: «Правда твоя, Ваня не ошибся, женившись на Марье Афанасьевне».

«Марья Афанасьевна очень скромная, разумная и добрая женщина», – добавил отец.

Приехали мы в Терновую. Тесть и теща ждали нас и были очень рады нашему приезду. Больше недели мы прожили у них, а затем перешли в свою квартиру. Квартира была очень хорошая, мы занимали одни целый дом с двором.

Во время нашего отсутствия брат Марии Афанасьевны, Василий Афанасьевич, сделал нам в слободе Елани 12 дубовых стульев, диван, стол и кровать. Квартира наша была обставлена в достаточном количестве мебелью и выглядела очень красиво, и мы с Марьей Афанасьевной стали жить самостоятельно. Школа в слободе Терновой была очень большая, но не новая, а старая. Учащихся было до 100 человек. К своим обязанностям я относился очень добросовестно и успехи моих учеников были очень хорошие. Ученики мои меня очень любили и перед началом нового учебного года каждый из них приносил мне по куску сала и по хлебу. Таким образом, у нас с Марьей Афанасьевной было и сало свое, и хлеб, была и своя корова.

Затем из Терновой слободы я был переведен в слободу Александровку, а затем в село Журавку, а из Журавки в слободу Баланду.

Школа в Баланде была в одном здании с волостным правлением, при школе была и квартира для учителя. Квартира была небольшая: одна комната и рядом с ней кухня. Квартира была очень холодная, и покойная мамаша с ребятами больше ютились на печи, а я почти целый день занимался в школе.

С нами в Баланде жили и две мои сестры – Ольга и Мария. Они, конечно, много забот причиняли Марии Афанасьевне, ибо она на них и белье стирала, и мыла его в реке.

С течением времени Ольгу мы просватали за Михаила Павловича Покровского. Было у нас сбережение рублей 300, и все эти деньги потратили на выдачу ее замуж. А другая сестра, Мария, получила место учительницы в слободе Терновой, куда она и уехала.

В Баланде у нас родился Володя. Из Баланды я решил уйти в духовное звание, для этой цели поехал в Саратов к епископу Аврамию и получил место диакона в село Барановку Хвалынского уезда с учительством в Барановской Церковно-приходской школе.

Село Барановка, село большое мордовское, к нему было причислено 4 больших деревни, приход был очень большой и все прихожане были православные. Среди села, на площади, стояла большая церковь. Церковь была теплая, народу в церковь ходило очень много и доход для причта был очень хороший.

Причт состоял из священника, диакона и двух псаломщиков. При храме имелся хор певчих. Школа была очень большая, при ней была и наша квартира.

Школа стояла на площади окружена своим двором, а вокруг школы был разведен сад.

Когда мы приехали в Барановку, прихожане встретили нас очень радушно. Некоторые из них принесли нам хлеба, другие молока и яиц, а один мордвин пригласил нас к себе чай пить. Мы расположились в своей квартире, в которой было три комнаты и кухня. При школе был постоянный сторож. На первых порах мы жили не особенно удобно: спали на полу, так как наш багаж, везомый на двух подводах, из Баланды не прибыл еще.

Наконец привезли и наш багаж. Все мы устали и зажили покойной жизнью.

Настоятель нашего храма был заслуженный протоиерей Сергей Смирнов, он же был и благочинный. Он относился ко мне очень хорошо и был очень вежлив. Один из псаломщиков был Петр Колпиков, молодой, кончивший курс семинарии, а другой уже поживший Львов. С ними у меня были очень добрые отношения. Приехали мы в Барановку в феврале месяце, был голодный год, хлеб был очень дорог и купить его негде было. Настоятель мой, отец Сергей Тимофеевич, говорит мне: «Отец дьякон, когда вы были светским, тогда вы и покупали хлеб, а теперь, будучи духовным лицом, вас должны кормить прихожане. Берите подводу, поезжайте в дер. Собакино и там вы наберете себе хлеба».

Я послушался его совета и поехал в дер. Собакино, взяв с собой смелого прихожанина.

Народ был дома и кучками стоял около своих дворов.

Я сажу на санях, а мой возница отправился к народу просить для меня хлеба.

«Пусть отец дьякон сам пойдет к нам и попросит хлеба», – сказали ему стоящие около дома. Я был вынужден сам идти к ним просить хлеба и все они мне давали хлеба и говорили: «Ты будь смелей, ходи к нам чаще и что нужно тебе, мы тебе дадим». И я набрал и муки, и пшена, пшеницы и ржи, хлеба было очень много.

Это мое первое знакомство с прихожанами. Прихожане были очень добрые и приветливые люди. Даже покойная Марья Афанасьевна ходила со сторожихой по приходу и собирала шерсть, и ей давали и ни один не отказал.

В Барановке мы жили очень и очень хорошо. Была у нас своя лошадь, корова, куры и очень много хлеба. Имели хорошую тележку и прекрасную сбрую. В Барановке у нас родился сын Сергей.

Затем из Барановки я поступил священником в село Новокрещеное, Кузнецкого уезда. Это было в 1893 году.

Приход – село Новокрещеное – был незавидный, бедный и малочисленный, крестьяне были безземельные. Но зато при церкви имелось 100 десятин церковной земли и три десятины – луговой земли. Так как прихожане были безземельные, они охотно снимали церковную землю и земля давала духовенству приличный доход.

С течением времени, принимая во внимание малочисленность прихожан, причту было назначено увеличенное казенное жалование – около 500 р. С получением увеличенного казенного жалования и доходов от земли и треб приход стал очень приличный и жить было можно.

В селе Новокрещеном родились у нас – Таисия, Зинаида, Нина, Антонина, Валентина и Борис.

Борис недолго жил, умер и похоронен в церковной ограде.

Село Новокрещеное было бедное и постройки в нем были плохие, крытые большей частью соломой; были дома,

которые топились по-черному, т. е. не имели труб и дым при топке выходил из дома в открытую дверь. В домах было очень грязно и очень много было тараканов и других насекомых. Жители села носили лапти, сапог было очень мало. Ни в одном доме не было самоваров, считали самовар роскошью и очень убыточным. Но затем, с течением времени, начали приобретать самовары, стали носить сапоги и даже с калошами, в особенности молодежь, работающая на фабрике Асеева.

В селе Новокрещеном жилось неплохо: местность была очень хорошая, кругом села был лес и сосновый, и лиственный, протекала река Сура, где в то время было очень много рыбы, а в озерах водилась масса дичи – уток, глухарей и другой птицы.

В лугах было много ежевики, а в лесах на полянах земляники и клубники. В лесу было много орешника, родилось очень много орехов, было много грибов – белых, груздей, подгруздков и др. И мы с покойной Марьей Афанасьевной собирали орехов по несколько пудов, собирали помногу грибов и белых и др., а ежевику собирали целыми ведрами.

Покойная Маша из своей ягоды наваривала много варенья, много мариновала белых грибов и сушила их.

В Новокрещеном с помощью добрых прихожан перестроил дом, построил новую школу и заново отремонтировал церковь.

Прихожане были хотя и бедные, но очень добрые и всегда были отзывчивы к нуждам своего храма. Нужно было устроить новую ограду для церкви и сменить разбитый колокол на новый колокол. Денег надо много и прихожане такой суммы не могли собрать. Что делать?

Тогда я на одном собрании предлагаю прихожанам взять денег у Асеева с тем условием, что прихожане за эти деньги уберут ему известное количество десятин хлеба.

Прихожане согласились, и Асеев охотно принял их предложение – устроил ограду и дал денег на покупку колокола.

А прихожане в один праздничный день всем селом выехали на работу к Асееву и убрали у него в один день хлеба на всю сумму, какую они у него брали.

Асеев был очень доволен работой прихожан, поблагодарил их и дал денег на водку.

Так вот мы устроили новую ограду к церкви и приобрели новый колокол.

В 1905 году мы жили в Новокрещеном, в этом году, помнится, началась революция. Помещичьи имения горели, имущество и хлеб развозились, скот угонялся. Мои прихожане обращались со мной очень дружелюбно и были со мной очень откровенны. Подходили и собирались к моему дому толпами и вели разговоры по поводу начавшейся революции. Так, один из прихожан, Егор Архипович Ротков, спросил меня: «Батюшка, ты знаешь, или нет, что по Петровскому уезду ездит начальник в карете, вся грудь которого увешена орденами. Этот начальник собирает народ и спрашивает – как у вас поп, хорош или плох, и, если скажут плох, попу сейчас убивают». Я ему ответил, что этого не слышал, и затем спросил: «Ну а если этот начальник приедет к вам и спросит про меня, что вы скажете ему?» – «Кроме хорошего ничего не скажем».

Недалеко от Новокрещеного было имение купца Никонова. К вечеру этого дня все его имение сожгли, хлеб развезли и скот угнали, а в лугах все стога сена, принадлежащие купцу Никонову, пожгли.

Нужно сказать, что купец Никонов был страшный кулак и большой руки жулик. Крестьян, моих прихожан, он страшно обижал: сдавал землю крестьянам по очень дорогой цене, при этом обмеривал их, сгонял с своей земли скот крестьянский и за это брал большой штраф. Ни за ягодами, ни за грибами не позволял ходить. Словом, крестьяне не терпели его и ему отплатили как нужно за его все подлости, которые он чинил крестьянам.

А затем вскоре после этого заявили в наше село казаки и по указанию Никонова начали пороть крестьян.

В это время как раз у нас жил старший сын. Дети Никонова, большой руки хулиганы, распустили слух, что крестьяне в Новокрещеном были уговорены нашим сыном брать у Никонова – и хлеб, и скот, и дрова, жечь стога сена. Дети Никонова были уверены, что и нашему сыну казаки всыпят, но этого не случилось: сын наш за день до прибытия казаков уехал в Казань.

Прожили мы в селе Новокрещеном двадцать три года, а затем по распоряжению духовной власти я был переведен в Аткарск к Соборной церкви.

В жизни нашей в селе Новокрещеном было много и хорошего, было много и плохого. Память о себе с мамашей мы оставили тем, что устроили очень хороший дом для жилья священнику и заново отремонтировали церковь. Таких хороших домов, как мы устроили в Новокрещеном, редко можно найти в богатых больших приходах.

В 1915 году в августе месяце мы переехали в Аткарск. Переход в Аткарск меня страшил, ибо мне думалось, что в Аткарске все священники гораздо образованнее меня, хорошие проповедники и службисты. Но на деле оказалось, что все священники г. Аткарска мало чем превосходят меня и я среди них оказался не хуже их и даже был избран старшим помощником благочинного, членом уездного отделения и заведующим церковной свечной лавкой и библиотекой.

И мои прихожане остались и были все время довольны мною, с прихожанами у меня были самые добрые отношения.

За мою 25-летнюю службу я был представлен к ордену Анны третьей степени, а затем был удостоен звания протоиерея. При этом считаю нужным добавить: когда мы с дорогой Марьей Афанасьевной в первый раз приехали к отцу и матери, мой отец, обращаясь к новой своей снохе, спросил ее: «Как это ты, Машенька, пошла замуж за нашего Ваню: он у нас отпетый человек». На это ему по-

койная Мария Афанасьевна ответила: «Нет, папаша, Ваня будет не плохой человек».

И если бы мои родители были живы и знали, что я служу священником в городе при соборном храме и уже протоиерей, тогда мой папаша убедился бы, что его новая сноха правду сказала, что ее Ваня не пропадет.

Затем я вышел из духовного звания, от прихода отказался и все время с своей дорогой Марьей Афанасьевной жили на иждивении своих детей, имея отдельную квартиру.

Жилось нам с ней очень хорошо, нужд особенных не имели и наша жизнь текла очень и очень покойно. Все у нас было с ней – были и деньги, хотя немного, был и маленький запас и муки, и крупы, и пшеница, и масла, ни в чем мы не нуждались.

Наши добрые дети нас не забывали и помогали нам.

И я теперь один тоже живу на иждивении своих детей. Спасибо вам, мои дорогие дети, что вы меня не забываете.

Похоронив свою дорогую Марью Афанасьевну, я переехал на жительство к сыну Сергею. Между прочим за поминальным столом разговорились о том, как пойдет моя жизнь без дорогой мамы. Сережа сказал, что моя жизнь у него так же пойдет, как и текла при мамаше. На это помнится, Александр Николаевич заметил ему: «Нет, Сергей Иванович, жить, хотя и у вас, Ивану Ивановичу будет очень тяжело и гораздо хуже». Вот уже год прошел со дня смерти дорогой мамы и я убедился, что Александр Николаевич сказал правду – жить мне без мамы очень и очень тяжело. При воспоминании о ней очень часто я скорблю о ней и даже плачу. Мною овладевает тоска и я не знаю куда мне деваться от нее. Тогда я иду на кладбище, становлюсь около могилки дорогой мамы, говорю с ней и спрашиваю ее, слышит ли она меня. Ответа, конечно, нет, но вот что важно, всякий раз после моего посещения могилки я мамашу вижу во сне.

В жизни своей моя дорогая Мария Афанасьевна много перенесла разного рода неприятностей, скорбей и печалей. Во многом повинен и я перед ней: часто я был к ней неспра-

ведливо груб, обижал ее напрасно, и, несмотря на все это, она все-таки прощала меня во всем и была ко мне очень и очень добра и снисходительна. Она была очень добрая, святая женщина.

Только со смертью моей дорогой мамы я узнал и почувствовал, как тяжело и трудно жить без дорогой Марии Афанасьевны. Теперь я утешаюсь одним: я каждый день утром и вечером усердно молю Бога о прощении ей ее грехов и уверен, что Господь будет милостив к ней и помилует ее. Я счастлив тем, что вы все, мои милые дети, не забываете меня, утешаете меня и помогаете мне. Многие, многие долгие годы живите, мои милые, и не забывайте меня и свою маму дорогую Марию Афанасьевну. Всем от души желаю вам счастливой жизни и доброго здоровья!

Кармилов.

11 ноября 1939 года я поехал в Москву навестить своих дочек и успокоить скорбное сердце моей дочки Таисии. Мне от души жаль ее: она и так больна и к этому присоединилась еще печаль, единственного ее сына Волю, 18-летнего юношу, студента высшего учебного заведения, принял в военную службу. Не о том скорбит, что ее сын красноармеец, она гордится этим, а скорбит о том, что сын прекратил занятия в высшей школе, где был очень старательным студентом.

12 ноября я приехал в Москву, где на вокзале меня встретил добрейший Николай Геннадьевич, великое ему спасибо: он, несмотря на массу работ у него, все-таки встретил меня.

Таичка действительно стала еще худее и печальнее, и я, как сумел, стал успокаивать ее, говоря, что Воля не пропадет и в военной службе и будет в числе лучших красноармейцев, и ты, говорю ей, гордись, что твой сын красноармеец, защитник нашей родины. Закончит он военную службу, придет домой и затем и окончит высшую школу.

При мне она стала покойнее и чувствовала себя лучше.

Радостно я встретился и с Ниной, и с Валею. Спасибо всем им, они очень рады были моему приезду и все время моего пребывания в Москве относились ко мне очень и очень радушно.

С удовольствием я проводил время у своих дочек. Больше я жил у Таисии, занимал у них отдельную комнату, в которой и жил как дома. Как со стороны Таички, так и со стороны Николая Геннадьевича я встретил самое радушное и приветливое отношение ко мне, они были весьма и весьма внимательны ко мне.

Такое же внимание и такой же радушный прием я встретил и со стороны Нины и Вали.

Я с удовольствием проводил время и у Нины, и у Вали.

У Нины я почти всякий раз играл с Герочкой, а иногда и с Таней в карты. Мне очень нравятся Герочка и Таня, я их люблю, в особенности Герочку, и с удовольствием играл с ними в карты. И сама Нина, спасибо ей, была ко мне очень радушна и всегда кормила меня обедом и угощала и чаем.

А у Вали я утешался ее дочкой, маленькой внучкой Галей. Она у ней очень хорошенькая, веселая, ласковая и очень покойная и совсем почти не плачет.

При мне она своими ручонками брала игрушки и бросала их на пол, а меня, когда я брал ее на руки, хватала за бороду. Для Вали ее дочка самое лучшее утешение в жизни.

У Вали я тоже встретил радушный прием, для меня она поставила койку, на которой я и спал. Был ко мне очень внимателен и Борис Яковлевич. Три раза он мыл меня в ванне.

В Москве мне жилось очень хорошо, покойно и весело. И мне очень не хотелось уезжать из Москвы, мне хотелось и Новый год провести в кругу своих дочек.

19 декабря я был уже в Аткарске.

Дорогие мои дети!

В случае моей смерти все оставшееся после меня разделите так: деньги, хранящиеся в сберегательной кассе г. Аткарска, разделите все по равной части, уделите и Саше. Деньги из кассы я доверил получить Сереже. Одну большую подушку возьмет Таисия, другую подушку возьмет Нина Иваницкая, поменьше подушку и думку возьмет Валя, Валя же возьмет самовар, поднос, полоскательницу и чайник, и дождевой плащ. Все это лежит в сундуке. Валя возьмет и свое одеяло, и зеркало.

Зимнее пальто, осеннее пальто и третье пальто, одеяло и простыню возьмет Зинаида. Все это она мне дала и она возьмет все это.

Возьмет она и шкатулку. Тоня возьмет четвертую подушку, она лежит на кровати у Жени.

Стенные часы я желал бы отдать на память Володе за его в высшей степени ко мне добрые отношения и за его щедрую помощь.

Сундук, кровать и перину продайте и деньги разделите на всех.

Тулуп возьмет Сережа, а мое белье и все остальное, что окажется в сундуке, разделите по своему усмотрению. Из денег, принадлежащую часть Василию, отошлите ему непременно, а также отошлите деньги и Володе. Вот такова моя воля, которую прошу вас, мои дорогие, исполнить.

Кармилов. 1939 года, мая 17 дня.

Прошу же тебя, дорогой Сережа, мою волю исполни. Получишь деньги из кассы, подели их всем моим детям по равной части. Конечно, возьмешь и свою часть.

1941 года, апреля 7 дня

Кармилов.

Из очерка о жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте (1903 год)

В 25 верстах от ст. Молосковицы Балтийской ж.д. в одном из живописнейших уголков Ямбургского уезда приютились десятка 1,5 новеньких маленьких домиков с новой деревянной церковью.

Это – колония для прокаженных, состоящая под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны общества для борьбы с проказой в Петербургской губернии.

6 с половиной лет назад на берегу одного из ручьев, в присутствии С-Петербургского Губернатора гр. С. А. Толь и Губернского врачебного инспектора действительного статского советника А. И. Кармилова положен первый камень, послуживший фундаментом для постройки первого барака... Церковь кончена и 13 ноября сего года в колонии для этих несчастных произошло радостное событие.

Всеми любимым и глубоко чтимым пастырь наш отец Иоанн Ильич Сергиев прибыл в колонию для освящения нового храма во имя св. Целителя Пантелеймона.

В качестве губернского представителя присутствовал губернский врачебный инспектор, действительный статский советник А. И. Кармилов и врачи: профессор О. В. Петерсон,

П. Н. Прохоров и И. П. Бирюков. Кроме названных лиц были налицо представители Ямбургской уездной власти... После освящения, в квартире директора для всех прибывших на торжество, был организован обед, на котором врач инспектор А. И. Кармилов поднял бокал за драгоценное здоровье Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Федоровны, а отец Иоанн за здоровье Августейшей Покровительницы Общества, вдовствующей Императрицы Марии Федоровны.

о. Иоанн Кронштадский

За заздравными тостами следовали речи. Первым говорил профессор О. В. Петерсон, очертивший деятельность колонии и, с согласия врача инспектора, просивший позволения у отца Иоанна назвать новый барак – «барак о. Иоанна Кронштадского».

В сжатой, но замечательно образной и содержательной речи А. И. Кармилов, описав жизнь колонии и историю ее возникновения, выразил надежду, что при общих усилиях борьба с проказой достигнет желаемой цели и по возможности парализует непомерный рост этого крайне тяжелого и трудно поддающегося лечению недуга.

Историческая справка о г. Аткарске Саратовской области

В 1358 году на месте, где сейчас расположен город, в густых лесах был основан улус татарского хана Еткары. По его имени назвали речку. В то время это место было выгодным военно-стратегическим пунктом. Природные условия благоприятствовали земледелию, животноводству, рыбной ловле и охоте. Когда после покорения Казани и Астрахани Московское государство начало строительство сторожевых слобод против набегов кочевников, для одной из таких слобод в 1702 году было избрано «угожее и крепкое место» – на правой стороне реки Медведицы, при устье речки Еткары. По имени речки и назвали слободу. Населили ее солдатами, которые несли сторожевую службу, а также обрабатывали землю, сеяли и убирали хлеб. В то время слобода подчинялась петровскому воеводе.

После подавления восстания под предводительством Е. Пугачева в 1780 году Еткара была преобразована в уездный город Саратовской губернии Аткарск. На начало XIX века в городе проживало около 1200 человек.

После реформы 1861 года в городе и уезде появились промыслы по переработке сельскохозяйственного сырья. Оживилась торговля хлебом. Однако город продолжал оставаться захолустным и совершенно неблагоустроенным, с невзрачными деревянными постройками, крытыми большей частью соломой и камышом, немощеными улицами, и носил кличку Соломенного городка. Огромный пожар 1870 года уничтожил две трети его построек.

Торговля хлебом – основным богатством края – превратила в свое время Саратовскую губернию в один из крупнейших центров российской экономики. Решающее значение для темпов развития Аткарска оказало его положение между двумя крупными центрами зерновой торговли – городами Саратовом и Балашовом. Аткарск остался в тени более мощных соседей.

Важным событием для Аткарска явилось открытие железнодорожного сообщения по линии Тамбов-Саратов

(1871–1872) и постройка железнодорожной ветки на Вольск (1893). С этого времени город стал быстро заселяться железнодорожными рабочими, ремесленниками, купцами, и уже в 1907 году в нем проживало 13 тысяч человек.

Примерно в этот период выстроены две паровые и две водяные мельницы, железнодорожное депо, четыре кирпичных заводика, мыловарня, две крупорушки и другие кустарные предприятия.

С постройкой железных дорог экономико-географическое положение города улучшилось, и он превратился в крупный пункт хлебной торговли. Все села уезда везли хлеб в Аткарск, где его скупали купцы, а потом по железной дороге отправляли в Москву, Петербург и за границу. Ежегодно отсюда вывозилось от 2 до 3 миллионов пудов хлеба.

В наши дни Аткарск известен производством оборудования для горно-перерабатывающей промышленности, а также, как и встарь, поставками сельскохозяйственной продукции.

*Иван Иванович Кармилов
с супругой Марией Афанасьевной Кармиловой (Тифловой)*

Действительный статский советник, лейб-медик двора Его Величества,
доктор медицины Александр Иванович Кармилов,
старший брат И. И. Кармилова.
На фотографии надпись: «Дорогому брату на добрую память» 4/VII 1902 года

Василий Иванович Кармилов, младший брат И. И. Кармилова

Слева направо: Афанасий Александрович Тифлов;
его дочь Мария, его супруга и их сын с семьей

О. Иоанн Кармилов, его супруга Мария Афанасьевна, их дети (слева направо): Сергей,
Владимир, Василий, Александр. В нижнем ряду: Таисия, Нина, Зинаида
(село Новокрещеное, Кузнецкого уезда, Саратовской губ., 1904 год)

Псаломщик Афанасий Александрович Тифлов

Храм Святителя Николая в с. Новокрещено, где служил о. Иоанн Кармилов

Семья священника Иоанна Кармилова. Сидят: Иван Иванович Кармилов, его супруга Мария Афанасьевна, их старшая дочь Александра. Стоят: няня и прислуга «Васильевна», Владимир, Таисия, Зинаида и Сергей.

В нижнем ряду старшие девочки – Нина, Валентина и Антонина; младшие – дочери Александры Ивановны Грачевой (Кармиловой) – Валентина и Нина (село Новокрещено, 1912 год)

Протоиерей Иоанн Кармилов, рядом с ним матушка – Мария Афанасьевна, за ним – их дочь Зинаида, в нижнем ряду – дочери Антонина и Валентина, и крайняя слева – Таисия. Рядом с о. Иоанном (по другую сторону) сидят его сестра Мария Ивановна с мужем (город Аткарск, 1915 год)

В нижнем ряду третий слева – протоиерей Иоанн Кармилов, рядом с ним сидит его супруга – Мария Афанасьевна. В верхнем ряду (слева направо): Александра Ивановна Грачева (Кармилова) с дочерьми Валентиной и Ниной, Таисия Ивановна, Зинаида Ивановна и Нина Ивановна Кармиловы (Аткарск, 1915 год)

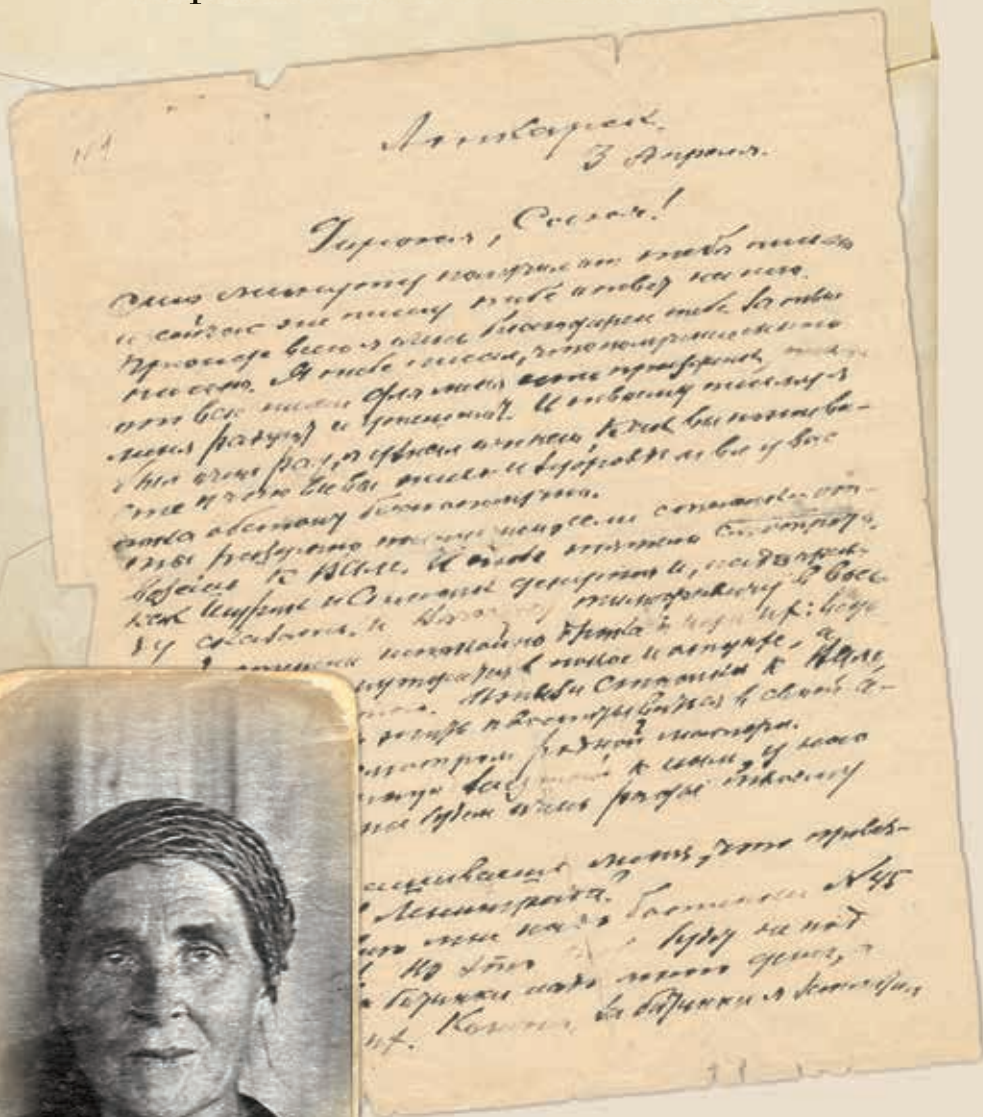
В нижнем ряду третий слева – протоиерей Иоанн Кармилов, рядом с ним сидит его супруга – Мария Афанасьевна. В верхнем ряду (слева направо): Александра Ивановна Грачева (Кармилова) с дочерьми Валентиной и Ниной, Таисия Ивановна, Зинаида Ивановна и Нина Ивановна Кармиловы (Аткарск, 1915 год)

25

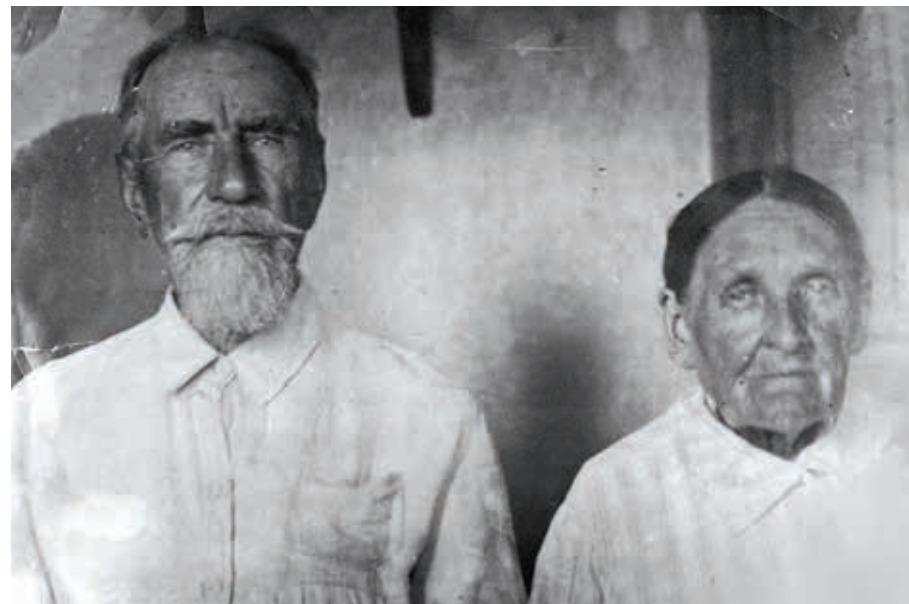
1938 года, Мария Ивановна
 Кармилова супруга моего старшего
 брата, Александра Кармилова.
 В 1882 году в Симбирске вместе с мужем
 переехала на службу учителя церковной школы
 в слободу Терновку.
 А в 1883 году в сопровождении брата
 с Марией Афанасьевной, дочерью
 Александра Александровича Мухоморова.
 Уехали мы в слободу Терновку.
 Брат совершил здесь казенную
 школу Малоголовский, с церковью
 слободы Федюшиной.
 На своей территории были также
 школы - церковная, церковная школа
 Малоголовский, церковная школа Антониевская
 сестры Ульяны (Васильевны) и Ульяны
 сестры Марии Андреевны со своим
 мужем Василием Кармиловым и
 Лаврентием.
 Со стороны супруги Марии Афанасьевны
 были на братской территории братья Кирилл
 и Михаил с сестрой, брат Михаил, брат
 Левант, сестры Евдокия, а также и другие.
 Наследство было разделено и отработано
 всеми и семьями.

Страничка из дневника о. Иоанна (И. И. Кармилова)

Письма о. Иоанна Кармилова
своей дочери Александре Ивановне Грачевой
(Кармиловой) за 1938–1942 годы

Александра Ивановна Грачева
(Кармилова)

Иван Иванович и Мария Афанасьевна Кармиловы (~ 1936 год)

— 1 —

Аткарск
3 апреля (~ 1938 год)

Дорогая Саня!

Сию минуту получил от тебя письмо и сейчас же пишу тебе ответ на него. Прежде всего я очень благодарен тебе за твое письмо. Я тебе писал, что получение мною от вас писем для меня есть праздник, письма меня радуют и утешают. И твоему письму я был очень рад, я узнал из него, как вы поживаете и что все вы живы и здоровы и все у вас пока обстоит благополучно.

Ты разумно поступишь, если Стасика отвезешь к Вале. И тебе тяжело смотреть, как Шурик и Стасик дерутся и, надо правду сказать, и Вячеславу Тимофеевичу в высшей степени непокойно трепка и игры их: ведь и Вячеслав Тимофее-

вич нуждается в покое и отдыхе, а у вас и нет этого. Отвези Стасика к Вале, он там будет жить и воспитываться в своей семье под присмотром родной матери. Из Ленинграда приезжай к нам, у нас поживешь, мы будем очень рады твоему приезду.

Ты спрашиваешь меня, что привезти мне из Ленинграда?

Прежде всего мне надо ботинки №45 или №44. Но это тебе будет не под силу, ибо на ботинки надо много денег, а у тебя их нет. Конечно, за ботинки я заплатил бы тебе деньги. Ты лучше вместо ботинок купи мне одну пару кальсон и привези мне, за что я буду тебе очень благодарен и заплачу деньги. Больше ничего не надо. Передай от меня Вале сердечный привет с пожеланием ей быть здоровой, детишек ее поцелуй за меня, такой же привет передай и ее благоверному.

Я пока жив и здоров. 6 апреля еду в Саратов к Зине. Пожалуй с месяц пробуду у ней, а потом опять вернусь в Аткарск. Сергей чувствует себя хорошо, но все-таки в июне месяце поедет на курорт в Песчанку. Софья и ребята здоровы. Тоня тоже со своими ребятами здоровствует.

Ну, благополучный тебе путь я желаю, будь здорова и в добром здравии возвращайся в Куракино. У Вали не оставайся, а приезжай к Нине и живи у ней.

Передай от меня сердечный привет Нине с Вячеславом Тимофеевичем и передай им, что летом я как-нибудь соберусь к ним дней пяток пожить у них, а всех моих правнуков поцелуй за меня.

Сереза в школе, Соня ушла к Анне Васильевне поговорить с ней насчет платья. Материи на платье ей прислала тетка из Ленинграда.

Ну, дорогая Саня, будь здорова и храни тебя Бог.

*Любящий тебя твой
И. Кармилов*

Аткарск

8 мая (~ 1938 год)

Твое письмо, дорогая Саня, я сию минуту получил и очень удивляюсь тому, что ты мое письмо не получила. Накануне твоего дня рождения я тебе послал письмо, в котором я, Тоня, Сереза с Соней и даже Женя поздравляли тебя с твоим праздником, надеясь, что ты его получишь в самый день твоего праздника. Странно, куда деваются письма и где они пропадают у вас, или у нас. Ты справься у своего почтальона, не он ли теряет письма.

Это письмо посылаю заказным. Очень печально, что Вячеслав Тимофеевич плохо ценит твои труды. А вот когда ты оставишь их и уедешь от них, тогда он узнает, как плохо им будет жить без тебя.

Зинаида была у нас в Аткарске, когда Нина с Вячеславом были в Саратове. Аткарские пока все здравствуют.

Ты пишешь, что у тебя нет летнего пальто. После мамыши осталось пальто, я могу отдать тебе его. Приезжай и возьми. Я все время занят устройством ограды на могилу нашей дорогой мамы. С большим трудом достал кое-каких досок и плюс к этому разбил старый сундук и вот из них теперь плотник работает ограду.

Поставлю ограду, выкрашу ее и тогда куда-нибудь уеду.

А куда же Вячеслав Тимофеевич переходит?

Действительно, Шурик отчаянный мальчик и с ним горе оставаться. Надо иметь большое терпение, чтобы пробыть с ним часа два или три.

От всех нас привет Нине и Вячеславу Тимофеевичу, а Шурику скажи, чтобы он слушался своей бабки и не хулиганил.

Ну, будь здорова!

*Любящий тебя твой Кармилов.
Тоня, Сереза и Соня шлют тебе привет*

Аткарск
10 сентября (~ 1938 год)

Дорогая Саня!

Посылку твою я получил. Я тронут твоим вниманием ко мне и от души благодарю тебя за посылку. Она получена вовремя, именно в то время, когда в Аткарске совершенно нет яблок. На рынке в незначительном количестве имеется только китайка и продается очень и очень дорого. 9 сентября я получил с почты посылку. Ребята Сонины и Тонины были дома и все они окружили меня с посылкой и, когда я открыл ящик и они увидели в нем яблоки, то они от радости захлопали в ладоши и стали прыгать: они уж очень удивились, видя такие хорошие яблоки и дули. Конечно, они получили по яблоку и дуле, с удовольствием ели и благодарили тебя.

Да, действительно, яблоки очень вкусные и таких у нас и поглядеть нет.

В собирании этой посылки, в хлопотах о ней и расходе принимали участие и дорогие Нина и добрейший Вячеслав Тимофеевич, поэтому и им я шлю сердечную благодарность. Спасибо и хлопцам Шурику и Стасе за конфекты. Шурику желаю отличных успехов в науке, а Стасе советую слушаться бабушку и меньше шалить. А ты, Шурик, будь в числе лучших учеников вашего класса, будь отличником.

Я пока жив и здоров. Нового в моей жизни ничего нет. От безделья хожу в лес и на реку и купаюсь. Сережи дома нет, он в Саратове лежит в больнице. Сегодня за ним едет Софья Матвеевна, завтра он будет дома, а 14-го сентября уедет на курорт.

Назад тому две недели у него из горла пошла кровь. Он очень испугался и тотчас собрался и уехал в Саратов. В Саратове, в вагоне трамвая, течение крови усилилось у него,

была вызвана карета скорой помощи и он попал в больницу, в которой работает Коля Покровский и Валя Соловьева. Они приняли в нем горячее участие, лечили его и ухаживали за ним.

Теперь он чувствует себя хорошо и течение из горла крови приостановилось.

Вчера Соня приехала из Ленинграда, куда ездила кое-что купить из белья, но ничего не достала.

Московские все живы и здоровы. По словам Сони, Валя похудела и очень скорбит, что не могут найти себе комнаты. Живут временно у свекрови, а она уехала на курорт до 8 октября.

Тоня возится с своими ребятами и занимается вечерами в школе взрослых. Она тоже давала денег Соне на покупку белья, но тоже ничего не получила. Благоверный ее служит в Красной Армии. К 1-му октября должен вернуться.

Вася по обыкновению молчит, ничего не пишет. И как он поживает, я ничего не знаю.

А как добрались до Куракина Нина и Вячеслав Тимофеевич? С большим трудом пришлось проводить их из Аткарска и то благодаря только настойчивости Вячеслава Тимофеевича. У нас стоит страшная жара, в городе пыль и дышится очень трудно.

В этом отношении вы застрахованы. А как здоровье твое, дорогая Нина?

Тоня, Женя, Сережа, Волька, Галя и Софья Матвеевна шлют всем вам привет.

Крепко и я обнимаю всех вас, от души желаю вам быть здоровыми и успеха в ваших делах.

Ваш Кармилов

P.S. Еще раз благодарю всех Вас за внимание ко мне и за посылку.

Аткарск
4 мая (1939 год)

Дорогие мои, Нина и Вячеслав Тимофеевич!

Вашу телеграмму я получил. Я очень тронут Вашим вниманием ко мне и очень благодарен Вам за поздравление меня. Всякого рода письма и телеграммы на мое имя для меня составляют праздник. Накануне моего рождения я получил три письма и две телеграммы. Великое спасибо Вам всем, что Вы не забываете меня.

Что Вам сказать о себе? Я пока жив и здоров и в жизни моей ничего нового нет. Она идет обычным порядком. Весь почти апрель месяц я жил в Саратове у Зинаиды. Жилось у ней мне очень и очень хорошо. Ходили с ней два раза в театр, смотрели Ивана Сусанина, были в кино, смотрели Петра вторую серию, а также были и в зверинце. А к 1-му мая Зина приехала к нам в Аткарск, майский праздник прожила у нас.

1-го мая мы ходили с ней на демонстрацию. День был солнечный, теплый, народу на демонстрации было очень и очень много и все были нарядно одеты. Школы хорошо были оформлены, некоторые школы имели свои оркестры, школьники были хорошо одеты и все с веселием и радостью ходили по улицам. Словом, демонстрация вышла на славу.

А вечером было много народу в саду. Теперь о Сергее. Он чувствует себя хорошо, кашляет совсем мало, температура нормальная, спит и ест хорошо. Но все-таки после экзаменов он на месяц поедет на курорт. Ему дают бесплатную путевку и, наверное, он опять поедет в Песчанку. Соня и ребята здоровы.

Тоня работает в школе взрослых. После 8 мая Валя из Москвы приедет или в Аткарск к Тоне, или к Зинаиде в Саратов. Весь декретный отпуск она проживет у ней.

Таичка сняла себе дачу и все лето будет жить на даче около Москвы. Выехать им из Москвы не представляется

возможности, так как Воле надо готовиться к экзаменам в УЗ.

Куда Нина из Москвы поедет, неизвестно пока. Она здорова и дети здоровы.

Володя из Перми с своей семьей собирается на Юг.

О Василии ничего не могу сказать. Он не пишет, и как он живет в Крестах, не знаю. Только знаю, что он из Крестов никуда не уйдет.

Где я лето буду проводить, тоже не знаю.

Вы как поживаете, здоровы ли Вы все и что в Вашей жизни нового? К Саше я не обращаюсь, будучи уверен, что она теперь уже в Ленинграде у Вали.

А как мой правнук успевает в науках, числится ли он в числе отличников школы? Пусть он сам ответит мне на этот вопрос. А нянчит ли он свою сестренку и гуляет ли с ней?

Погода у нас настала теплая и я каждый день хожу гулять в лес. В лесу очень хорошо, много появилось цветов и поют птички. В лесу я, можно сказать, отдыхаю. Мечтаю поехать в село Новокрещеное, в котором мы прожили 23 года. Хочется взглянуть на прежние места и повидать своих друзей.

Конечно, все это будет зависеть от моих ресурсов: если сумею скопить рублей 50, тогда обязательно поеду.

Сергей с Соней и Тоня с своей семьей материально живут плохо. Зарботной платы на месяц им далеко не хватает.

Тоне пожалуй простительно – она получает немного и Нилыч помогает ей плохо. А вот Сергею с Соней не простительно: они вдвоем получают порядочно и все-таки у них зарботной платы не хватает на месяц.

А я, например, живу на свои средства и стараюсь, чтобы у меня непременно (*неразб.*). Пусть будет это между нами, и пишу вам об этом по секрету. Ну, дорогие мои, на этом я кончаю.

Крепко всех Вас обнимаю и прошу Вас, не забывайте меня, пишите мне. Правнука и правнучку целую. Будьте здоровы.

Кармилов

Аткарск
13 ноября (~ 1939 год)

Дорогая Саня!

Твое письмо, посланное тобою через Сережу, Тоня получила. До сего времени она не собирается тебе отвечать – то некогда, то не хочется. Сегодня, будучи у ней, я поругал ее и решил сам написать тебе.

В своем письме ты пишешь, что никто тебе не пишет и ты не знаешь, кто из родных как поживает, хотя ты сама писала и мне, и братьям и они тебе не отвечают. Но я от тебя ни одного письма не получил. И я, правду тебе сказать, был очень удивлен, что ты мне в такое продолжительное время не написала ни одного письма, несмотря на то, что я просил тебя писать мне хоть изредка. Твое молчание я объяснял тем, что тебе просто нет времени, некогда написать.

Теперь о себе. Я пока, слава Богу, жив и здоров. В жизни моей нового ничего нет. Конечно, старею и все ближе подхожу к могиле. Сейчас я в Аткарске, приехал из Саратова 8 ноября. Больше трех недель жил в Саратове у Зинаиды. Жилось мне у ней очень хорошо и она уговаривала меня еще жить у ней. Она довольна работой. Утром в библиотеке, а во вторую смену дает уроки. И я по этой причине все время в квартире был один и обедал без нее. От нечего делать ходил по городу, бывал на рынках – Сенном, Верхнем, ходил на Волгу и на вокзал, ездил на пароходе в Энгельс.

Ходили с Зинаидой в цирк и в театр. Но однажды с Зинаидой случилась неприятная история: как-то вечером мы пошли с ней погулять и, проходя мимо одного магазина, увидели большую очередь. Оказалось, дают соленую рыбу, а Зинаида любит соленую рыбу и встала тоже в очередь, а я ушел купить варенья к чаю. Долго я ходил и вернулся домой, а Зинаиды все нет.

Наконец приходит Зинаида без рыбы и без часов. В магазин она прошла, в нем собралось много народу, ее сжали и она потеряла свои золотые часы. Так часы и пропали.

Будучи в Саратове, встретил Васю с Тоней. Он думает из Крестов перейти в Энгельс. Вася худой, а Тоня очень полная и здоровая. Была с ними и Мария, она очень похудела и скорбит о том, что отказалась от должности учительницы. Елена выехала в Мариинск. Я думаю поехать в Москву и, наверное, скоро уеду. Сережа хотел было поехать на курорт в Крым, но нет туда путевок. Он пока выглядит неплохо, ходит в школу, температура у него нормальная, аппетит хороший и сон тоже.

Москвичи все живы и здоровы и в жизни их нового ничего нет. Тоня пополнела, Нилович ее, возвратившись из военной службы, водки не пил, чем Тоня была очень довольна, но на праздник выпивал: теперь опять не пьет и аккуратно ходит в школу.

Теперь о вас. Вы как поживаете, что у вас в вашей жизни нового и как здоровье Нины? Как подвизается Вячеслав Тимофеевич на учительском поприще? Я уверен, у него по школе пойдет дело хорошо, ведь он очень аккуратный и трудящийся человек.

Я, Сережа, Соня, Сережа и Женя шлем всем вам сердечный привет и пожелание всего, всего наилучшего в жизни. Нине от души желаю быть здоровой и благополучной, правнуков целую.

На этом и кончаю. Пиши мне. Будь здорова и не забывай меня!

*Любящий тебя твой
Кармилов*

Аткарск

31 марта (~ 1940 год)

Письмо твое, моя дорогая Саня, я получил. Я очень рад, что ты здорова и что у Вали жилось хорошо тебе. И нужно бы пожить у ней до возвращения домой Сергея Александровича, а теперь ты оставила ее с 4-мя детьми одну и притом в трудное время для нее, когда она беспокоится о своем благоверном, не зная, жив он или нет.

18 марта я приехал из Саратова в Аткарск. Целый месяц прожил у Зинаиды, жилось мне у ней очень хорошо и отношение ее ко мне было самое лучшее. Оставляла меня еще пожить у ней, но я решил 19-го марта, день кончины нашей дорогой мамы, быть в Аткарске и побывать к ней на могилку. Так и сделал.

Теперь Зинаида живет на новой квартире. Астраханская улица, дом №118, подъезд 5, квартира 31. В квартире паровое отопление, теплая уборная и канализация.

Я очень благодарен тебе за память обо мне. Мне было очень приятно, когда я получил твое письмо (*неразб.*), прочитал его. А я думал и надеялся, что ты из Москвы заедешь ко мне в Аткарск и привезешь мне посылку – сахарку от Вали. Насчет сахара и остального у нас слабо. Все у нас стало страшно дорого. В Саратове то же самое и купить нечего, ибо все очень и очень дорого. Пшено, например, продается по 13 р. килограмм; картофель, самый нужный продукт, продается 100 р. пуд.

Я пока жив и здоров, хотя и сию минуту чувствую себя не особенно здоровым, ибо болел гриппом. До сего времени сижу в комнате и на улицу еще не выхожу, боясь простудиться. Конечно старею и все ближе подхожу к могиле. Ноги, зрение и слух тоже слабеют. Жизнью своей похвастаться не могу. Сейчас я сижу один, все разошлись по своим де-

лам – Сергей ушел в школу, Софья на работу, и Женя с Сережей куда-то ушли. Женя признан к военной службе годным и 15 сентября текущего года пойдет в армию.

Аткарцы все живы и здоровы и пока у них все обстоит благополучно. Михаил Нилович ведет себя прилично, водки не пьет и по школе у него дела идут хорошо. Тоня тоже работает в школе взрослых и у ней дела идут не плохо. Детишки их Вова и Галя учатся хорошо и здоровы.

Здоровье Сергея ничего, температура у него нормальная, аппетит очень хороший, но одно плохо – питание не особенно удовлетворительное.

Софья Матвеевна здорова, ребята Женя и Сережа тоже здоровы.

О Васе ничего не могу сказать, ибо ничего не знаю.

Володя пишет, что они живы и здоровы. Борис кончил курс отличником, а затем в армию, ибо и он признан годным к военной службе.

Нет ничего удивительного в том, что Вячеслав Тимофеевич пригласил тебя немедленно ехать к ним в Сердобск. Нина без тебя, как без рук, Шурик без тебя заделался безпризорником и хулиганом и стал учиться гадко.

Теперь, с приездом твоим, картина изменится: Нина будет отдыхать, Шурика ты заставишь заниматься и вся забота по дому и хозяйству ляжет на тебя. Вы с Ниной примите все меры к тому, чтобы Шурик сидел дома и занимался, никаких поблажек не делайте ему. Желаю вам в этом успеха!

Я, дорогая Саня, буду очень рад твоему приезду ко мне, приезжай, пожалуйста! На этом кончаю. Мой сердечный привет Нине, а внука и внучку целую и желаю внуку Шурику оставить хождение по улицам и усердно взяться за учебу, чтобы отличником перейти в следующий класс.

Передайте от меня привет и Вячеславу Тимофеевичу.

Ну, будьте живы и здоровы и во всем благополучны.

Ваш Кармилов

Аткарск
2 мая (1941 год)

Мои дорогие Саша, Нина и Вячеслав Тимофеевич!

Я очень благодарен вам за память о мне и поздравление меня. Вашу телеграмму я получил как раз в день праздника 1-го мая. Я пока жив и здоров и в жизни моей нового ничего нет. Сижу больше дома. Впрочем, с наступлением весны, я стал ходить гулять за город, где и сижу подолгу, любуясь природой. Одно плохо: держится погода плохая – и холодно, и сыро, и грязно – то дождь идет, а то и снег. В комнате холодно, печи не топим, ибо нет ни дров, ни угля. На рынке дров совершенно нет и уголь очень дорог – шесть (?) руб. пуд.

Сидим мы одевшись и ждем тепла. Софья Матвеевна находится в больнице, где она, по словам ее, чувствует себя лучше и покойнее. Всякий день навещаем ее и кое-что носим ей. По словам врача, который лечит ее, она должна бы выздороветь, а другие врачи, которые слушивали ее, находят, что она безнадежна. Кому верить, не знаю.

Ждем к себе Женю на несколько дней домой по случаю тяжелой болезни его матери.

Сейчас я один в квартире, оба Сергея ушли на Медведицу ловить рыбу удочками.

А вы как поживаете, здоровы ли и что в вашей жизни нового?

Теперь, я думаю, и у вас в квартире стало теплее и Нина бросила топить куб, что бывало делала при мне, чтобы согреться.

А когда мы с вами, Вячеслав Тимофеевич, поедem в Новокрещеное?

Мы с вами договоримся поехать туда весной. Это, конечно, не *(неразб.)* и как-нибудь побываем туда.

А как Шурик учится, перейдет ли в следующий класс отличником и как он ведет себя? Будь, Шурик, умным мальчиком, будь отличником и веди себя хорошо. А ты Лидочка большая, будь и ты умной девочкой, слушайся бабушку и маму и помогай им убирать комнаты. Ты, Нина, поцелуй за меня Лидочку.

Да, мои дорогие, 1-го мая мне исполнилось 79 лет. Живу долго, пережил своих отца и мать. Вот и вам желаю дожить до моих лет, желаю вам покойной, мирной жизни во всем благополучной и счастливой.

Тебя, дорогая Саня, поздравляю с наступающим днем твоего рождения. От души желаю тебе всего наилучшего в жизни. А вас, Нина с Вячеславом Тимофеевичем, поздравляю *(неразб.)* и большое вам спасибо за посылку.

На этом кончаю. Будьте живы и здоровы и не забывайте меня, старика.

Ваш Кармилов

P.S. Дмитрию Матвеевичу, Наташе (?) и Марье Дмитриевне передавайте от меня привет. Марье Дмитриевне я особенно благодарен за покупку билета до Аткарска.

Аткарск
6 июля (1941 год)

Сегодня, дорогая Саня, получил твое письмо. Я очень рад, что вы все живы и здоровы, рад, что и Нина разрешилась от бремени в добром здравьи.

Ее и Вячеслава Тимофеевича поздравляю с новорожденной дочкой, а тебя с внучкой. И первое твое письмо я получил, но своевременно на него тебе не ответил, потому что был немного болен и настроение было самое плохое, поэтому не писал.

И мое желание поехать в Москву не исполнилось, не исполнилось и желание с Вячеславом Тимофеевичем поехать в Новокрещеное. А сидеть в Аткарске надоело. Хотелось немного проветриться.

Теперь у нас живет Зинаида, она проживет у нас до 2-го августа. С приездом Зинаиды у нас в квартире стало гораздо лучше, стало и уютнее и гораздо чище, а самое главное мы с Сергеем освободились от кухонной работы.

Теперь вся уборка по кухне и уборка комнат легла на плечи Зинаиды. Работы у ней очень много и ей приходится с утра до вечера возиться с делами. Софья Матвеевна теперь дома, но она все время лежит в постели и ходить не может. Обещали ей дать путевку в августе месяце.

А Сергей уезжает в Баланду на 1,½ месяца, поедет он 20 июля и пробудет в Баланде до 2 сентября. Вот каково наше положение, очень незавидное и тяжелое. На время мы ждали тебя, думали, что ты недельки на две приедешь к нам и поживешь у нас.

А потом решили, что тебе ехать нет возможности и перестали ждать тебя.

Я пока жив и здоров, конечно старею и чувствую себя гораздо хуже, чем в прошлом году. Нового в моей жизни

ничего нет. Время провожу так: хожу в очередь за хлебом, иногда хожу за водой, хожу на рынок, а больше хожу в лес, где и подолгу сижу.

Тоня твое письмо получила, но на него не ответила. Она тебе напишет. Из Москвы получил два письма – от Таисии и от Нины. Таисия скорбит о Воле, а Нина скучает о своих детях, она ведь теперь работает в военном госпитале. Петр Германович в командировке, дети Герочка и Таня остались в квартире одни, поэтому к ним переехала Валя.

Володя лето будет проводить в Молотове, а Катя после экзаменов в своей школе уехала на Кавказ – у ней бесплатный билет.

От Васи писем я не получаю, он никому не пишет. Недавно он прислал мне капель для вливания в глаза. Ни в Саратове, ни в Аткарске таких капель нет.

Сергея дома нет. Они сегодня с 3-х часов утра ушли на рыбную ловлю.

На этом свое письмо кончаю. Будьте вы все живы и здоровы и не забывайте и меня, старика.

Софья Матвеевна, Зинаида, Тоня и Михаил Нилович шлют всем вам привет и пожелание всех благ.

Тоня с Михаилом Ниловичем зашли к нам мимоходом – они идут на свой огород мотыжить картофель.

Аткарск
17 января (1942 год)

Сию минуту получил твое письмо и сейчас же отвечаю тебе на него, дорогая Саня!

С удовольствием прочитал твое письмо и порадовался, что вы все живы и здоровы. Одно только плохо: у вас в квартире очень холодно и топить приходится понемногу за неимением дров. А для Нины с маленьким ребенком и вовсе плохо. Как здоровье Нины и ее новорожденной дочки? И у вас теперь стала семья: трое больших и трое маленьких. Все труды и заботы по дому и уход за ребятами ложится, видимо, на тебя, поэтому не удивительно, что иногда целый день бегаешь без отдыха.

Я пока жив и здоров, в моей жизни нового ничего нет. После Москвы в Аткарске живетесь и скучно, и грустно. Хожу больше к Тоне, а затем на вокзал и обратно и так почти каждый день.

В Москве жилось мне очень и очень хорошо. Из Москвы не пускали меня, оставляли на все время и я дал слово опять приехать к ним. Москвичи живут очень хорошо и питаются очень хорошо и все пока живы и здоровы.

Валя пока своей квартиры не имеет, а живет временно у Таисии, но в скором времени квартира у ней будет своя. А чтобы иметь свою квартиру, надо иметь 8000 рублей денег, чтобы купить ее.

Сейчас была Тоня. Она живет теперь лучше, М.Н. стал меньше пить. Тоня здорова и дела ее по школе идут хорошо. Детишки ее здоровы, Вовка отличник, а Галя замечательная плясунья.

Сейчас пришел из школы Сережа, как сказать о его здоровьи?

Температура у него нормальная, аппетит есть, сон хороший, но все-таки немного кашляет.

Ему нужно хорошее питание, а питается он неважно. Ему бы на месяц поехать в Москву к Таисии, там бы он скоро поправился.

Советуют ему пить молоко с медом, а меду у нас нет, и достать никак не можем.

Мы очень бы были тебе благодарны, если бы ты прислала поскорее для него меду.

Прошу тебя, если есть у тебя мед, пришли.

Мой сердечный привет шлю тебе, Нине, Вячеславу Тимофеевичу, а правнуков целую.

А как дела у Вячеслава Тимофеевича?

Соберись к нам в Аткарск, приезжай, будем очень рады твоему приезду.

Адрес Зинаиды: Пугачевская улица, дом №81, квартира 1.

Тоня, Сережа и Соня шлют всем вам привет.

Ну, на этом кончаю, тороплюсь к поезду сдать это письмо.

Я часто вспоминаю то время, которое мы провели в Москве с Вячеславом Тимофеевичем.

Ну будьте все живы и здоровы.

Ваш Кармилов

P.S. За небрежность письма не суди меня, писал, торопился.

Из дневника Н. Г. Топазова за 1916–1924 годы

(мужа Таисии Ивановны Кармиловой)

1916 год

Как и прежде, вся наша семья жила во второй городской больнице, где отец занимал должность смотрителя. Жили мы в квартире (казенной) из шести просторных высоких комнат, седьмая маленькая проходная. Я занимал отцовский кабинет, в котором стояли те же диван и письменный стол, которыми мы пользуемся и по сие время. Кроме этих вещей были: кровать, на которой я спал, аквариум большой, террариум с тремя живыми ящерицами и четыре стула из бамбука, которые я сделал сам, будучи еще в восьмом классе гимназии.

Зимние месяцы у меня проходили довольно однообразно. Давал уроки частные, очень мало занимался для Университета и продолжал работать в «Красном кресте» по перевозке раненых. Приходилось работать и днем и ночью. Обычно ехал на один из вокзалов: или Брянский (Киевский), или Брестский (Белорусский), где происходила разгрузка раненых с поездов в специально оборудованные трамваи, и затем развозили их по госпиталям. Иногда приходилось очень тяжело и физически, и морально.

Конечно, было и свободное время, которое заполнялось хождением по гостям, концертам и театрам. В эти месяцы я несколько раз послушал Шаляпина, Нежданову и Собинова, которые часто давали концерты в пользу раненых в благородном собрании (дом Союзов).

Почти все мои друзья в это время были уже призваны, одни побывали на фронте, другие были в военных учили-

Н. Г. Топазов (1973 год)

щах. У меня мелькала мысль пойти в Армию добровольцем, но родители были против этого и тяжело переживали. Меня не брали сначала как единственного сына, а потом как студента последнего курса.

В Университете занятия шли плохо, на лекциях иногда не было ни одного студента.

В доме было спокойно, все сестры работали, а мама, как всегда, заботилась о нашем питании.

В начале марта неожиданно ко мне приехал мой один друг по гимназии Коля Мериской. Заехал проездом на фронт – он был кавалерист и ехал в свою часть. Надо сказать, что перед уходом в Армию этот самый Коля привез мне три большие банки, в которых были змеи и ящерицы заспиртованные, и трех живых ящериц маленьких, сантиметров 12-15 вместе с террариумом. Коля был зоолог, и одно лето провел в пустыне Гоби и собрал там эту коллекцию. Эти

три банки в случае смерти моего друга я должен был отнести в Московский университет, а ящериц подарил мне. Эти живые ящерицы оказались такие забавные, что ими любовались все, кто заходил ко мне. Они так привыкли ко мне, что, когда я их выпускал из террариума, заползали на меня и выглядывали из расстегнутого ворота или из-под складок рубашки; это очень забавляло и смешило моих учеников, с которыми я занимался дома.

Коля провел у меня три дня. Пролетели они быстро. В семье моей всегда любили моих друзей и гостеприимно встречали. Его отъезд на меня произвел сильное впечатление, опять меня одолели мысли: уйти добровольцем в армию. В мае я получил известие о его смерти. Пал в бою. Я решил идти добровольцем бесповоротно. Сначала я отвез в Университет банки и от его имени их сдал. Затем стал выискивать способ осуществить свое намерение и не очень обидеть своих родителей.

Поехал я к своему родственнику полковнику Владимиру Михайловичу Кузьмину, мужу моей двоюродной сестры Зои Топазовой (Кузьминой) и поведал ему свои намерения. Владимир Михайлович был комендантом Брестского вокзала. Он меня успокоил и сказал, чтобы я готовился покинуть отчий дом – это было в июне.

А в июле (в начале) я получил от воинского начальника приказ явиться в Крутицкие казармы через два дня, «имея при себе...» Сделать это было чрезвычайно просто: Владимир Михайлович лично поехал в Крутицкие казармы к воинскому начальнику и изложил ему мое желание. Воинский начальник сказал, что это очень хорошо. Родителям пришлось сказать, что меня лишили отсрочки по призыву.

Явился в Крутицкие казармы, как было предписано, оттуда меня (учитывая и мое желание) направили в первую запасную арт. бригаду в команду вольноопределяющихся, расквартирована она была на Ходынском поле. Начальником этой команды был прапорщик Орлов Сергей Владимирович, сын врача Владимира Андреевича, который часто

бывал у нас в доме. Перед уходом из дома мне было передано от начальника команды, чтобы я сразу непосредственно явился в команду вольноопределяющихся. Но я не захотел нарушать тогдашних и тамошних правил: каждый из таких, как я, должен был сначала явиться в батарею, к которой приписан был у воинского начальника. Я был приписан к шестой батарее, и туда я и явился. Командиром батареи был полковник Ростовцев. Подпрапорщик меня зачислил в какой-то взвод, указал барак, дал там место и сказал, что я свободен до молитвы. Я явился часов в пять вечера и был свободен до 8 часов вечера. Пошел осматривать территорию бригады, присматриваться к людям, к нравам... становилось грустно на душе.

После молитвы и поверки я еще погулял час-другой и пошел спать на отведенное мне место на нарах. Нары шли вдоль барака в два этажа, мое место было внизу.

Эту ночь я никогда не забуду! До 11 часов было шумно, кто играл в карты, кто пел, одни сидели что-то жуя, другие бранились по каким-то причинам... Но после 11 стало тихо. Только два дневальных ходили вдоль нар: все ли в порядке, все ли на местах. Вскоре стали слышаться «охи», стоны во сне, вскрики, бормотанье; позднее стали слышаться целые фразы. Но вот к часу ночи стали появляться клопы, они ползли из всех щелей, стали жрать всех и меня в том числе. Солдаты завертелись на лежанках, вскакивали... Я лежал и думал и мучился, вспоминая домашнюю постель. Часа в четыре утра мой сосед, что-то вскрикнув, перевернулся и закинул на меня свои ноги. Здесь я не выдержал, вскочил, стряхнул с белья клопов, оделся и вышел из барака. Уселся около противопожарных средств и так просидел до подъема в семь часов утра.

Затем напился чаю с принесенной из дома едой и пошел строиться на поверку и молитву.

Потом началось ученье. Я присоединился к своему взводу, у которого первое занятие было маршировка. Меня,

как штатского, поставили на самый конец. Прогоняв «взад и назад» по плацу наш взвод, старший фейерверкер, взводный освободил меня от занятий, сказав, что я «умею ходить», и велел остаться здесь же у места ученья.

Через час к своим взводам стали приезжать господа офицеры. Начальник команды вольноопределяющихся, прапорщик Орлов С. В. тоже был, когда оба взвода выстраивались на поверку и молитву. Один из нас читал молитву (забыл какую?!). Первую ночь я проспал хорошо. После чаепития и поверки вышли на занятия. Нашим взводом командовал подпоручик Яценко. Первый час были вольные упражнения. Минут через 15-20 ко мне подходит Яценко и спрашивает, где я занимался гимнастикой. Я ответил, что несколько лет был в Русском сокольском обществе. Командир тогда только сказал: «Это и видно». Да, по сравнению со всеми другими я, действительно, отличался правильностью и четкостью выполнения упражнений. Затем теория по арт. наукам, уставы и конная езда по манежу. Эти занятия в дальнейшем повторялись изо дня в день!

Во взводе публика была разнообразная и по возрасту, и по интересам, были лет по 19-20, а были и лет 36. Одни на досуге читали книги, другие вели разговоры на разные темы, включая рассказы анекдотов – специалист их рассказывать был Сапруков (присяжный поверенный), числился в 6-й батарее, и прибыл на плац, где происходило ученье. Подошел я к нему, поздоровался, а он давай меня ругать за то, что я не выполнил его приказания и не пошел прямо в команду вольноопределяющихся. Дал мне препроводительную записку к подпрапорщику команды, и я пошел на новое местожительство.

Первые слова, которые я услышал, когда переступил порог барака, были: «Гляди, новая шляпа пришла». Подпрапорщик записал меня и отвел мне место на втором этаже на нарах. Моими соседями оказались: Любощинский Марк Маркович и Лазарев... (забыл!).

В бараке помещались два взвода: младший, который только начинал обучение и старший по обучению – на месяца 2-3 впереди. Всего человек семьдесят. В бараке было чисто, никаких клопов, но пол земляной. Мои соседи оказались очень интересными, симпатичными людьми, и о них у меня остались самые лучшие воспоминания.

Здесь, как и в других бараках, утром и вечером поверка и молитва. «На молитву шапки долой» – такая команда. Были любители музыки и пения, например Дик и Кравченко. Но были и такие, их было очень мало, распевали шансонетки и похабные песенки, держались вызывающе. А в общем публика была очень приличная, вежливая, дружная и дружеская.

Скоро я получил обмундирование, научился по-солдатски отвечать, разговаривать с начальством, становиться «во фронт», и так далее, и тому подобное...

День обычно был таков: в 7 часов утра подъем, в 8 – поверка и молитва, затем начинались занятия с перерывом на обед от 12 до 14 часов. После четырех часов были свободны. В это же время приходили и гости к нам. Я, как и многие, к обеду добавлял все то, что приносил из дома. Я очень много поедал струцеля, который мама готовила изумительно вкусно, ко мне часто приходили сестры Нина и Лида.

Пожив неделю-другую и сведя знакомство уже со всеми, стал себя чувствовать свободнее, уверенней. Появилось желание удирать домой после поверки на ночь, побыть в домашней обстановке. Таких желающих подобралось человек 5-8. В их числе был и Шафоростов Герман Николаевич, с которым я очень быстро сошелся, и проводили подолгу свободное время в бараке. Бегал я очень часто, как говорили тогда «драпал», в компании нескольких человек. Конечно, подпрапорщики уходили раньше поверки, но тогда на поверке кто-либо из друзей говорил «здесь», когда называлась фамилия удравшего. Обычно путь был таков: шли сначала к кладбищу Ваганьковскому,

там перелезали через забор и через кладбище выходили к Пресненской заставе. Некоторые из нас на кладбище переодевались в штатское, я же никогда не переодевался. У заставы садились в трамвай и разъезжались по домам. За все время моей беготни было два случая, когда с меня требовали увольнительную. Один полковник остановил меня на улице и потребовал увольнительную, я сказал, что в самовольной отлучке, он посмотрел на меня и сказал: «Ну и черт с тобой», – повернулся и пошел, в другой раз – генерал на Пресне, когда я стал ему во фронт, он мне говорит: «В самовольной?» – я ответил: «Так точно, Ваше превосходительство!» – он улыбнулся и сказал: «Я тоже уди-рал». Были и другие инциденты, но они всегда кончались скромно, не сердясь. Так раз днем пошли втроем гулять Жинкин Николай Иванович, Волков Н. и я в Петровский парк. По дороге поодаль сидел офицер с женой и ребенком. На его брюках были красные лампасы, «чи генерал, чи казачий офицер», по летам молодой. Откозыряли, как казачьему офицеру. Он окликнул нас, подозвал к себе. Перед нами был генерал. «Почему не так приветствовали меня?» Жинкин за всех ответил: «Ваше превосходительство, Вы так молоды, что приняли Вас за казачьего офицера». Он улыбнулся, а жена и говорит: «Да отпусти ты их, что ты их мучаешь?» Он махнул рукой, и мы ушли.

Конечно, обратное возвращение из дома в бригаду было тяжелей. Приходилось рано вставать, зато можно было повидаться с друзьями: с Мамуровскими Сашей и Володей, которые жили в том же доме, где и мы, и оба были штатские; с Виктором Щегловым, который был в это время в военном училище на Арбатской площади, с Володей Георгиевским, который был уже прапорщиком, и Мишей Шароевым, который был в юнкерском училище. Семен Иванович Федоров был в это время на юге: вместе с женой своей Валерией Александровной прокучивал сто тысяч рублей, которые Валерия Александровна получила за продажу своего дома.

Теоретические науки мне легко давались, а уставы, особенно устав внутренней службы, недолюбливал ужасно. Все-го больше меня увлекал манеж. Верховая езда, как вид спорта, который я прежде не имел. Вольтижировкой занимались только любители, конечно, и я в том числе. Прыгать через барьеры входило обязательным упражнением. Однажды моя лошадь задела при прыжке за заграждение, не взяла его, и полетела набок, я успел соскочить с лошади, стал на ноги и не выпустил узды, за что получил похвалу и благодарность.

Мои прежние увлечения легкой атлетикой, спортом лыжным и велосипеднымгодились на военной службе. Командир Яценко любил, видимо, и сам спорт. Он устраивал по вечерам прогулки верхом, беря с собой только тех, которых он считал достаточно физически крепкими. С ним я иногда уезжал верст за десять вдвоем. Были иногда состязания внутри барака в прыжках через «кобылу», «козла» или на турнике, брусках. Здесь я имел подавляющее преимущество. В то время очень редко кто серьезно отдавался спорту. Только один был Леман, который еще мог идти со мной в пару. Раз как-то прыгали через «козла», но постепенно поднимая его выше, участников оставалось все меньше и меньше. Наконец нас осталось двое только: я и Леман. Выдвинули до самого конца «козла». В это время зашел командир команды прапорщик Орлов. Только я один взял эту высоту. Командир сейчас же обратился к подпрапорщику и велел дать мне увольнительную до утра следующего дня. Я уходил под аплодисменты своих друзей.

Хочется еще сказать о посещении меня в команде Валерией Александровной. До сих пор я не был с ней знаком. В конце августа Семен и Валерия Александровна вернулись с юга. Семен сразу попал в госпиталь, у него плохо обстояло дело с кишечником. Как-то в воскресенье, сидя на скамеечке возле барака, я увидел даму стройную, в соломенной шляпке немного набекрень, интересную брюнетку, с зонтиком в руках; она подходит к дневальному и называет мою фамилию.

Я сразу подошел и назвал ее по имени. Вот так произошло наше знакомство. Оно послужило и дальнейшему знакомству с нашим домом. Часто бывали у нас Семен и Валерия Александровна, он пел, она прекрасно играла на пианино, аккомпанировала Семену. Убегая из команды, я всегда в дни их прихода бывал дома.

К числу своих друзей тогдашних должен присоединить Антона Антоновича Уссаковского и Красикова из Иркутска. С Антоном Антоновичем я встречался и позднее много раз. А у Красикова в семье, которая в это время жила в Москве, познакомился с девушкой, которая работала в одном из госпиталей. Я стал ухаживать за ней, часто виделись... но их госпиталь вскоре перевели в один из городов Московской губернии, и мы расстались поневоле. Но больше, чем с другими, я сошелся с Шафоростовым. Мы много времени проводили с ним в бараке и всегда вместе болтали. Дружба с Семой продолжалась все время, но видеться иногда приходилось не часто.

В семье отца моего никаких перемен не было. Жили теперь много скромней, гостей принимали реже. Отец понемногу сдавал здоровьем, но работал. Мама, как всегда, кулинарила, восхищая всех, кто бывал у нас, умением вкусно готовить. Сестры Нина и Лида работали, жили затворнически, Лялька училась в гимназии, Дина, живя у тети Элеоноры главным образом, вела более веселую жизнь в компании своих подруг и друзей.

Во время пребывания своего в команде мне удалось сдать в университете два экзамена. Я к ним готовился в свободное время в бараке нашем, затем подавал рапорт своему начальству о желании сдать экзамен. Меня отпускали на дня 2-3, а я приносил потом оправдательный листок о сдаче экзамена. Для сдачи экзамена никаких препятствий не чинили мне, наоборот помогали.

Новый год, как и все предыдущие годы, всегда встречали у нас все родные и близкие. Я был дома по увольни-

тельной на два дня. Старшая сестра Женя с мужем Борисом Константиновичем очень часто бывали у нас. Они жили в этом же доме, в котором я живу и сейчас, в 4-м Коровьем переулке (Добрынинский ныне) д. 8/10, кв. 24 этажом выше на той же лестнице.

1917 год

В начале января в нашей команде начались экзамены для нашего взвода. Первые экзамены были теоретические – по артиллерии, по материальной части, потом по манежу – все это я сдал очень хорошо. Наконец пошли экзамены по уставам. И вот по уставу внутренней службы я провалился: полковник Ростовцев, командир 6-й батареи, поставил мне двойку. Как ему не доказывали, что проваливать по уставу бессмысленно, когда по всем другим были хорошие отметки, он был неумолим. Мне казалось тогда, он нарочно мне занизил отметку, но я не имел права опротестовывать. Интересно, что некоторые из взвода, которые меня мало знали, думали по-другому: поставили «двойку» по-знакомству, чтобы не получить производства, и не ехать на фронт.

Мне было очень грустно. Кто выдержал, тем давали отпуска, разъезжались по домам. А я, получив отпуск на несколько дней, должен был явиться обратно в бригаду. Меня теперь откомандировали в 5-ю батарею к полковнику Вышеславцеву. Надо сказать, что на меня все офицеры смотрели, как на равного себе. Дали мне работу на манеже, обучать некоторых офицеров верховой езде (не хватало в артиллерии командиров). Я пользовался большими свободами, чем любой другой с тремя нашивками на солдатском погоне, как у меня. Мне каждый день давали увольнительные, ночевал я дома, хотя расстояние между домом и Ходынской было изрядное. Казарменная обстановка была тяжела во всех отношениях.

Дома я переодевался. Навещал друзей, знакомых, родных, хаживал в театры. Моя дружба с Германом продолжалась. Он часто доставал билеты на концерты с участием Изы Кремер и Борисова, которые нам очень нравились. Посещали с Германом и «Летучую мышь» Балиева, и ресторан «Крыша» – на крыше дома Нирзи.

Наступили февральские дни, поднялась громада и могучая волна радости народной. Воистину радость была всюду: на лицах, на улице, в семье.

На батареях временно прекратились занятия. Весь состав не выпускался из бригады. Составлялись конные отряды, которые шли на охрану в город. Я со своим отрядом 12-15 человек охранял то сберкассы, то почтовые отделения, то ходили в оцепление. Раз пришлось быть на Театральной площади у Городской Думы (теперь музей Ленина); туда приводили пачками и в одиночку бывших городских для отправки в Армию. Когда я со своим отрядом помещался где-либо во дворе дома, то обязательно меня зазывали в какую-либо семью и поили кофе или чаем с разными вкусными вещами, а солдатам выносили угощения.

Тревожные и радостные были дни!

Во всех местах – в домах, на улице, в учреждениях только и говорили о войне, какая она будет теперь, какова будущность России.

Миновали горячие дни февральской революции. Бригада вернулась к своим обычным занятиям. Но обстановка изменилась сильно. Дисциплина упала, трудней стало разговаривать с солдатами, на занятиях меня закидывали вопросами. Я только тогда понял, как я безграмотен политически: я не только не мог говорить о будущем что-либо, но я не все понимал и в настоящем, что творилось кругом. Пришлось обратиться к книгам, брошюрам, которые в то время выпускали в большом количестве, к людям, которые серьезно и грамотно разбирались в этом. Ко мне солдаты относились очень хорошо, – ведь я был без офицерских погон.

Некоторые офицеры, которые грубо и недружелюбно относились к солдатам, предпочли исчезнуть из бригады: видимо их переводили в другие части. Солдаты между собой очень много говорили о злободневных вопросах: о войне, о земле, о своем солдатском положении и о многих других житейских вопросах. Шумели! Избирались комитеты с участием солдат и офицеров. Армия перестраивалась на ходу!

В конце апреля, перед 1 мая, я получил производство. Недели мне погоны, дали лошадь, вестового и... я стал «Вашим благородием».

Теперь из дома на работу и обратно я ездил только верхом. Каждый день мне во вторую Городскую больницу подавали утром верховую лошадь. На ней я и совершал свое турне, возвращаясь домой. Кроме занятий с солдатами я еще обучал верховой езде и пехотных офицеров, которые готовились стать артиллеристами. Много времени уделял я занятиям по вольтижировке.

Времени свободного теперь у меня было много. По вечерам часто в нашей семье собирались мои друзья, которые были, как и я, пока в Москве и тоже прапорщиками. Фото, которое сохранилось у меня, покажет и Володю Георгиевского, и Мишу Шароева, и Виктора Щеглова. Всегда с нами бывал и Саша Мамуровский, но он был штатский. Кончал Университет и должен был остаться при нем в качестве научного работника. С Германом я служил теперь в одной бригаде, он в канцелярии занимал какую-то должность. Получая теперь определенное жалование, я чувствовал себя более свободно. Мы часто бывали на концертах, на «Крыше» – ресторан на крыше высокого дома Нирзи в Гнездиновском переулке.

Иногда приходилось дежурить по бригаде. Однажды в мое дежурство в одном из барачков, где жили солдаты, поймали вора из числа своих же солдат. Его били, били до смерти. Когда я пришел на место происшествия, то ви-

дел лишь, как уносили труп весь в кровоподтеках и болтались кишки. Искать виноватых было бессмысленно. Народ жаждал крови! Борьба продолжалась.

В мае месяце я получил предписание сопровождать эшелон солдат, только из бывших городских, в качестве помначальника эшелона, на передовые позиции близ города Ковеля. Я был рад, так как вести занятия на батареях становилось все труднее и тяжелее.

Среди солдат шли какие-то волнения, они стали подозрительными, относиться стали с недоверием...

В эшелоне было сотни четыре человек. Подали состав с одним классным вагоном третьего класса для комсостава – для двух человек! А для солдат товарные вагоны с нарами в два яруса. Грузились на Белорусском вокзале, провожающих было очень много. Путь наш лежал на город Ковель, а там мы должны были получить дальнейшие инструкции. Ехали медленно.

На другой день на большой станции (какой, я забыл) мой командир заявляет мне, что он остается здесь в госпитале (заболел какой-то венерической болезнью) и просит меня принять командование эшелонном. Я оказался в полном одиночестве.

Я на этой же станции велел от каждого вагона прислать выбранного старшего, через которых я мог бы поддерживать связь с солдатами. Перевел всех их к себе в вагон, и они мне очень помогали в дальнейшем: распределять сахар, хлеб, кормить на станциях обедами и чаем. У них на руках были списки по вагонам.

Надо сказать, что большинство солдат везли с собой достаточно съестных припасов и многих не интересовали дожные пайки.

В последние дни поездки ко мне в вагон поодиночке стали заходить солдаты: одни говорили, что они хорошие портные, другие – прекрасные сапожники или каптенармусы и так далее, кто говорил о своих болезнях. Я всех успока-

ивал и говорил, что на месте вас всех распределят согласно вашим специальностям.

На пятый день прибыли в город Ковель. Дальше поезда не ходили. Здесь нас накормили, напоили, мы отдохнули. Я получил указания дальнейшего нашего пути – в штаб дивизии. Надо было идти километров 20-25 пешком. Мне предложили верховую лошадь. Но я, как ни любил верховую езду, отказался от нее, в дальнейшем мой отказ вполне себя оправдал. Ночевали в Ковеле в бараках.

Двинулись утром, построил я свою гвардию в три колонны и тронулись в путь. Я только теперь в пути разглядел своих ребят: все они были среднего возраста 35-40 лет, неуклюжие, пузатые, с большими мешками за плечами. Никакой военной выправки. Привалы я делал через каждый час пути.

Вскоре стали попадаться выжженные деревни, торчали только одни печные трубы, вид унылый! Дорога шла лесом, красивый смешанный, в котором тянулись небольшие оросительные каналы, метра два шириной с чистой прозрачной водой. Иногда на поверхность воды всплывали черепахи.

После первого перевала начались разговоры о тяжести пути, поднимался подчас ропот, что нас не считают и за людей. Вот я здесь и оценил свой отказ от верховой лошади. Я мог с ними разговаривать и приказывать, идя с ними рядом в тех же условиях, что и они, только за плечами у меня было пусто. Колонны растянулись на несколько сот метров, но дезертиров не было.

Не доходя до штаба с километра два, я построил и повел это штатское воинство. Доложил адъютанту о своем приходе. К приему они были готовы. Мне было приказано их выстроить в четыре шеренги, а мне при рапорте генералу называть его «Ваше превосходительство» (в тылу говорили «господин генерал»). Генерал принял рапорт, поздоровался с солдатами и, не сказав ни слова, ушел. Солдат сейчас же начали разводиться, а к вечеру я получил все документы нужные, и моя миссия была закончена. Накормили меня

в буфете, переночевал и на другой день верхом в сопровождении вестового поехал назад. Ехали кратчайшей дорогой, выложенной бревнами (местами были болота), по настилу. По дороге попался «питательный пункт». Но, увы! Кроме двух плиток шоколада, я ничего в нем не получил. В Ковеле накормили, посадили в поезд и тронулся я в обратный путь. Когда подъезжали к Сарнам, немецкий самолет сбросил бомбу, но, как говорили, вреда особого не причинил.

Через два дня я был уже в Москве. От начальства получил благодарность и недельный отпуск. Сказывалась война. По гостям ходить, как прежде, было и неудобно и хозяевам было не до гостей. Мои друзья – Миша Шароев, Володя Георгиевский, Виктор Щеглов и Саша Мамуровский – обычно собирались у меня и сидели мы в нашем «маленьком саду» и делились мнениями о текущих событиях, о грядущих, о житейских вопросах. Иногда уходили гулять куда-нибудь.

В июне месяце, благодаря стараниям моего друга Германа Ш., я получил командировку в Самару (Куйбышев теперь) для покупки муки для нашей бригады. Путь я избрал до Нижнего Новгорода (город Горький) поездом, а дальше на пароходе.

Ехал я в вагоне второго класса, в «мягком». В купе сидело шесть человек по билетам. На ночь размещались так: на нижних полках спали по двое «валетом», на верхних – по одному. Спал я один наверху.

В Нижнем я взял билет на пароход общества «Кавказ и Меркурий» в первом классе одноместное купе. Отходил пароход вечером, и я смог немного осмотреть город. Я был первый раз в Нижнем. Кремль и вид с горы на Волгу и Оку поразили своей красотой.

В то время пароходы были небольшие по сравнению с теперешними. Сколько там было кают, – я не знаю, но пассажиров было мало. У меня быстро завелись знакомства: один из них был молодой саратовский купец, вторым был священник из Самары, а третьей была очень симпатичная

девушка лет 22 из Царицына (теперь Волгограда). Мы все вместе обедали за одним столом на палубе, вместе гуляли на пристанях. На палубе было свободно, так как в то время пассажиры третьего класса не допускались наверх. Говоря правду, девушка отдавала предпочтение и внимание больше офицеру с погонами и шпорами, и мы засиживались на палубе до глубокой ночи, вдыхая аромат скошенных трав и любясь красотами природы. Конечно, мы хотели переписываться, я должен был написать первый письмо, но пока я доехал до Москвы, потерял ее адрес.

В Самаре я остановился в гостинице. Поили и кормили вполне сытно и вкусно. В три дня я закончил все свои дела. Было время и осмотреть город. Мне очень понравился на берегу Волги Струков сад. В нем было мало народу, много зелени, Волга... и я любил там просиживать вечера.

Вернувшись домой, я опять начал свои занятия в бригаде. Также друзья собирались у меня. Часто ходили гулять в Нескучный сад, который в это время был открыт для общего пользования. Нужно сказать, что теперешний его вид очень мало напоминает его прежние красоты. Было гораздо больше деревьев, были заросли кустов, в которых ютилась масса птиц, и их пение наполняло весь сад. Дорожки были уложены, с обеих сторон их росли густой стеной кусты жасмина, сирени, боярышника и т. п. В конце сада у заставы, где теперь голый овраг виден, – был Чертов овраг; в нем было изобилие кустов и трав, в которых водились змеи. Туда боялись ходить! В других местах было много цветов, особенно перед дворцом. Сад умелыми руками садовников был запущен, – и в этом была его красота. Было тихо, уличный шум не доносился сюда. В саду была аллея, ее называли «аллеей Храма Христа Спасителя». Если встать на ее дальнем конце и посмотреть вдоль нее, то в прорезе дерев, которые окаймляли эту аллею с двух сторон, был виден вдали Храм во всем своем величии (теперь нет ни Храма, ни аллеи).

Во время наших прогулок мы часто в Нескучном саду заходили к живущим там служащим сада и пили у них сырое молоко с принесенным с собой шоколадом. Многие сотрудники сада имели своих коров. Вот это молоко и причинило мне большую беду.

В конце августа я заболел брюшным тифом. Все врачи, что меня лечили, указали на молоко, как на причину болезни. Сначала болезнь проходила нормально, это я видел по настроению отца и матери – они были покойны, но все свои силы и заботы отдавали мне. Сестер в мою комнату не допускали из-за боязни заразиться. Уже через недели три врачи разрешили немного пополнить мой обеденный стол, так как до сих пор я сидел на строгой диете. То ли врач разрешил, чего еще нельзя было, то ли мама из-за любви ко мне прибавила чего-нибудь – я не помню. Но только после этого у меня скакнула температура, появились боли в области живота, – мне стало очень плохо. Я, конечно, не помню себя в эти дни болезни, но родителей своих я помню хорошо. Их было не узнать: отец временами не ходил на работу, просиживая у моей постели; все ночи проводил на том самом диване, который стоит в нашей столовой и который был тогда в моей комнате. У отца лицо помрачнело. Мать я часто видел с заплаканными глазами. Врачи, их было трое, заходили ко мне и днем и ночью. Высокая температура держалась весь сентябрь. Это был рецидив.

Вот дни октября я хорошо помню. Мне стало легче, лучше, миновало самое тяжелое состояние, о котором впоследствии мне говорил отец: «Ждали то ли смерти, то ли жизни твоей». Температура стала снижаться, но спадала она удивительно точно на 0,1 градуса каждый день. Я с нетерпением ждал вечера, нервничал, волновался..., но градусник в 6 часов вечера, когда я его ставил, показывал каждый раз на 0,1° меньше, чем было вчера. Наконец наступил день, когда мне сказали, что можно встать! И встал «живой скелет». Мне не забыть той радости, общей радости в нашей

семье, по поводу моего выздоровления. Это случилось в конце октября.

Начались дни выздоровления. Настроение у меня было прекрасное, меня все радовало. Как будто я второй раз переживал все чувства и восприятия, которые давно мне были знакомы. Я смотрел в окно и не мог насмотреться на давно с детства знакомые места, в которых я теперь находил новизну и красоту. Смерть ушла, и я хотел жить и радоваться.

Поправлялся я довольно быстро. Меня кормила мама своими вкусными несравненными изделиями, благо в то время можно было еще купить или выменять разнообразные продукты. В это время и Саша Мамуровский принес мне фунтов пять белой муки, – это их добрейшая мама Ольга Васильевна посылала мне для выздоровления.

Но вот мои ноги стали мне врагами, – с трудом передвигали меня. Я выходил в наш большой сад, где я обычно сидел на скамье и принимал своих друзей и знакомых. А в маленьких садах, которые были с двух сторон нашего дома, я учился ходить. Спасал и наш балкон, с которого открывался вид и на Москва-реку, на противоположный ее берег, на сад Нескучный и на Кремль. На нем я просиживал целые вечера.

Дни большевистской революции проходили как-то мимо меня. Иногда я слышал, как снаряды из «трехдюймовок» пролетали высоко над головой, с Воробьевых гор посылали в Кремль большевики, а из Кремля им отвечали юнкера. С бригадой я потерял всякую связь, денег мне не присылали (зарплату), я никого не видел оттуда. Все слушал только из чужих уст. Вот в таком состоянии я воспринял весть о приходе советской власти.

К концу ноября я уже мог ходить довольно свободно, но когда мне нужно было перепрыгнуть через небольшую лужицу, то, увы! всей ступней попал в нее. Прыгать еще не мог.

Жить становилось трудней. Продукты исчезали и дорожали. Надо было и мне приобщаться к «трудовой» жизни.

В моей семье, кроме матери, все работали, но деньги обесценивались, цены на продукты так выросли, что на зарплату жить стало невозможно. Продукты приходилось доставать «из-под полы» или на рынке. Запасную бригаду, где я работал до болезни, распустили. Мне уже месяца два три не присылали мою зарплату. Никто меня не беспокоил, тем более, что я имел право на отпуск. Да с моими ногами я еще не мог явиться на работу. Пришлось заняться уроками. Оплату брал «натурой», или черным хлебом (1/2 кило за занятие), или молоком, но брал и деньгами. Об одном уроке мне хочется рассказать.

Как-то раз один мой знакомый Четверухин Н. (теперь профессор), с которым я часто встречался у девушек (Шура, Варя, Настя) – подруг моей сестры Дины, предложил мне урок у бывшего председателя Государственного Совета Куломзина. Надо было заниматься с двумя его внуками мальчиками лет 12-13 Шуриком и Федорчиком. Я согласился. На другой день, одев студенческий сюртук (он был куплен мне в 1912 году подержанный у одного моего знакомого студента Соколова Саши, он кончал Университет), отправился по адресу где-то в переулке на Немецкой улице (им. Баумана теперь). Встретили меня настолько просто и приветливо, что мне было стыдно за свой сюртук. Кроме самого старика Куломзина, жили здесь его два сына: один был личный секретарь Марии Федоровны, а другой был предводитель костромского дворянства. Первый был холост, у второго были жена и двое детей, с которыми я должен был заниматься арифметикой и началом алгебры. Имена взрослых всех я забыл. При дальнейших посещениях я одевал студенческую тужурку с косовороткой, так все было просто в этой дворянской семье. Иногда я оставался обедать, к обеду выходила Вырубова, фрейлина императрицы. Ей все по очереди целовали руку, а я отвечивал ей поклон и садился на свое место. Разговоры были и о прошлом, и о настоящем, и о будущем. Братя часто упрекали

друг друга в политических разногласиях. Я чувствовал себя как дома.

Прозанимавшись месяца полтора, я еще ничего не получил из своей зарплаты. Видимо, отец малышей моих забыл. Сказать я тогда стеснялся о деньгах, а отец мой дома нажимал на меня; деньги были очень нужны, становилось жить трудно! Все дорожало, некоторые продукты исчезли. И вот, набравшись храбрости, в конце второго месяца своих занятий напомнил отцу моих учеников об оплате. Надо было видеть его в этот момент! Он изменился в лице, расставил ноги и руки и смотрел на меня то ли с удивлением, то ли с ужасом. Потом он выскочил из комнаты с криком: «Оля, ты расплатилась с Николаем Геннадьевичем?» Получив ответ: «Нет», он стал извиняться, засуетился. Открыл платяной шкаф, схватил с верхней полки сверток, завязанный платком, оттуда вынул две бумажки по тысяче рублей (были такие при Керенском, с Таврическим дворцом) и протянул их мне. Я отказывался взять их, говоря, что мне нужно значительно меньше, но он и слушать не хотел, запихал мне их в карман мой. Потом подвел меня к тому же шкафу и просил взять любой костюм из там висевших. Но Николай Геннадьевич был «воспитан» и, конечно, не взял. За это меня отец мой не похвалил, говоря, что этот самый костюм мог прокормить нас изрядное время. Время шло, картошку и хлеб, муку и крупу можно было достать только на обмен. Деньги обесценивались, их старались не брать! Начали понемногу все мы раздевать себя.

Я брал сани и ездил по окрестным деревням через Калужскую заставу в село Семеновское, Тропарево, Коньково и другие. Среди крестьян-огородников были и такие, которые знали отца по второй Городской больнице, куда они доставляли овощи и картошку для питания больных. У них я иногда получал в подарок отцу бесплатно продовольствие.

Приходилось изворачиваться, все силы тратить на прокорм себя и нашей всей семьи.

Как-то в декабре ко мне явился незнакомый гражданин и просил меня придти на другой день по указанному им адресу. Я пришел к указанному дому, встал в подворотне и ждал. Скоро явился казначей нашей бывшей бригады и передал мне какую-то сумму денег... и то хлеб!

Это тяжелое время всего сильнее сказывалось на отце и матери. Отец нервничал и за нас всех, и по работе, у него всё больше пальцы на левой руке дрожали и сгибались. Мама билась, «как рыба об лед», стараясь накормить нас из того скудного продовольствия, что доставали.

Так дожили и до Нового года 1918. Этот год был последним, который мы справляли в квартире, где я родился и сестра Ляля, где вся наша семья жила с 1892 года. Справляли эту встречу Нового года в кругу близких и родных. Справляли на общих началах, то есть каждый приносил, что мог.

1918 год

Жизнь с каждой неделей становилась тяжелее. Огородники нажились, москвичи их обогатили, стали очень придирчивы к обмену на одежду. Надо было подумывать о поездках дальше от Москвы.

Мне иногда удавалось купить конины на Татарской улице, ушли из дома оба пианино, пошли в обмен на муку... Грустнее становилось дома в семье. У отца прогрессировала его болезнь: отнималась правая рука, плохо действовали пальцы.

В феврале месяце вместе с Володей Мамуровским отправились по Павелецкой железной дороге в деревню Карандеевку до станции Треполье (170 км от Москвы). Там проживали родственники няни Мамуровских Аксюши. Взял я с собой денег и платья в обмен (своих сестер). Ехали в поезде без всяких удобств, как попало, народу много, грязь, шум. Встретили нас очень радушно: была масленица, кормили нас блинами, ватрушками, мясом, катали в розвальнях, запряженных парой лошадей... в то время деревни жили неплохо,

но на голодных москвичей смотрели, как на дойную корову, как бы с них нажать. Чтобы реализовать свои платья, я начал обход по деревне, по избам, зашел по дороге и в сторожку церковного сторожа. Пока я раскладывал свои «товары», хозяйка пристально смотрела на меня, а потом как бросится на меня, давай обнимать, причитая: «Количка, да как же ты вырос! Я бы тебя всегда узнала, все равно, а ты меня не помнишь?» Я, конечно, сразу ее узнал, взглянув попристальней. Это была Домна, она в моем детстве была прислугой у нас. Она была очень рада: вспоминала добрым словом и моих родителей, и всю нашу семью и разные случаи из нашей совместной жизни. Провожая, она дала в подарок моим старикам два десятка яиц и немного муки. Но сменять что-либо отказалась наотрез.

Провели мы там три дня. В каждом доме, куда нас приглашали, угощали самогоном, блинами, мочеными яблоками, вкусными кренделями, плюшками! Все привезенное мною, конечно, на некоторое время улучшило нашу жизнь.

В апреле я решил съездить в город Козлов (теперь Мичуринск). Там начальником вокзала был отец моего друга по гимназии Николая Бурдина, который и посоветовал поехать туда. Взял с собой четверть денатурата и поехал. Попал я в поезд, который назывался «телячий экспресс». Состоял он из семи товарных вагонов, набиты они были людьми до отказа. Все стояли, как свечи, переминаясь с ноги на ногу. Шел он воистину быстро. На каждой остановке все выходили, чтобы посидеть где-нибудь и на чем-нибудь.

Переночевал у Бурдиных. Получил пуд пшена за денатурат и уехал обратно.

В марте месяце Кузьмин Владимир Михайлович, муж моей двоюродной сестры Зои, предложил мне место писаря у себя на работе в Комендантском управлении Белорусского вокзала. Раза три в неделю я приходил на работу, за это получал небольшой паек и небольшую зарплату. Работа была нетрудная, тем более что дни занятий своих мог перестав-

лять сам. Вот в мае, как сотрудника управления, меня направили в город Смоленск за получением продуктов-пайков. Снабдили меня соответствующими документами, получил я там сахар, муку, гречу и масло подсолнечное. Все это я добросовестно привез и получил мне причитающуюся долю. Паек был неплох.

Был и еще источник снабжения моих родных и себя. В семье Куломзиных, где я продолжал давать урок, на положении уборщика или слуги был один гражданин, очень симпатичный. По обращению с членами семьи, видимо, он служил у них и до революции. Так вот я с ним несколько раз ездил по Киевской дороге километров за 20 на станцию. Там обычно высаживались все те, кто везли с Украины муку и крупы для продажи. Везти в Москву было рискованно: на вокзале осматривали вещи и отбирали продукты. У застав городских тоже стояли отряды по отбору. Там мы покупали муку и крупы и тащили ее на себе пешком в Москву, обходя, всячески исхитрясь, заставы.

Вместе с этими путешествиями приходилось производить и в самой Москве обмены и покупки, но это все становилось труднее. Мы все постепенно раздевались, оставляя себе для внутреннего обихода для жизни старые поношенные одежды: их уже не меняли. Уходили книги, какие были у нас: Густав Эмар, Финемор Купер, Жюль Верн, классики все, мои учебники, атласы, беллетристика... Все, что копились годами с ростом детей в семье, все уходило на еду. Жуткое было время. Я не хочу писать о том унынии, которое царило в нашей семье.

У отца с начала 1918 года пошли неприятности с главным врачом, они и прежде были, но теперь к весне они заметно усилились. С другой стороны экономя, ведающий кухнями и продуктами, стал воровать. Отец нервничал, на этой почве у него одна рука стала совсем плохо действовать. Мы, дети, стали его уговаривать уйти в отставку, говоря, что его зарплата при теперешней жизни не играет никакой роли.

Он внял нашим советам и в мае подал заявление об уходе на пенсию.

В двухмесячный срок мы должны были покинуть 2-ю Горбольницу, покинуть квартиру в семь комнат со всеми тогдашними удобствами. Нам подыскали квартиру на Большой Якиманке (улица Дмитрова) в доме 47 фабриканта Старшинова. Этот дом снесли в 1973 году в ноябре месяце. В начале июля мы переехали. За многие годы жизни на одном месте (с 1890 года) оказалось очень много ненужного, лишнего при теперешней жизни имущества. У нас был двухэтажный сарай, в котором хранились разные комоды, сундуки, шкафы, детские игрушки... крысы. Две недели ушли на отбор и ликвидацию разных вещей. Приходили семьи рабочих там живущих и выбирали себе им нужное. Как сейчас помню, все наше имущество перевозили на лошадях (автомобилей в то время не было).

Квартира новая была очень хорошая из пяти комнат на третьем этаже, высокие потолки, света много. Конечно, собака Бобик и рыжий кот Рыжик, безусловно, заняли свои места и свое положение в новой квартире. Мы заняли три комнаты, четвертую заняла наша тетя Элеонора, пятую мой друг Миша Шароев. Разместились так: отец и я в одной комнате, в самой большой обосновались мама и две сестры – Лида и Ляля (Ольга Геннадьевна), а третью маленькую заняла сестра Нина.

Мне лично, да я думаю и всем другим в моей семье, было тяжело покидать наш дом. Покидать места, где я родился, где прошли мое детство и юность. Мне было в это время двадцать четыре года. Накануне переезда я обошел всю территорию больницы, все те места, где играли в «казаки-разбойники», где катались с гор на санях и лыжах, где играли в городки, в крокет, в бабки, обошел все сады – «большой», где мы обычно гуляли по вечерам, оба «маленьких сада» – один перед домом, где мы обычно пили вечерний чай, принимали гостей, другой за домом, на склоне горы,

где много деревьев были посажены отцом и мной, где я сделал беседку и обнес ее забором.

В тот вечер я долго сидел на балконе, без конца смотрел на Москва-реку, на ее дальний берег с избами огородников, за ними Хамовнические казармы с пожарной каланчей, на Кремль, на Новодевичий монастырь, на зеленую стену Нескучного сада. Было тихо, только иногда с реки доносилось пение, – кто-то плыл на лодке. Я уезжал от всего этого, но я никогда не забуду ни той природы, среди которой мы жили, ни той жизни нашей, что мы провели в стенах нашего дома.

Тяжесть расставания с родным кровом смягчалась обстановкой, которая складывалась тогда в больнице. Образовывались рабочие комитеты, советы, в которые обычно попадали бездельники и пьяницы, появились новые администраторы. Одни издавали приказы, другие их отменяли, обвиняли друг друга, придирались... Многие завидовали отцу, что он ушел на пенсию вовремя. Мне ставили в укор, что мне, как офицеру, подавали верховую лошадь к дому... В этом видели черты барства.

Началась жизнь наша в новой квартире в начале июля. По площади она была большая, кухня стала столовой, так как она была большая и просторная. Никакой, конечно, и ничьей зарплаты не хватало. В обмен пошли шубы и оставшиеся еще вещи, даже пришлось пустить в ход и чужую шубу. Одна наша хорошая знакомая, уезжая из Москвы, оставила свою шубу на хранение. Спустя год она приехала за ней. Узнав, что мы ее съели, она только сказала, что рада, что ее шуба хоть немного накормила нас. Она уехала на юг, на родину свою. Спасибо тебе, тетя Женя (Евгения Петровна де-Гейфье)! Перебивались, как только могли. Случайно на Калужской улице (Ленинский проспект) встретил я одного гражданина, который у отца работал в больнице. Теперь он был помощником повара в Медведниковской больнице (5-я Городская больница). Велел он мне приходиться ежеднев-

но к нему с судочками и давал супу и каши для моих стариков. Посещали столовые Нарпита, куда ходили и мои отец и мать. Одна такая столовая помещалась в доме Игумнова на Большой Якиманке (теперь там французское посольство). В чудесной громадной комнате с лепным потолком, разбитыми зеркалами и с досками на полу сидели и ели оборванные, голодные люди. Однажды я зашел в эту столовую и увидел своих отца и мать, сидящих там. У меня навернулись на глаза слезы: сидели они в стареньких потертых пальто, с усталыми лицами, словно забытые всеми, и хлебали хлебку.

Урок у Куломзиных еще продолжался. В комендантском управлении я уже был делопроизводителем (на Брестском вокзале) и получал паек больше, чем прежде.

В конце июля (даты я не помню) по приказу коменданта города все бывшие офицеры должны были явиться для переучета и регистрации в бывшее Алексеевское военное училище. Подчиняясь приказу и не желая подвергать своих родных неприятностям в дальнейшем (за укрытие офицера отвечали родные), я отправился в указанное время для регистрации в сопровождении двух моих сестер Нины и Лиды. Народу пришло очень много. Каждый «бывший» приходил с кем-либо из родных или близких, так как никакого доверия не было к этому приказу (так оно и вышло!) и к действиям большевиков по отношению бывших офицеров. Нас регистрировали и обратно уже не выпускали, загоняя нас на двор бывшего училища. Такая же участь и постигла меня. К полдню набралось нас несколько тысяч, а народу за оградой в несколько раз больше. Провожающие не уходили и ждали. Многие из бывших офицеров, видя такую «регистрацию», уходили.

Вокруг всего двора вдоль забора стояли часовые и внутри, и снаружи. Мы были, как арестованные. Говорили о причинах нашего ареста: будто бы среди бывших офицеров был заговор против большевиков, и надо было его сорвать, будто

бы решили проверить наличие бывшего комсостава и призвать его на службу в Красную Армию (эта версия и оправдалась в дальнейшем).

Во второй половине дня начали поступать на имя «сидящих» продуктовые посылки от родных и знакомых. Нас не кормили совсем в первый день, а потом давали кипяток и днем похлебку с черным хлебом (кусочек!). Конечно, с такого пайка сыт не будешь.

Из второго этажа проходной, где шла регистрация, можно было сравнительно близко видеть всех провожающих и даже переговариваться с помощью знаков и движений, методом глухонемых. Я видел своих сестер, стояли они растерянные, грустные, – они ведь мне не могли ничего передать. Увидел я еще и одну девушку Анюту Бажанову, которая дала мне знать и мимикой и руками, что она принесла обед, а что вместе со мной сидит и ее брат – я не понял. Брата ее я тоже хорошо знал. Конечно, еду она принесла брату, а не мне. Спустившись вниз, я на свое имя получил посылку. У нас установился порядок уже: если ты получил посылку, то поделись с другими. Я собрал пятерых человек, знакомых по Ходынке главным образом, и приступили к еде, благо посылка была изрядная и вкусная. Только вошли во вкус завтрака, как появляется брат Анюты – Герман. Оказывается, обед прислан нам обоим. Сейчас же поделились и с ним. В то время никто не обижался друг на друга, если даже кто-либо по ошибке съедал обед другого. Вот так и питались все дни, кто сколько сидел.

Спали мы, кто где сумел устроиться. Ведь мы не думали, что нас заберут, а потому были в том, в чем ходили по городу. Я спал, как и многие другие, в бывшей церкви, на каменном полу, подложив под голову полено, которое раздобыл во дворе. В нашу компанию попал артист эстрады Свободин – он же и преподаватель математики в одном из московских реальных училищ. Он умел превосходно рассказывать, я всегда любил концерты с его участием и слу-

шал с удовольствием. Москвичи его любили. Он до глубокой ночи потешал нас своим талантом. Здесь я встретил многих своих друзей по команде вольноопределяющихся, встретил Куломзина, отца моих учеников, и других знакомых. Целые дни бродили, слонялись по двору, собирались компаниями для уничтожения продовольствия или разговаривали на разные темы. Продуктов шло нам много, не забывал нас народ; тогда говорили еще, что и иностранные миссии присылали нам подарки.

Я пробыл в заключении четыре дня. Из управления, где я работал делопроизводителем, была прислана бумага с просьбой отпустить меня на работу и с указанием должности. Мне хорошо запомнился последний день. За забором поодаль стояла всегдашняя толпа родных и близких, не спуская глаз с того двора, где мы были. Днем, как-то стихийно, среди нас образовался хор в несколько сот, а может тысяч человек. Нашелся и дирижер: он стоял на сложенных друг на друге ящиках... Был он хромым и дирижировал палкой, которой он пользовался при ходьбе. Пели много песен: «Шумел пожар московский...», «Не осенний мелкий дождичек...» и так далее, пели старые русские песни, пели и военные... «Взвейтесь соколы орлами» и т. п. После первой песни за забором раздалось громкое «ура», аплодисменты, публика махала платками, шляпами – так горячо реагировали родные и близкие. Приходили и мои сестры Нина и Лида, стояли «дежурили», а к вечеру уходили. Теперь уже публику близко не подпускали, но иногда можно было разобрать знакомую фигуру.

Позднее, спустя несколько лет, случайно в городе Аткарске познакомился с этим дирижером, фамилия его Терпугов. Там он был регентом хора в соборе и с этим же хором выступал на вечерах, распевая русские и военные песни. Прекрасный человек и отличный регент. Много лет я водил с ним знакомство, а потом потеряли из вида друг друга, разъехались.

На четвертый день ночью меня вызвали в комендатуру, отдали все бумаги, которые были отображены раньше, и отпустили. Это было в первом часу ночи. Я шел по пустынным улицам и думал, и думал о нашей жизни. Когда я проходил по Покровскому бульвару, в Покровских казармах гремел духовой оркестр. В открытые окна были видны танцующие пары солдат с их дамами...

Поздно ночью пришел домой. Конечно, волнений было много из-за меня, особенно переживали мать и отец – они не спали ночей.

Пришел август месяц. Мы осваивали квартиру. Отец был мастер большой, где и что надо прибить, или сделает, или укажет, как сделать. Книги уходили быстро одна за другой и шкафы опустели. Впоследствии их сожгли в «буржуйках». С едой было также скудно и грустно. Последний мой урок у Куломзиных прекратился. Все семейство Куломзиных уехало за границу. Помню наше прощание. Все собрались в столовой. Меня стали уговаривать уехать вместе с ними. Предлагали обеспечить моих стариков на несколько лет, что будут им присылать посылки из-за границы и деньги, что они все так привыкли ко мне. Особенно старик Куломзин хотел этого. Я их хорошо понимал, они ехали, не расставаясь друг с другом, с большими деньгами, которые там обеспечивали им жизнь. А вот они меня не понимали, как мне казалось, когда я сказал, что я должен бросить своих стариков, для которых я был единственной надеждой в их жизни, что я люблю свою Родину, люблю русский народ. Расстались дружески. Служба моя давала очень мало, сестры получали еще меньше меня, уроков не было, а кормить надо всех.

В середине августа приходит ко мне один из моих друзей по команде вольноопределяющихся Антон Антонович Усасковский и предлагает уехать мне в город Арзамас в штаб Восточного фронта на должность артиллериста для поручений при Артуправлении штаба. Его хороший знакомый бывший полковник Александр Александрович Федоровский набира-

ет штат. Сам Антошка едет туда же и на такую же должность, как и я. Я решил принять это предложение, так как полагал, что в своих командировках я сумею помогать своим родным больше, чем сидя в Москве.

Через три дня я, получив соответствующие бумаги и проездные документы, прощался с Москвой, с родными и близкими мне людьми. Я и Антон уезжали в штабном вагоне с удобствами. Я уходил в Красную Армию, становился опять военным человеком. Это было примерно в 20-х числах августа.

Накануне моего отъезда на мое имя пришел пакет от военного комиссариата. Сестры мои не утерпели и распечатали его аккуратно над паром. В нем я назначался командиром батареи в одну из частей, стоявших около Звенигорода. Потом вновь заклеили, написали под мою диктовку: «Выбыл на работу в штаб восточного фронта», и отправили обратно.

По дороге в Арзамас много попадалось красивых мест. Я ни разу не ездил по этой линии. Особенно возле Муром залюбовался Окой с ее лесистыми берегами. А дальше пошли Муромские леса, мимо которых долго пришлось ехать. Эти дремучие леса подступали к самой железной дороге; мохнатые ели, высокие сосны, развесистые дубы и другие породы деревьев поражали своим разнообразием форм и величиной.

На второй день приехали в Арзамас. До города от вокзала пришлось идти с километр. С первого взгляда город поразили обилием церквей, которые своей белой окраской город делали белым, светлым. На главных улицах было много зелени. Штаб занимал большое четырехэтажное здание (бывшее епархиальное училище). После регистрации в штабе нас направили в жилотдел за получением площади. Я и Антон решили не расставаться. В жилотделе один гражданин подошел к начальнику отдела и, указывая на нас пальцем, заявил, что он хотел бы нам сдать комнату. Нам было все равно, в городе мы никого не знали, а потому и дали свое согласие.

Хозяин наш оказался преподавателем математики средней школы, кроме него были его жена, свояченица и двое детей. Предоставили нам большую комнату с камином, кроватью, диваном и столом с двумя стульями и вешалкой для платья. По жребию мне достался диван.

Началась наша жизнь в Арзамасе. На другой день нас облачили в военную форму без знаков отличия, дали три дня для устройства своих дел. Надо было сходить в баню, подогнать форму, приписаться на довольствие в штабную столовую, где мы должны были получать трехкратное питание, познакомиться с городом. Осмотр города начали с рынка. В то время для нас «голодных москвичей» арзамасский рынок представлялся сказкой. Большая площадь вся была уставлена телегами с поднятыми вверх оглоблями, рядом стояли лошади, покрытые рогожей от мух. Торговали всеми видами сельского хозяйства: туши мяса висели у оглоблей, на телегах восседали крестьяне, отвешивая муку разных сортов, крупы – пшено, греча, молочные продукты – яйца, творог... Ходили мы по рядам и не верили своим глазам. Цены я забыл, но, конечно, были много дешевле московских. Затем пройдя по улицам – двум, трем (город-то небольшой), пришли к концу города, где дорога шла вниз к реке Теши. Там очень красиво раскинулось село Выездное. От реки вид на город был чудесный: среди небольших домиков с садиками выделялся белый с колоннами собор.

С Антоном мы завели порядок в нашей жизни. Вставать в 7 часов, заниматься гимнастикой и приемами борьбы. Затем шли в столовую пить утренний чай, а к 9 часам были на работе. Обедали с 13 до 14 часов. Кончали работу в 18 часов, в 20 часов ужинали и пили чай. Потом прогулка, и спать. Такой режим был просто необходим: я в Москве потерял в весе очень много от постоянного недоедания и от забот. Антошка меньше страдал дома, но все же хотел тоже подкрепить организм свой (он был небольшого роста и худой от рождения). В штабной столовой кормили нас хорошо,

но нам «голодным москвичам» было мало этого. Папиросы, которые нам давали в пайке и в которых мы не нуждались, отдавали подавальщикам, а они нам за это приносили два, а то и три вторых блюда. Папиросы и спички в то время очень ценились. Я поправлялся, как на дрожжах. Скажу заранее, что в конце октября, когда трое друзей решили взвеситься, то я весил ровно 85 кг.

В Артуправлении была очень хорошая обстановка, все очень милые люди, начиная с начальника – жили мы все очень дружно. Для поручений было трое, еще был Петя Меандров – третий, молодой прапорщик бывший. Когда вопрос коснулся командировок, то из нас троих только я один оказался в них заинтересованным. У Антона семьи не было, семья Пети в Москве жила хорошо, отец был священником в одной из церквей на Мясницкой улице.

В сентябре командировка в Москву в ГАУ... Еду я. Выменял и купил один пуд муки, один пуд пшена, печеного хлеба 2 буханки, немного масла – вот мой первый багаж. В километрах 40 от Арзамаса на станции Мухтолово стоял грабительный отряд; стояли латыши и говорили, что они отбирали, просто грабили, все дочиста. При отъезде обратился я в ЧК при штабе фронта за разрешением для провоза. Начальником ее оказался один из наших знакомых, по дому отца, который бывал в гостях у нас частенько. Он, оказывается, в партии состоял давно. Конечно, он мне сейчас же дал такую справку, но сам же сомневался в ее силе.

По командировочному удостоверению в штабе я получил в дорогу мясные консервы, сахар и черный хлеб. Багаж мой состоял из чемодана и мешка, который я тащил на спине. Ехал я в штабном вагоне, забрался я рановато, в купе еще никого не было. Мое место было нижнее. Я отодрал сиденье, под него положил чемодан и мешок, оставив для вида две буханки хлеба, и вновь сиденье поставил на место. Это меня спасло от многих неприятностей в дальнейшем. Действительно, в Мухтолове отбирали мешочки по 5-10 кг крупы

или муки. В наше купе вошел латыш с электрическим фонарем (так как света в вагоне не было электрического, были свечи), провел им, где можно было. Я лежал на своем месте и, указав на хлеб, сказал: «Мои». Дальше заградительных отрядов до Москвы не было. На двух станциях по дороге к Москве были устроены продбазы специально для командировочных военных проезжих. Попробовал и я подойти, дали сахару, хлеба черного и две банки консервов – это у первой базы. У второй я проделал такую же операцию – и тоже вышло. Ура! Я вез сахар, консервы мясные, то есть то, чего давно мои не видели. Сам я очень экономно расходовал на себя.

В Москве опять при выходе шел осмотр вещей. Пришлось войти в дружбу с носильщиком, он за буханку хлеба провел меня через дыру в заборе где-то подалее от железнодорожных путей, а там уже ждали «рикши».

Они за полбуханки доставили вещи ко мне домой. Я «рикшу» сопровождал все время. Это была моя первая поездка; присматривался, изучал повадки грабителей отрядов заградительных для будущих своих поездок.

Дома я застал всех здоровыми и такими же голодными и худыми. Были рады и моему приезду и тому продовольствию, что я привез. Явившись в ГАУ, я и там сумел получить паек, но уже только для себя, чтобы не брать у своих того, что я привез.

Должен сказать, что все мои дальнейшие командировки сходили удачно, нигде и никто меня не грабил, – я принимал всегда все меры предосторожности. Признаюсь только в одном, чего не было в моей первой командировке, но было во всех дальнейших. Я стал брать с собой бланки артуправления со штампом и печатью. Идя в продбазы дорожные, я заполнял бланки, показывая трех солдат в командировке, и получал паек в три раза больше. Это мне давало возможность привозить своим больше сахара и мясных банок. Раз, я помню, привез 16 банок, и как мама, голодная и нервная, уставляла их в стенном шкафу, говоря вслух: сколько раз она

сможет сварить суп и кому как давать (сестры были разные и по здоровью, и по работе). Куда, в какие края, моя командировка ни была, я все равно заезжал в Москву и привозил продукты своим. Для этого приходилось иногда выписывать документы самому себе.

Было у меня много командировок, жизнь была «на колесах». Было много интересных встреч, знакомств. О некоторых поездках своих мне все же хочется рассказать.

В Казань ездил дважды; однажды была у меня и командировка на одну из фабрик по заготовке обуви для Армии, фабрика была вблизи Казани. Город Казань я внимательно и с удовольствием осмотрел. Много интересного и красивого: университет, Кремль, вокзал, улицы, больница для душевнобольных. Катался на барабусах. Извозчики только татары; на сани с плоским дном поставлена круглая корзина, в которую можно сесть троим, и барабус готов. На повороте при быстрой езде случалось, что корзина вместе с пассажирами съезжала с саней и, крутясь, ехала по улице по инерции. Мне надо было побывать во многих местах за день, и я не один раз вылетал вместе с возчиком. На фабрике при отъезде мне разрешили по фабричной цене купить две заготовки бурок вместе с подметками. Одну пару я привез отцу, он их «в минуту жизни трудную» выменял на продукты. Я же себе сделал бурки, в которых я ходил до конца моей службы в Армии. В это же время на Сухаревом рынке в Москве, проездом в Арзамас, купил козий мех и сшил себе поддевку, которая мне служила добрую службу в моей работе.

Затем поездка в Симбирск была. Не стоит говорить о цели командировок, все обязанности я выполнял отлично. Лучше говорить о делах житейских: привез я оттуда 300 штук яиц. Из них половину дал своему другу Мише Шароеву, который в это время был в Москве и одолжил мне денег на эти покупки. Рынки в Симбирске тоже, как в Арзамасе, были богатые. Привез я еще чемодан проса. Обрато я ехал в купе вместе

с какой-то молоденькой артисткой, кажется, по фамилии Весенняя.

Была командировка у меня и в город Ижевск. Далекая и не-много длительная. Числа 3 декабря выехал я сначала в Казань. На этом пути поезда ходили еще сравнительно сносно, а вот дальше от Казани до Ижевска много хуже. По дороге я должен был заехать в Вятские Поляны, где я провел целые сутки. Это большая деревня, в то время вся занесенная снегом. Я шел от станции по тяжелой пешей дорожке, валил снег, вдоль замерзшей реки. Я долго ждал поезда, чтобы ехать дальше. Дня через два приехали на станцию Агрыз, вечером, часов в восемь. До Ижевска оставалось километров 25-30, а поезд туда шел только на другой день утром. Эти места недавно были заняты колчаковцами, которых наши войска теснили дальше за Урал. Пошел по избам вблизи станции искать ночлега. Куда не приду – сейчас же отказ. Наконец, войдя в одну избу, увидел мальчика, сидящего за столом; он переводил с немецкого языка на русский небольшие легкие фразы. Отца не было, но я решил его подождать. Стал мальчику помогать переводить и так увлекся, что не заметил приход отца. Он сейчас же спросил меня, не из «бывших» ли я? Я сказал, что был прапорщиком и что я и студент Московского университета. На него это, видимо, произвело хорошее впечатление. Он устроил чай, я вынул свои продовольственные богатства (сахар, консервы, хлеб), поговорили откровенно об окружающей нас обстановке. После еды он повел меня на покой: подвел к темной комнате, указал угол, где я могу расположиться, и закрыл дверь. В избе была только коптилка одна вместо света. В комнате было прохладно, но мои бурки и поддевка грели меня на славу.

Немного погодя я услышал, что кто-то вздыхает в противоположном углу. Когда я в этом убедился окончательно, я окликнул своего соседа. Ответил мне молодой женский голос: «А Вы кто?» Я сказал, что студент Московского университета, нахожусь на военной службе в командировке...

«А Вы не бывший офицер?» – спросили меня опять. Я ответил, что был прапорщиком. Вот это слово «бывший» в тех местах и в те дни производило на окружающих благоприятное впечатление. Из дальнейшего разговора узнал, что ее отца, священника, убили красные, что она скрывается в этом доме, чтобы рано утром уехать в какое-то далекое село к родной тетке. За ней должны были приехать на лошадях. Часа в 4 утра хозяин тихонько ее позвал, назвав Настей, и добавил, что лошади пришли. Я Насте отдал все, что у меня было съедобного, оставив себе только ломоть черного хлеба и кусок сахара.

Утром, поблагодарив хозяина за гостеприимство, я уехал в Ижевск. Командировка моя была связана и с оружейным заводом и с начальником тамошней дивизии. Моя работа должна была занять несколько дней. Сначала я явился в правление оружейного завода и там начали гадать, к кому меня поместить на жительство. Казначей правления в это время уезжал в командировку в Москву и, узнав, что я из «бывших», сейчас же мне предложил свою комнату. Его мать, которая жила в соседней с ним комнате, ухаживала за мной и кормила по утрам. А спал я на кровати с сеткой и на перине! На такой кровати тогда мне в моей жизни еще нигде, и дома у себя не приходилось спать. Как казначей, так и мама его, были очень милые люди. На память от них я получил старые «николаевские» бумажные деньги в 500 рублей, в 100 рублей и т. д., были такие, которых не приходилось мне видеть раньше, до революции.

Устроив дела с жильем и едой, пошел я разыскивать штаб дивизии. Начальник принял меня и позвал вечером приходиться к нему на квартиру в гости. «Дела будем делать завтра», – сказал он. Пошел я посмотреть город Ижевск – небольшой город, расположен на горе, а на вершине горы стоит церковь и вокруг купола, пониже его, круговой балкон. Улочки идут с горы на гору; с вершины горы, от церкви, открывается очень красивый вид и на окрестности города;

помню озеро, которое виднелось сквозь стволы деревьев, где-то вдали.

Вечером я явился к начальнику в гости. Его еще не было, и принимала меня его жена. У них была отдельная квартира двухкомнатная; в первой комнате стоял обеденный стол и буфет, во второй – кровати и пианино. Обстановка их вся осталась от прежнего хозяина, кому принадлежал и весь двухэтажный дом, купцу Афанасьеву. Начальник пил чай из стакана в подстаканнике серебряном, на котором была написана фамилия Афанасьева. Жена начальника еврейка, медичка 2-го курса Высших женских курсов в Москве. Стала она жить с начальником из-за нужды и из-за матери своей, которую хотели выслать из города. Она много говорила о той тяжести, которую она испытывала, будучи его женой. Много расспрашивала о Москве, о жизни в ней.

Затем пришел и сам начальник. Вышел он в командиры из солдат, в разговоре был груб с женой и любезен со мной. Сидел в кресле у пианино, положив ногу в валенках на клавиши. После небольшого угощения, конечно, с выпивкой, вызвал из части лошадь с санками для двоих и повез меня катать по городу и за город. В Ижевске я провел дня 4, и все вечера он меня катал после чая вечернего. На прощание он подарил мне бочонок с медом. Без него, но с помощью добрых людей, достал я муки и пшена и хотел все это отвезти в Москву своим.

До Казани ехать было тяжело в общих вагонах, и только в Казани я пересел в поезд на Москву через Арзамас в штабной вагон. В мое купе сел начальник артиллерии штаба Восточного фронта. С ним, как и со всеми, я был в хороших отношениях, и он знал меня по работе. После некоторых колебаний я признался ему в своих замыслах, предварительно рассказав, как тяжело живут мои родные в Москве. Он очень сочувственно отнесся к моей поездке, сказал, что он меня не видел и чтобы я перешел в другое купе. Это сделать было нетрудно. В Москву я все благополучно довез.

Потом была командировка в Ярославль, но она была только интересна своим возвращением. Я очень торопился уехать из Ярославля, чтобы успеть приехать в Москву и встретить Новый год дома – эта командировка была в последних числах декабря. Поездов не было, но комендант указал мне, что ночью на 31 декабря идет санитарный поезд в Москву. Я к начальнику поезда... и он оказался нашим хорошим знакомым – бывший полковник, комендант Курского вокзала в прошлом – Петр Иванович. Мы оба были рады этой встрече. В одном купе с ним мы весело провели время и доехали до Москвы. На прощание он подарил мне 200 граммов спирта для встречи Нового года. Я приехал утром 31 декабря.

Днем забежал я к двум приятелям: в семью Мамуровских к Саше и в семью Щегловых к Виктору, чтобы поздравить их с наступающим Новым годом. Конечно, все мои поездки в командировках не всегда были приятны, были условия подчас тяжелые, много неудобств, временами окружение встречных... Но все это пустяки по сравнению с тем, что я получал в награду. Я всегда видел во взглядах своих близких чувство благодарности, которое никто никогда не высказывал словами, это чувство меня делало «Геркулесом».

Под полночь 31 декабря мы всей семьей встречали Новый год. С благодарностью вспоминали Петра Ивановича за его 200 граммов спирта. И вот здесь в Новый год отец не выдержал. Обращаясь ко мне, он сказал: «Если бы не ты, Николай, мы бы все поумирали с голоду, спасибо тебе». Эти слова отца для меня были наивысшей наградой. Переночевав дома в семье, в своей кровати, на другой день утром я возвращался опять в Арзамас в штаб к месту своей работы.

1919 год

Возвращаясь в Арзамас в поезде, ночью я был разбужен контролером. Я протянул ему свое удостоверение, контролер прочел, и лезет ко мне на верхнюю полку, где я спал:

«Николай, здорово». Им оказался один из футболистов, с которым мне приходилось играть. Расстались мы перед началом войны в 1914 году, когда он был призван. Поговорили и вновь расстались. Встретились снова уже года три спустя, в 1921 году. Я жил с ним в одном доме. Это был Борис Артемьев.

3 января явился в штаб, а там уже были заготовлены мне бумаги для новой командировки. Я был назначен представителем от Артуправления штаба Восточного фронта в комиссию по ревизии артскладов Поволжья. Комиссия эта уже уехала в отдельном вагоне дня три тому назад, а я должен был ее нагнать. В тот же день я и выехал, едва успев поздравить своих друзей с Новым годом. Первым поездом на Тимирязево, где был артсклад, и куда мне надо было ехать, был эшелон с нашими солдатами, которые возвращались из германского плена. Выбора не было. Вагоны были товарные с нарами, посередине печка с трубой через потолок наружу. В один из таких вагонов я и залез. Солдаты меня предупредили, чтобы я от них был подальше, так как они все во вшах. Я около дверей поставил свой чемодан, на него уселся, и так ехал до самого Тимирязево. Приехали ночью часов в 12. Конечно, комиссия была уже здесь и накануне уехала в город Аткарск. Переночевал я в артскладе на столе, подложив под голову толстую бухгалтерскую книгу. Утром комендант вокзала предложил мне ехать в общем вагоне. Мое преимущество было только в том, что меня посадили в вагон III класса, когда поезд еще стоял в тупике, и в нем никого не было. Потом на вокзале набилось так много народа, что выйти обратно, по-моему, возможности не было. Садись с шумом, криками, руганью. На скамьях сидели, плотно прижавшись друг к другу; между ног стояли мешки, чемоданы, на которых тоже сидели. На верхних полках (где они были), сидели люди, свесив ноги вниз и мотая ими перед лицами сидящих на нижних скамьях. К моей радости в нашем отделении не было верхних полок, они были отло-

маны. Бросалось в глаза, что каждый пассажир, как только ему удавалось примоститься, становился равнодушным, спокойным, и не скажешь, что 5-10 минут назад он обещал выбить зубы другому, который так же, как он, лез в вагон.

Я сидел у окна зажатый людьми и вещами. Единственным утешением было то, что поезд недолго стоял на станциях и шел быстро. Против меня сидела девушка, довольно легко одетая для января месяца, грустная, и временами тайком смахивала слезу платком. Скоро все принялись за еду, что у кого было. Открыл и я свой вещевой мешок; он был богат, – в нем лежали хлеб, консервы, сахар и даже немного сливочного масла, этот паек выдали в штабе. Все жевали, кроме девушки. У ней и багажа-то не было видно. Она отворачивалась к окну и прикрывалась носовым платком. Я отрезал ломоть черного хлеба, намазал маслом и сверху положил мясные консервы и протянул ей. Она не отказалась. Потом мы разговорились, – путь-то долгий, часов 10-12 ехали. Она возвращалась домой в Аркадак из Тимирязево, куда она ездила к арестованному отцу. Какой-то комиссар обещал ей освободить отца, но за это потребовал оплаты: провести с ним ночь. Она исполнила это ради отца. Ей дали свидание с отцом, и теперь она возвращалась с надеждой, что ее отца освободят. В те времена подобные истории были нередки; о таких случаях мне приходилось слышать и в других местах. При расставании в Ртищеве я отдал ей все свои продзапасы. До Аткарска мне оставалось ехать 90 километров, но по другой линии. На мое счастье в Ртищеве пришел поезд Троцкого. Явился я к коменданту поезда и получил разрешение поместиться в тамбуре одного из вагонов охраны доехать до Аткарска. Поезд шел до Аткарска без остановок, и часа в 2 ночи я выходил с поезда.

Приехал я ночью 7 января по новому стилю, в первый день Рождества Христова. На станции мне указали направление, в котором помещался артсклад, несколько шагов я шел по дорожке, по твердому снегу, а потом сбился в тем-

ноте и зашагал по прямой, «по целине», проваливаясь по колону в снег. Но вышел я удачно, прямо к 2-этажному каменному дому, как мне и описывали на станции. Стучал долго, и в ворота, и в парадное. Наконец вышел сторож, который спал, а за ним комиссар артсклада товарищ Окунев. Комиссия была еще в городе, как предполагал комиссар, поэтому он заложил лошадь и повез меня к одному из членов комиссии, который одновременно был и сотрудником артсклада, и местным жителем, чтобы узнать достоверно насчет комиссии. Этого члена комиссии звали Сергеем Ивановичем Кармиловым. На наш стук вышел он сам, сказал, что комиссия еще здесь, что она пробудет в Аткарске дня 2-3, и предложил зайти в дом и переночевать. Я отказался, сказав, что я ношу с собой много вшей, которых набрался по дороге, и обещал зайти утром.

В артскладе мне истопили баню, я переоделся во все чистое – со мной всегда были две смены белья и выходная гимнастерка. Сказать правду, ко мне, как представителю штаба, в артскладе отнеслись очень и очень любезно. В кабинете начальника на диване я спал ночь.

Утром отправился к С. И. Кармилову. Я помнил, что сегодня первый день Рождества, но что можно сделать в чужих краях, как его отметить? Открыла мне дверь девушка с половой щеткой в руках и предложила раздеться. Я поздоровался, не зная, кто передо мной: член семьи или прислуга. Вышел Сергей Иванович и повел меня в комнаты. В столовой за столом сидели: его отец, священник Иван Иванович, мать Мария Афанасьевна, член комиссии, представитель ГАУ, Виталий Семенович и трое сестер Сергея Ивановича младшего возраста. На столе кипел самовар, были пышки, яйца вкрутку, большой пирог на блюде и даже сахар. Я, конечно, поздравил всех с праздником и по привычке называл отца и мать Сергея Ивановича «батюшка» и «матушка». Начались расспросы о Москве. Вскоре вошла и та девушка, что меня встретила. Она оказалась из всех присутствующих дочерей старшей,

и звали ее Таисией. Стала матушка угощать меня, отрезала мне четверть пирога, громадный кусок. То ли мой внешний вид (5 пудов с гаком), то ли я говорил о голоде в Москве очень здорово, то ли второй член комиссии своим щупленьким, худеньким видом надоумил хозяйку дать мне этакую порцию, во всяком случае, все младшие дочери стали переглядываться между собой и потихоньку смеялись. В этой семье справляли праздник, и мне было чрезвычайно приятно присутствовать в этом доме. Затем мне предложили остаться у них и пообедать, отчего я не отказался. К вечеру явился и начальник комиссии некий Кравец, еврей. Впечатление произвел ловкого и энергичного человека. Его ловкость в дальнейшем проявлялась во всем. По утрам сидели в артскладе, проверяли, считали, а обеды и вечера я проводил у Кармиловых, главным образом в обществе Таички и ее знакомых.

Через дня 2-3 поехали в Саратов. Теперь я ехал в отдельном вагоне и имел отдельное купе. В Саратове пробыли 3 дня. Также по утрам обследовали артсклад и после 3-4 часов были свободны. Как-то вечером я решил посетить родственницу моей кузины Зою девушку Наташу, которая с матерью жила здесь. В годах 1912–1915 мы часто встречались в домах нашей родни и у нас в семье, быстро подружились, но не влюбились. Адрес я знал их и быстро их нашел. Я позвонил в звонок, а Наташа поглядела в окно со второго этажа, да как крикнет: «Мама, Коля Топазов пришел!» Дружески, тепло мы встретились. В подарок я принес им буханку хлеба и 2 банки мясных консервов. Это было наше последнее свидание. Она проводила меня до вагона. Через год она умерла от сыпного тифа.

Из Саратова мы вновь вернулись в Аткарск – «своя рука – владыка», так хотел Кравец. Мне это было «на руку». Ведь из Аткарска мы должны были ехать в Москву для доклада в ГАУ. Я смогу и своим привезти продуктов. С помощью семьи Кармиловых, конечно, отца Сергея Ивановича, приобрел я муки, крупы и мороженого молока. В тарел-

ку глубокую, или в судок, наливали молоко и выставляли его на ночь на мороз, а морозы сильные были в то время. Опять я все время проводил в семье Кармиловых, гуляли по городу с Таисией. Видимо, мы еще и тогда произвели доброе, хорошее впечатление друг на друга. Сергей Иванович добросовестно помогал доставанию продуктов и мне, и Виталию Семеновичу.

В Москве мой приезд был неожидан, тем он был радостней. Приехал я вовремя. Надо было в квартире сделать перестановку из-за холодов, напилить дров... Мужской силы не было, отец был слаб, хотя и помогал. В Москве наша комиссия после доклада распалась. Я один уезжал в штабном вагоне в Арзамас.

В штабе меня ждала совершенно неожиданная новость. Должности артиллериста для поручений упразднились и нас всех троих назначали начальниками огнеприпасов при артскладе: Петю Меандрова – в Ташкент, Антона – в Симбирск, а меня – в Аткарск! Воистину, было трудно поверить, что я опять должен возвращаться в город Аткарск, где я пробыл уже раньше несколько дней и где, возможно, я немножко «оставил себя».

Через несколько дней мы трое дружески отпраздновали наше содружество по работе, я поблагодарил их за то, что мне давалось так много командировок, без которых я не мог бы быть полезен своей семье. Получив документы, все мы, простившись и обещаясь писать, разъехались каждый по своему назначению. Перед отъездом я обошел всех своих добрых знакомых, как и по штабу, так и по городу. На этот раз я много привез мясных консервов, хлеба, пользуясь по дороге фиктивными документами.

Дома пробыл я 10 дней, не торопился. Дел много было по дому. Надо было достать дров, их напилить, утеплить окна – дом совершенно не отапливался. Съездил к огородникам с санями за картошкой. Навестить надо было всех моих друзей и знакомых. Все были заняты собствен-

ной жизнью и в гости почти не ходили друг к другу. Отец в самой большой комнате соорудил печку из кирпичей, которые сестры и я носили с Якиманки после разрушения колокольни Казанского собора. Надо было достать трубы и вывести в дымоход на кухне. За время своей предыдущей жизни я сумел подготовить астрономию и решил ее сдать профессору Штербергу. Узнал его адрес и пошел. Принял он меня осторожно. Открыл дверь мне молодой человек, велел раздеться и проводил меня в большую комнату, в которой стоял длинный стол со стульями (штук 20-30). Я не знал тогда, что профессор Штернберг – коммунист давнишний и что мы с ним встретимся еще раз в штабе Восточного фронта, где он позже был членом Реввоенсовета. Вошел профессор, указал мне место сесть у дальнего от него конца стола, дал тему и ушел. Через полчаса он вернулся и начал спрашивать меня, стоя в дверях от меня в метрах 8-10, и все время правую руку держа в кармане. Я отвечал ему тоже стоя. После ответа он предложил мне положить зачетную книжку на стол и пойти одеться. Увидев мою военную форму (кобуру с револьвером я оставил дома), он спросил меня о занимаемой должности. Только после моего ответа он подошел ко мне, отдал зачетную книжку и простился за руку. Грустно и тяжело было видеть тогдашних москвичей, изнуренных, нервных, и самую Москву темную, в сугробах, почти без транспорта.

В конце января я покинул Москву.

В артскладе моего приезда ждали, им сообщили из штаба. Отдел мой помещался на 2-м этаже в двух комнатах; в одной из них я поместился и как начальник, и как жилец. В моем распоряжении была канцелярия и охрана из отряда красноармейцев. Огнеприпасы помещались недалеко от железнодорожного вокзала, в элеваторе. Отношения у меня со всем персоналом артсклада установились самые дружеские, и я мог спокойно работать. Спал я у себя в комнате на столе, – другого ничего не было подходящего.

Дня через три, устроив свои служебные дела, явился я в семью Кармиловых. Встретили меня по-дружески, как старого знакомого. Предложили мне у них обедать, за что я должен весь свой паек отдавать им. Меня это, конечно, устраивало. А затем все, кто мог, стали мне подыскивать комнату. В то время найти жилье в городе было очень трудно. Наехало много народу из голодающих городов, в Аткарске еще были хорошие рынки, и многое можно было покупать за деньги. Нашли, наконец, мне комнату у сестры Ивана Ивановича – Марии Ивановны. У ней были две комнаты в собственном доме. Одну комнату она согласилась мне сдать только после долгих увещеваний всех членов семьи Кармиловых. Комната была изолированная с отдельным входом. Сказать если правду, то Мария Ивановна женщина была очень вздорная, в меру глупая, избалованная своим супругом-врачом, привыкла повелевать, строила из себя аристократку, только с замашками кухарки.

Вечера иногда проводили в семье Кармиловых, где собиралась подчас молодежь. С Таичкой я стал встречаться чаще, чаще гуляли по Аткарску вместе. Иногда она приходила ко мне в гости или одна, или с сестрой Ниной. Мало еще зная друг друга, мы невольно рассказывали друг другу о своем прошлом, о детстве, о жизни.

В феврале я получаю командировку в Симбирск. Иван Иванович, которого многие крестьяне с Пахотной (пригород Аткарска за рекой) уважали, и он через них мне помог приобрести нужные для Москвы продукты, да и сам я научился их доставать. Особенно выручали меня папиросы, которые я получал в пайке. Я, конечно, ехал через Москву, чтобы еще раз снабдить своих всем, чем только мог. На этот раз было и масло. Из дома, из Москвы, я послал первое мое письмо к Таичке (№1). Наступил март. Запахло весной. С Таичкой по вечерам мы встречались ежедневно. Она чаще стала приходиться ко мне. Моя хозяйка, Мария Ивановна Лециус, не смогла стерпеть того ужаса, чтобы девушка прихо-

дила в гости к мужчине, в этом она видела позор для девушки, для ее семьи... и недолго думая, отказала мне в комнате. Хотя наши встречи носили очень дружеский, сентиментальный характер, мы еще говорили на «Вы», но пришлось подчиниться.

Тогда семья Кармиловых потеснилась и поместили меня в отдельной комнате у себя. Чтобы попасть в свою комнату, мне приходилось проходить через большую девичью комнату. Но с теплом я стал пользоваться своим окном, как дверью. Кармиловы жили в одноэтажном кирпичном доме с двориком.

Наши симпатии, мои и Таички, крепки, а вместе с этим крепла и процветала наша взаимная любовь. Старики Кармиловы на нашу привязанность друг к другу смотрели с некоторым недоверием; смущали их моя забота о родных и количество продовольствия, которое я возил при своих командировках. Они, не зная состава нашей семьи, предполагали, что кроме семьи, отца и матери, имеется и моя собственная семья. Но это меня несколько не смущало – придет время, и все решится само собой.

26 апреля я получил командировку в Арзамас и выехал в Москву. Самым трудным местом в пути была станция Тамала, где обитал продотряд и, конечно, из латышей. Время от времени через эту станцию проходил эшелон русских солдат. Тогда проезжие им жаловались на беззастенчивый грабеж латышей. Наши солдаты всегда заступались, стреляли и гнали этих латышей за несколько километров. После этого дня 2-3 тихо на станции, «верх» православный!

Домой своим, как и раньше, привез всего достаточно. Застал стариков своих усталыми, нервными, одна сестра Нина только что перенесла воспаление легких. Ей надо было усиленно питаться. Я решил Нину увезти в Аткарск, где по сравнению с Москвой жилось лучше, и потому написал письмо Кармиловым с просьбой разрешить сестре моей приехать со мной для поправки здоровья. Мама за-

метила, видимо, по моему поведению, задумчивости, желанию скорей уехать в Аткарск, «непорядок в моих чувствах», но я ничего ей не сказал (как я жалел об этом позднее и не один раз).

2 мая я уехал в Арзамас. Там я задержался и по своим личным делам (за прошлые командировки мне выписали немалую толику), и по делам артсклада. Отсюда я послал второе свое письмо Таичке (№2). Как оно сильно отличалось от первого своим содержанием! Только 11 мая я сумел из Москвы выехать в Аткарск. Получив разрешение от Кармиловых, я повез сестру свою по документу, как секретаря артсклада. Она прожила около месяца в моей комнате. Теперь от сестры Кармиловой узнали точно, что у меня в Москве нет никакой другой семьи, кроме отца, матери и сестер. Наши отношения с Таичкой уже стали определенными. Мы были на «ты» при всех.

В начале июня я получил приказ из ГАУ в их адрес отправить несколько трехдюймовых орудий, о снарядах там ничего не было сказано. Тогда я решил отправить при орудиях три зарядных ящика, наполнив один из них баранками, печеньем и белым хлебом, второй – мукой, а третий – пшеном и пшеницей; яйца распихал, где и как только можно. Сопроводить груз выбрал одного из охраны («товарища Шишко») порасторопней. Ему придется эти ящики вывезти отдельно от орудий. Сам же я выехал с сестрой Ниной через несколько дней после отправки груза.

По приезде в Москву я сейчас же встретился с «товарищем Шишко». Два ящика он переправил в железнодорожный пакгауз для хранения вещей, а третий ящик пришлось отдать за то, чтобы получить эти два. Я нанял возчика с лошастью, заготовил соответствующие документы и вывез оба ящика. Накрыл их брезентом – у дома, где я жил, всегда ходил милиционер на посту. Пришлось подождать в переулке недалеко, когда он удалится подальше от нашего дома, и только тогда я «на рысях» въехал в ворота, ко-

торые открыл дворник, заранее предупрежденный. Пропал ящик с мукой! Конечно, дома были рады этому привозу, но вместе с тем и много было волнений из-за моего трюка. Сильно волновались и в доме Кармиловых. Я в самом деле подвергал себя немалому риску. В Москве я пробыл 2-3 дня и быстро вернулся в Аткарск.

В середине июня меня вызвали в Арзамас в штаб. Опять через Москву, и так далее... В Арзамасе я получил 24 тысячи рублей за прошлую свою работу и узнал, что наш артсклад и огнеприпасы переводятся из Аткарска – куда, не узнал. Да и сам штаб переезжает в другое место. С такими вестями я и уехал из Арзамаса. Накануне отъезда вечером звонили в колокола все тридцать церквей, – «вечерний звон»!

В последующие дни, после приезда, мои отношения с Таичкой вполне определились. В 20 числах июня я и Таичка заявили родителям ее, что мы женимся. Родители отнеслись к этой вести очень благожелательно, говоря, что это дело сугубо наше. В Москве, когда я там был в последний раз, я сказал отцу, что собираюсь жениться. Он только дал мне единственный совет – не брать в жены нервного человека. Скажу откровенно, я этого совета не выполнил.

В первых числах июля месяца из штаба пришел приказ о переводе нашего артсклада с огнеприпасами в Тимирязево. Начались сборы. К элеватору подали вагоны, грузили снаряды, орудия. Все дни сборов мне приходилось присутствовать на погрузке, расставлять охрану. И все же в один из дней погрузки кто-то поджег старые шпалы, сложенные в штабеля недалеко от вагонов со снарядами. Приходилось зорко смотреть и, где надо, усиливать охрану.

С Таичкой я виделся в эти дни очень редко. Но все было решено: мы связали себя на всю жизнь, а в доме Кармиловых на меня смотрели, как на близкого человека.

12 июля наш эшелон тронулся в путь. Таичка и ее сестры вышли за город к полотну железной дороги, чтобы проводить и помахать нам в последний раз.

У начальника склада был отдельный вагон, в этом же вагоне была и канцелярия. Я и часть сотрудников артсклада поместились вместе. Помещались на нарах. Посредине вагона стояла печка, а по бокам были сделаны нары в два яруса. Было шумно и весело. Мне же было грустно, я сидел у открытых дверей, смотрел и думал... (см. письмо №3).

По дороге от Ртищево до Пензы наш эшелон встретил какой-то эшелон красноармейцев. Начались состязания в пляске: нашлись гармонисты, плясуны, и на платформе порожней в составе товарного поезда, стоящего на параллельных нам путях, начались танцы, а потом и песни. А дальше в пути на какой-то уже другой станции встретили новый эшелон красноармейцев, состоящий из одних евреев. Здесь не было никакой пляски, ни песен, зато евреи ходили по вагонам и предлагали золотые пятирублевки и кольца купить, или обменять на продукты.

В Пензе должны были простоять полсуток. Многие пошли купаться, в том числе я, Сергей Иванович и Валентин Александрович. В том месте, куда мы пришли, течение реки было очень сильное. Немногие рискнули купаться, но мы трое искупались, потеряв при этом и мыло и мочалку – уплыли!

Числа 16 июля приехали в Тимирязево к месту нашего назначения. Начали искать помещение для артсклада и огнеприпасов. Во время поисков я зашел в одну избу и попросил пить. Старик вынес мне браги в деревянном плоском ковше, какие я видел только на картинках, изображающих пиры Владимира Киевского. Брага была крепкая и вкусная. Обошли все селение вокруг, но подходящего помещения не оказалось. Снеслись со штабом и получили новое назначение в город Саранск.

Дня через два прибыли в город в пасмурную холодную погоду. Все артиллерийское имущество было приказано штабом не разгружать, оставить на запасных путях. Пришлось усилить охрану, которая целиком лежала на моей ответственности,

в это время бродили слухи, что генерал Миронов со своим отрядом бродил где-то по здешним местам.

На другой же день я снял в городе две комнаты рядом: одну маленькую для себя, а другую побольше для Сергея Ивановича и Валентина Александровича. Скажу, что в этой «жизни на колесах», теперь и в дальнейшем мы жили неразлучно втроем. Устроились и с обедами по соседству – одна хозяйка взялась нам готовить обеды, и кормила хорошо. Чай утренний и вечерний пили дома. В то время в Саранске часто шел дождь, погода стояла хмурая, прохладная. Я сидел вечерами дома и готовился к экзаменам университетским. Мои же друзья частенько уходили играть в преферанс, а в ясные вечера уходили гулять в Пушкинский сад, где ежедневно играл военный оркестр. В начале второй половины августа заговорили о приближении отряда генерала Миронова к городу. Мне часто приходилось бывать на станции и усилить охрану.

Однажды, когда я возвращался домой, мне неожиданно преградила дорогу «гвардия» Миронова. Они проезжали через город, не останавливаясь в нем. Я невольно остановился и в числе немногих граждан смотрел на это шествие. Весь отряд ехал верхом. Сотни 3-4 на измороженных лошадях. Громадное большинство были мальчишки лет по 16-18, у всех был вид измученный, усталый. Посредине ехал сам Миронов на таком же «дохлом» коне, усталый, с отеком лицом, в папахе и в старой военной форме. Я стоял впереди в военной форме с кобурой на боку; он посмотрел на меня каким-то пустым, неживым взглядом и проехал мимо. Я даже не уверен, что он отдавал себе отчет в том, что и кого он видит перед собой. Через несколько дней я узнал, что этот весь отряд в окрестностях Саранска был «ликвидирован».

В нашем артскладе организовался «культпросвет». Включили и меня в него, я должен был прочесть несколько лекций по астрономии и с желающими заниматься математикой.

Это меня устраивало, так как давало возможность лишний раз съездить в Москву.

Вскоре, в начале сентября, я получил командировку в Москву в ГАУ и заодно купить для «культпросвета» книги и «волшебный» фонарь.

Конечно и на этот раз я поехал в Москву не с «пустыми руками». Застал всех более-менее здоровыми, без меры голодными, нервными. Устроив свои дела в ГАУ, я отправился в Аткарск повидаться с Таичкой. Пришлось ехать окружным путем через Моршанск, Пензу, Ртищево, так как прямой путь был закрыт: за Тамбовом где-то орудовала банда Антонова. Пробыл всего три дня и вернулся в Москву для дальнейшей своей работы. В Москве мне пришлось жить в комнате вместе с отцом. Было холодно, закутывались во все, что было; спать ложились – раздевались только наполовину. Отец часто меня расспрашивал о Таичке, интересовался ее семьей. Ему я сказал о своем намерении жениться. Во время своего пребывания в Москве я успел сдать два экзамена в университете и теперь я верил, что окончу его. Оставались еще два экзамена! Посетил всех своих друзей, гулял на Воробьевых горах, в Нескучном саду, любовался переливами осенних листьев на деревьях, наслаждался тишиной в аллеях запущенного парка, бродил по берегу реки Москвы... успокоение дум?!

Возвратился в Саранск только 2 октября. Здесь узнал, что наш артсклад переводят в город Уфу. Кто-то из сотрудников ездил во время моего отсутствия в Аткарск домой и привез мне письмо от Таички. В него был вложен небольшой золотой крестик на шею. Таичка, видимо, раньше меня узнала о нашем переезде и решила этот крест одеть на шею мне.

Когда я уезжал из Москвы на службу в Арзамас, мне мама одела на шею образок, который надо было носить и беречь. А я его потерял, когда был еще раньше в командировке в Симбирске. Это обстоятельство очень опечалило мать.

Теперь же, получив крестик от Таички, я писал маме в Москву: «Мама, ты загрустила, узнав, что я потерял твой образок. Сегодня другая такая же нежная, добрая и любящая рука, но такая же близкая для меня, как и твоя, одела на меня Святой крестик. Его она переслала из Аткарска сюда, как только узнала, что я должен ехать в Уфу. Будь покойна за меня и в этом отношении. Пойми, и не сердись. Крепко целую. Коля» (из письма).

4 октября я получил приказание выехать в город Уфу вместе еще с тремя сотрудниками в качестве квартирьеров. 5 октября мы выехали, но в Уфу поехали эти трое, а я поехал в Аткарск. Я ехал в самовольную отлучку! Что делает любовь! Уезжая в Уфу, еще дальше я удалялся от Аткарска, рассчитывать в дальнейшем на скорый приезд оттуда было трудно, и, естественно, мне еще раз захотелось повидаться с человеком, который в то время для меня был самым близким.

8 октября я уже был в Аткарске. Встреча была очень и очень радостная, несмотря на то что я сказал о своей самовольной отлучке. Я сейчас забыл, как родилась у нас мысль о свадьбе, именно теперь, когда я мог пробыть всего 8 дней. Но факт остается фактом. Еще прежде Мария Афанасьевна поставила условие: венчаться в церкви. Таичка тоже этого хотела, я не протестовал. Решили свадьбу сделать 12 октября. Сборы были недолги. Таичке быстро сделали венчальное платье, у меня же – мой походный костюм. Родители благословили Таичку: то есть она опустилась на колени перед родителями, а те благословили ее иконой, которая, как полагается, потом висела в нашей спальне вместе с венчальными свечами до самой смерти Таички. (Потом «в минуту жизни трудную» венчик с иконы я отнес в скупочную мастерскую, а икону – в церковь на Даниловском кладбище.) Я стоял сбоку в этой комнате и был молчаливым свидетелем этого красивого обряда. Затем пешком все мы отправились в собор (минут 5 ходьбы). Я ужасно и теперь жалею об одном: сторожу собора я запретил пускать в собор постороннюю публику.

Николай Геннадьевич Топазов

Таисия Ивановна Топазова (Кармилова)

Он это выполнил, хотя желающих было очень много. До сих пор не могу простить себе этой глупости! Сама процедура была очень интересна. Мне до этого приходилось быть шафером у своих друзей, но вот женихом был впервые. Кругом были одни лишь родственники. Кольца были у нас золотые, но чрезвычайно тоненькие, их сделал нам из венчиков икон мастер, который работал в это время в соборе.

После венчания пешком, погуляв с полчаса по улицам, пришли домой, где нас ждали уже гости и накрытый стол. Хотя время было тяжелое в смысле доставания продуктов, но тесть мой Иван Иванович сумел украсить стол. Было шумно, весело и «горько». С моей стороны на свадьбе ничего не было.

О нашей свадьбе своим родным я не писал, надеясь о ней сказать им в свой очередной приезд. Но, увы! Приезд осуществился значительно позже, чем я думал, а раньше меня приехала в Москву подруга Таички Наташа Спиридонова, которая гостила у Кармиловых и была на нашей свадьбе. Она зашла к моим родным, принесла посылку от Таички и поведала о моей свадьбе. Моя мама очень обиделась на меня, что не от меня услышала эту весть. Я потом просил у ней прощения за свой бессмысленный поступок.

Что можно сказать о тех днях, что я провел в этот приезд? Они остались в моей памяти, как самые светлые, отрадные дни, как единственные в моей жизни. Я не хочу описывать их: они слишком хороши!

16 октября я покинул Аткарск. Ехал я, терзаясь в догадках, как начальство и сотрудники отнесутся к моему поступку. Время было военное, и я совершил проступок. Я не знал своего будущего.

Поезд московский пришел весь переполненный, даже штабной коридор был весь забит людьми. Я с приплатой устроился в международном вагоне, который был в этом составе; поместился в пустом коридоре и сидел на собственном чемодане. Ехали долго, всю ночь, и только утром приехали

в Саратов. Ни к кому не заходя, я прямо поехал на пристань, мне повезло: достал одноместное купе на пароход, который шел вверх по Волге. Уходил пароход без расписания, поэтому мне посоветовали на пароход сесть теперь же и терпеливо ждать отправления. После железнодорожных поездок было приятно сидеть на палубе, тем более пассажиров пока никого не было. Поздно вечером наш пароход направился в Увек, к другому берегу Волги. В Саратове на пристани было тихо, спокойно; здесь же в Увеке много было шума, криков, гудков, лязга цепей и ругани. Вдоль берега и около нас тянулись баркасы, пароходики, стояли баржи. Кругом был хоромод зеленых, желтых и красных огней. На берегу вырисовывались длинные ряды товарных вагонов и виднелись баки для нефти.

Здесь пароход наш принял несколько сот пассажиров. Пароход стал похож то ли на пчелиный улей, то ли на кипящий котел. Я ушел к себе в каюту; к моему удивлению, в ней был свет, я увидел, как рыжие тараканы бегают по столу, по дивану. Вооружившись газетами, стал избивать тараканов. У меня было много еды, жена и теща не поскупились; пришлось чемодан и мешок подвесить к потолку на веревке, чтобы предохранить их от тараканов. На диван, с которого была ободрана крышка, постелил шинель, под голову положил надувную подушку (ее мне подарил один из моих друзей), и постель была готова. Я улегся утомленный билетной беготней в Саратове, суетой и шумом человеческих голосов.

Поздно вечером наш пароход, прицепив баржу с хлебом, отвалил от пристани. Меня грели воспоминания ушедших дней и терзали мысли о будущем. Я так и уснул. Проснулся я поздно; первое, что я увидел, – кольцо золотое на своем безымянном пальце. Опять воспоминания!

Позавтракав, я вышел на палубу. Народ сидел и лежал, но проходить можно было между ними. На носу и корме стояло по пулемету, укрытых брезентом и сеном. Утро

было свежее, дул сильный встречный ветер. Небо все было в облаках. Тащились медленно, 7-8 км в час, из-за баржи с хлебом. Волга почернела, шумела – расходились волны.

Я долго стоял на носу и глядел, и глядел... Мимо проходили песчаные отмели, усиженные чайками, холмы да горы, покрытые кустарником, поржавевшим от осени. Иногда появлялись леса, пожелтевшие и покрасневшие, а между ними попадались селения вроде больших и малых «воскресенсков», с церквями и мельницами.

После полудня погода изменилась, ветер утих. Небо синее раскинулось большим шатром над Волгой, засветилось солнце и обогрело нас. Затихла Волга, и только легкая рябь бороздила ее воды. Стали частенько встречаться пароходы с баржами, баркасы, лодки с рыбаками и даже раз прошел вниз по Волге бронированный катер с матросами.

Во все дни пока ехали до Самары, много летело птиц вдоль матушки-Волги: летели гуси, утки, журавли... Когда птицы собирались садиться на отдых, они сбивались настолько плотно, что моряки, стреляя из винтовок, убивали без промаха гуся или утку.

Во время поездки этой бывали и тревоги. Все военные пассажиры были на учете. Раз на горе у самого берега появились три всадника – сейчас же тревога! А когда подъезжали к Хвалынску, была уже более серьезная тревога. Все мы были вызваны на верхнюю палубу, указаны места каждому из нас в случае нападения. Но ничего не случилось. На 4-й день, 21 октября, благополучно приехал в Самару.

Поезд на Уфу уходил только вечером. Целый день я провел в Самаре: обошел мне знакомые по прошлому улицы, зашел на рынок, а большую часть времени провел в Струковском саду на берегу Волги, сидел и думал... о Москве, об Аткарске, об Уфе... была в думах и радость, и грусть.

Поезд, в котором мне пришлось ехать в Уфу, состоял только из одних товарных вагонов. Штабной вагон отличался от всех других только тем, что в нем помещалось только

12 человек, а не 40-50, как в других. Я забрался на верхние нары и устроился у окна, если дыру в стене, вырезанную прямоугольником, можно назвать окном. Лежать у такого «окна» было прохладно, но меня спасала моя поддевка на козьем меху, которую я захватил из Аткарска, да бурки на ногах, обшитые снизу кожей. Я ведь знал, что теперь мне нескоро придется побывать в Аткарске и Москве.

Соседом моим оказался москвич, некий Узков. У его отца был магазин в верхних торговых рядах (ГУМ), торговали кружевами. В разговоре в пути выяснилось, что он хорошо знает Карла Карловича, с которым в Иркутске вместе отбывали воинскую повинность в 1912–1913 годах. Нашлись потом и еще общие знакомые. Это дало мне право быть с ним более откровенным, и я не ошибся. За нашу долгую дорогу мы подружились. Он ехал дальше меня. В вагоне было темно, поэтому мы рано ложились спать.

22 октября к вечеру приехали на станцию Похвистнево. Здесь нас «утешили»: простоим не менее суток. От Узкова же я и узнал, что и штаб Восточного фронта переехал в Уфу. Это меня ободрило, так как в штабе меня хорошо знали, знали мою работу, и я мог, если понадобится, найти там себе защитников.

Пошли бродить по селению. Рынок здесь был очень хороший. В тазах продавали «хворост» – а я его очень любил, мама его прекрасно приготавливала. Конечно, он здесь не был таким – грубоватый, на сале. Но и такой я ел с удовольствием, сопровождая еду кусочками сахара. Было масло сливочное, хлеб, жареные куры, утки... Мы были сыты, так как цены в общем были нам доступны.

Здесь на станции встретил Женю Питраковского, с которым я был в сокольском гимнастическом обществе в 1909–1912, 1913 годах. С ним у меня, много лет спустя, была еще одна встреча: в институте связи он заведовал кафедрой физкультуры, а я был на кафедре математики старшим преподавателем.

Своему новому знакомому Узкову я рассказал все: и что меня радовало, и что мучило, и что волновало. Он мне поведал о себе. 23 октября ближе к ночи послали дальше: проснулись утром, когда подъезжали к станции Абдулино. Здесь также был большой рынок, где мы поели и взяли с собой про запас. Было много яиц, масла, жареной картошки, меда, свинины, хлеба белого... Такие рынки нам были непривычны. Курица 110 рублей, мед – 160 рублей фунт, свинина – 30-40 рублей фунт, хлеб дешевый.

Пока стояли на этой станции, пришел встречный поезд. В нем ехал один красноармеец из моей караульной команды; ехал он в Аткарск. Написать я не успел Таичке, но просил его зайти к ней и рассказать о нашей встрече (он это выполнил, как я узнал позднее).

На другой день приехали на станцию Раевка. Это богатое селение. Много домов с большими дворами, церковь и мечеть, так как жили здесь и русские, и татары. Я и Узков гуляли до самого вечера позднего. Видели, как гуси громадной стаей возвращаются с окрестных озер, а у самого села разлетаются по своим дворам. Замечательное зрелище! Вечером зашли мы в православную церковь. Прихожан никого не было, и только священник и дьячок проводили службу. Мой друг поставил свечку, положили мы на тарелку деньги и вышли. Вместе с нашим уходом замолкли голоса священника и дьяка. Не забыли мы купить и свечей для нашего вагона; при свете-то веселей сидеть.

Наш «штабной вагон» отцепили от нашего состава, который нас привез, и присоединили к другому, который уходил в первую очередь. От Раевки поезд пошел много лучше и 28 октября утром приехали в Уфу. Ехали без каких-либо приключений. Вот только мост через реку Белую, у самой Уфы, вернее переезд через этот мост, оставил на всю жизнь тяжелую память. Колчаковцы при отступлении его взорвали; наши его восстановили, сделав деревянными опорами пролеты моста. Мост был очень высок, а от этих деревян-

ных опор он стал еще выше. Внизу в реке лежали два вагона – один классный, другой товарный – из моего окна они казались совсем маленькими. Поезд замедлил ход. Когда въехали на мост, то все балки так жалобно заскрипели, что нам стало жутко, мы просто испугались. Скрип балок, медленный ход поезда, головокружительная высота над рекой, вид разбитых вагонов внизу – невольно нагоняли страх на всех, кто смотрел в окно. Иногда казалось нам, что вагон покачивается.

В Уфе я и Узков вышли оба. Еще дорогой я уговорился с ним, что в артсклад пойдет только он один, найдет там Сергея Ивановича, и спросит его – могу ли я появиться или мне грозят какие-либо неприятности. Узков согласился дня 2-3 побыть в Уфе, а затем ехать дальше.

Чтобы с вокзала попасть в город, надо было подняться в гору (в письме неясно, стерлось число ступеней, но их очень много было, несколько сот). Затем надо было пройти пустырем известное расстояние, а уже потом начинался город. Дальше Узков пошел один, а я остался на пустыре ждать его возвращения.

Вернулся он довольно быстро, я не ожидал, а потому даже усомнился в правдивости его слов, когда он сказал, что меня ждут и ни о каких репрессиях даже не возникал разговор. Сначала пошли на квартиру Сергея Ивановича и Валентина Александровича, они тоже пришли туда. Встреча была, как всегда, очень дружелюбная и она меня успокоила во всех отношениях. А когда я сказал, что женился на сестре Сергея Ивановича, то друзья поздравили меня самым искренним образом. Узков остался дома, а мы втроем пошли в артсклад. Сотрудники меня встретили дружески и даже радостно. Я отправился в кабинет начальника склада; там же был и комиссар Окунев. Щетинин, начальник артсклада, при моем появлении только покачал головой, глядя укоризненно на меня, а Окунев как-то безразлично смотрел на меня. Я отпрапортовал: «Товарищ начальник, начальник огнеприпасов явился из самовольной

отлучки», и, смеясь, добавил: «Женился на сестре С. И. Кармилова». Оба меня поздравили и сказали, чтобы я на другой же день принял от своего помощника все дела, так как штаб отстраняет его от работы. Ко мне все удивительно отнеслись по-дружески, все поздравляли, когда узнавали о моей свадьбе – и я ни от кого не слышал попреков. Говорили, что будто бы помощник начальника артсклада инженер Макаров, сын аткарского купца, настаивал отдать меня под суд. Но если даже так, то он был в полном одиночестве.

После обеда я был свободен и решил познакомиться с городом, а кстати посетить некоторых знакомых из штаба. Город походил больше на большое село; грязь кругом была изрядная, погода была скверная, то дождь, то снег. По центральной улице прошел до конца, до реки Белой. Эта река огибает город с трех сторон, виды открывались чудесные, когда подходил к окраинам города к реке.

На улицах было много продовольственных палаток, торговали хлебом разных сортов, пирожными по 10 рублей за штуку. Можно было купить жареное мясо, кур, рыбы. Вина нигде не было видно в продаже. Навестил я и одного знакомого из штаба, татарина. Он был комиссаром какого-то отдела. Был он старше меня, и в прошлом в Арзамасе всегда ко мне относился очень дружелюбно. Я застал его дома, рассказал я ему, не скрывая, о своих проделках. Он хохотал от всей души... и, прощаясь, подарил мне грамм 300 спирта, чтобы я со своими друзьями отметил этакую перемену в моей жизни.

Вечером, когда собрались все, отпраздновали мою свадьбу, благо консервы были у меня. Я был рад, что я смог отпраздновать свою супружескую жизнь в кругу людей, с которыми много месяцев были связаны наши жизни. Сергею Ивановичу и Валентину Александровичу было интересно узнать о жизни в Аткарске, о жизни Кармиловых.

Мне пришлось пока устроиться вместе с Сергеем Ивановичем и Валентином Александровичем. У них было две комнаты в особняке с красивым входом, с небольшой широкой

лестницей. Меньшую комнату занимали они оба, а я помещился в большой проходной; здесь был камин, обложенный удивительно красивыми изразцами. Я его в дальнейшем топил и грелся, сидя в кресле (остатки былой роскоши). Узков спал со мной, как и я, на полу.

Теперь, в первый же день приезда в Уфу, я написал в Москву родным и в Аткарск Таичке письмо, о том, как встретили меня, о своих переживаниях в дороге, когда каждая длительная остановка, каждые сутки увеличивали число дней моего отсутствия в артскладе, осложняли мое положение, росло мое беспокойство. Я не говорил о них даже Узкову, перемалывая все в себе.

С 29 октября началась моя жизнь в Уфе, началась моя служба в той же должности и с теми же людьми после 25-дневного перерыва.

30 октября градусник показывал ниже нуля, вчерашняя грязь съезжилась, затвердела, днем временами летали снежинки. Я привез дров для камина и целые вечера проводил рядом с ним. Мои друзья часто уходили к знакомым играть в преферанс. Обедали в штабной столовой.

В артскладе стали поговаривать о переводе нашего склада куда-то из Уфы. Все понимали, что его будут переводить не назад, а вперед. Ехать нам всем троим не хотелось. Я в штабе через своих знакомых узнал о переводе артсклада нашего, а в Управлении артиллерии меня заверили, что они дадут приказ об отчислении всех нас троих из артсклада, а заодно и указали, куда надо обратиться, чтобы получить новую работу – это к инспектору артиллерии Уральского округа.

На другой день я отправился к нему. Им оказался один бывший полковник из бригады, где я работал после производства. Ему я откровенно сказал, что я и мои друзья не хотим ехать дальше и предпочли бы остаться здесь где-либо. Он предложил нам перевестись в артдивизион Уральской дивизии, которая формировалась в это время в Уфе: мне – адъютантом дивизиона, а Сергею Ивановичу бухгалтером

и Валентину Александровичу комбатареи этого же дивизиона. Я согласился, и 5 ноября, сдав все свои дела, все трое были отчислены из артсклада и направлены в артдивизион.

Вспоминаю, что наш уход сразу троих командиров не проходил так гладко. Много было возражений со стороны администрации. Помогли уходу две случайности. В штабе я встретил профессора Штернберга, который был в это время членом Реввоенсовета и которому в Москве недавно я сдавал экзамен. Я поздоровался с ним, он узнал меня и помнил мою сдачу, когда он принимал экзамен с револьвером в кармане – посмеялись оба, и он поинтересовался моей работой и жизнью. Эту встречу кто-то из сотрудников склада видел и передал начальнику. Затем я достал сапоги нашему комиссару, а это в то время было дело очень трудное. Вот эти два факта сыграли свою роль: «Топазов имеет большие связи в штабе и задерживать их троих бессмысленно». А начальник артсклада уже заготовил докладную записку о недопустимости нашего ухода, но хода ей не дал, сказав: «Топазов сильнее нас».

Надо еще сказать, что мне предлагали место в штабе, но я отказался, решив не расставаться со своими друзьями. Пришлось искать новую квартиру, так как склад требовал «очистить помещение». Нашел я в 2-этажном доме деревянном две комнаты у симпатичных пожилых хозяев, но без особых удобств: водопровод был, а канализация отсутствовала. Обстановка убогая, но кровати нам дали и даже с матрацами.

6 ноября все трое отдали прощальный визит начальнику артсклада Щетинину. Я поблагодарил его за доброе и терпеливое отношение ко мне. Через три дня я выхлопотал ему 2-месячный отпуск по болезни.

10 ноября мы трое представлялись новому начальству, а 11-го приступили к формированию дивизиона. О начальнике у меня сохранилось очень смутное представление, он редко бывал, а все дела возложил на меня. Работы

воистину было много, и мечтать о поездке, командировке в Москву, было нельзя. В эти дни я получил письма от жены, от родителей. В Аткарске Кармиловых «уплотняли» и даже угрожали выселить, несмотря на то что я и Сергей Иванович послали справки о нашей работе и занимаемых должностях. Отец писал, что запасы продовольствия, которые я им привозил, подходят к концу, что мать и он стареют, слабеют. Ехать я сам не мог, а командировал солдата домой с пудом пшена, они в Москве его получили (узнал позже).

14 ноября пришел приказ о переводе нашего дивизиона в село Полетаево, недалеко от Челябинска. Отъезд был назначен на 20 ноября, начались сборы. Я обошел всех своих добрых знакомых по штабу.

18 ноября вечером, когда я собирал свои вещи, письма жены и родных, продовольствие, постучали в квартиру. Вошли двое штатских (один из них был по фамилии Рошаль) и предъявили мне документ о производстве у меня обыска и о моем аресте. Надо было двух свидетелей для производства обыска. Я вышел и попросил хозяев войти в мою комнату, а сам забежал в уборную и там под пустое ведро, стоящее на полке, положил пустые бланки с печатью и штампом, которые всегда были при мне.

Обыск был очень кратким: взяли все письма только, а затем попросили меня одеться и увели с собой. Сергея Ивановича и Валентина Александровича дома не было. Привели меня к одноэтажному дому каменному, провели через проходную, в которой стояла охрана, и втолкнули меня в комнату, где уже было человек пятьдесят. На меня никто абсолютно не обратил внимания. Я походил тихонько между людьми; большинство стояли или ходили, как и я, а некоторые сидели на полу, а человек 5 сидели на стульях в углу. Один из сидевших встал и сказал: «Товарищ командир, садитесь!» Это был красноармеец из охраны боеприпасов. Поблагодарив, я сел. В голове у меня мысли скакали с быстротой звука: «За что? Почему? Что будет

теперь с моими стариками?» Осмотрелся. У самой стенки в двух шагах от меня на полу лежали два тифозных больных, они метались в жару. Рядом со мной, почти у ног, сидел мальчишка лет 15, весь оборванный, грязный. Время от времени запускал руку за пазуху и вынимал в пригоршне вшей, сыпал их на пол и старался их раздавить ногой. Расстаться со стулом мне не хотелось, так как я не знал, сколько дней я проведу здесь, а спать надо! На каменном полу было и грязно, и холодно.

На другой день перед отъездом в Полетаево пришел ко мне Сергей Иванович на свидание. Разговор проходил через решетку; он передал через администрацию мне еду, которую я растянул до самого ухода отсюда. Здесь же в день давали хлеба 400 гр. и миску супа.

21 ноября поздно вечером меня вызвали к следователю. Первый вопрос, кто я, кто мои старики, родные, особенно мужского пола. Назвал двоюродного брата, назвал мужа старшей сестры Одинцова Б. К., сказав, что до революции он был старшим нотариусом Московского Окружного Суда. Следователь посмотрел на меня и сказал: «Я знаю». После этого он сразу изменил тон допроса, стал более мягким. Вторым вопросом был, кому я писал, что артсклад из Аткарска переводят в Саранск? Мог только написать в Москву матери. – «Почему Вы не написали, что Вы переезжаете, а не склад?» – «Вероятно, не предавал значения формулировке, когда писал матери». Поговорили еще, и на прощание уже дружелюбно он мне сказал: «В дальнейшем не путайте себя с учреждением и не собирайте писем от жены и родных, черт знает сколько времени я потратил на их чтение, на всю Вашу галиматью. Передайте привет Б. К. Вы свободны!» Фамилии он своей не сказал.

В первом часу ночи 22 ноября я получил свои документы и справку об ошибочном аресте. Вышел на улицу, а куда идти? К хозяевам не рискнул – я весь был во вшах. Пошел на вокзал, там в зале ожидания было много народа, но было

тепло. Я устроился на полу и проспал до утра, ведь две предыдущие ночи я почти не спал.

Утром, зайдя к хозяевам, взял белье и пошел в баню, мыться и чиститься. При бане была устроена камера по чистке и мытью белья и верхней одежды, пока ты моешься. Я воспользовался этим и через три часа я был относительно чист, хотя одиночных вшей я находил на себе и у себя спустя несколько дней. Все дни моего пребывания в Уфе после ареста хозяева кормили меня, очень сочувствовали и относились ко мне, как добрые друзья.

Я прекрасно сознавал, что я заболел тифом, что ни о какой поездке в Москву мечтать не придется. Поэтому я написал старикам своим о своей свадьбе, тем более Таичка собиралась им слать посылки, и чтобы меня пока не ждали.

25 ноября я покидаю Уфу. На вокзале мне повезло. Встретил одного знакомого из штаба, он ехал в составе какой-то комиссии в отдельном вагоне. Меня он устроил у себя в купе. Вагон был I класса, было тепло, уютно... Но света не было; жгли свечи.

28 утром после Златоуста переехали границу между Европой и Азией. Из окна вагона был виден каменный столб, на котором с одной стороны было написано «Европа», а на противоположной стороне «Азия». Все дни мы любовались Уралом. Как он красив в своем зимнем уборе! Спокойно и величаво стоят его куполообразные вершины, их пологие спуски покрыты хвойным лесом, а с аквамаринových небес лились холодные лучи солнца на яркую зелень деревьев. Снег, от белизны которого было больно глазам, смеялся миллионами радужных блесков. Ночью же, когда всходила луна, вся природа превращалась в сказочную декорацию (из письма). Эта поездка была скорее прогулкой, я отдохнул от недавно пережитых волнений.

29 ноября утром приехали на станцию Полетаево. Распрощался я со своими добрыми спутниками, поблагодарил их и отправился пешком в село, до которого было километра 4.

Было морозно, дорога шла лесом, и я быстро отмахал эти километры.

В правлении дивизиона застал Валентина Александровича, а Сергей Иванович уехал в Челябинск по делам службы. Этот день я прожил вместе с друзьями своими, в их комнате. Они сняли горницу в семье крестьянина, а в кухне помещались хозяева с тремя ребятишками. Было шумно, неприятно.

На другой день я принял баню «по-черному» – первый раз в жизни. Мылся в той же комнате, где горели дрова, а дым выходил в дверь, которая была открыта настежь. Днем пошел искать для всех новое помещение, более спокойное. Я прямо направился к дому священника, его дом выделялся от всех других величиной, добротностью и чистотой. Стоял он рядом с небольшой беленой церковью и с колокольней. Сзади дома виднелся небольшой садик. Священника застал дома, это был старичок лет семидесяти, небольшого роста, с румяным лицом и седою окладистой бородкой, кругленький и очень подвижный. Встретил он меня приветливо. Я ему сказал о причине своего прихода, указав, что все трое бывшие прапорщики, я студент, а два друга и моя жена «колокольного» дворянства, и что с приездом сюда артдивизиона будут отбирать и занимать лишнюю площадь. Старик согласился быстро. Показал мне большую комнату для нашего жилья и маленькую комнату. Конечно, я его предупредил, что я через день-два заболею сыпным тифом. На что он ответил: «На все воля Бога!»

В тот же вечер мы переехали. Кроме священника в квартире жила его мать – девяностолетняя слепая старушка – и прислуга – женщина лет сорока. В доме всегда было чисто и тихо.

1 декабря я нашел новое помещение для управления дивизиона. Работы было много, приходили орудия, инвентарь, продукты... Надо было получать, распределять. Начальником моим был малоактивный человек, мне он не понравился.

День болезни приближался. Все, что написано выше, написано главным образом по письмам к жене и по воспоминаниям, а вот дальше писано только по моим воспоминаниям. Я их четко сохранил в памяти, никогда не забуду те дни, когда я вновь был между жизнью и смертью – так мне говорили все – и фельдшер, который меня лечил. Пишу без дат.

Заболевать я стал в первые дни декабря. Врачей не было ни в Полетаеве, ни в артдивизионе. Были только фельдшера. Сначала пришел ко мне фельдшер дивизиона. Это был молодой военный, осмотрел меня и только прописал клизмы, которые я не ставил. Пришлось обратиться к фельдшеру местному; это был пожилой человек, очень приветливый и внимательный. В один из своих приходов он расстегнул на груди у меня рубаху, взглянул и сейчас же закрыл. Я тоже посмотрел и увидел сыпь. За мной ухаживала прислуга, а вечером мои друзья Сергей Иванович и Валентин Александрович. Заходил ко мне и священник.

Потом у меня повысилась температура, появился сильный жар, я потерял сознание. Помню некоторые картинки, что мне грезилось и представлялись в бреду. Я стал атаманом какой-то банды, которая разъезжала по Уралу, по его горам и лесам. Видел Москву: она мне представлялась в виде длинной улицы, полную голодных и бедно одетых людей, которые тянули ко мне свои руки, видел среди них отца, мать и сестер. Прекрасно помню еще и такую картину: горы Урала распались, раскололись на две части, раздвинулись, и я вдалеке увидел море, а за ним берег с белыми домами и красными крышами; их заливали яркие солнечные лучи. Я спросил: «Что это?», и мне ответили: «Англия». А потом помню, но уже наяву, тот день, когда я очнулся, пришел в себя. Передо мной были лица моих друзей и фельдшера; слышал возгласы: «Жив!», слышал говор, но еще понимал слабо. Это было пробуждение, с которого и началось мое медленное выздоровление.

Ко мне все в доме относились очень дружелюбно. Фельдшер навещал меня не менее двух раз в день, называл меня Коленькой, относился, как к сыну. Приходил священник и садился рядом, много говорили. Приходила иногда мать священника и всегда, спросив о здоровье, говорила одно и то же: «Ты жив, Коленька? На все Его святая воля». Конечно и друзья мои принимали во мне большое участие.

Шли дни за днями. Когда мне стало видимо лучше, милый фельдшер принес мне четвертинку старой водки для подкрепления моих сил. Я должен был перед обедом выпивать по рюмке. Но, увы! После двух дней я почувствовал себя плохо и днем я потерял сознание, успел только позвонить в колокольчик, лежавший на столе, по которому всегда приходила прислуга. Очнулся я в объятиях моего фельдшера – со мной был обморок – он отходил меня кофеином. Об этом происшествии фельдшер мне рассказал так: прислуга, увидев меня без сознания, бросилась бежать за фельдшером. Но он как раз в это время шел ко мне. Войдя и взглянув на меня, «все понял», как он сказал. Выскочил из дома и, сев на первые деревенские простянки, махнул домой за кофеином. Всю вину моего обморока он взял на себя. «Я думал ты здоровее, крепче, потому и принес тебе водки царской!» Я, неблагодарный, забыл фамилию и имя этого фельдшера, как и имя священника.

Время шло, я поправлялся, но сил физических я набирался медленно. К концу декабря я перестал спать по ночам. Как только лягу, так начинает замирать сердце, мне кажется, что оно останавливается – сажусь на кровати, и все проходит (невроз сердца).

Как это было тяжело! Два друга спят здесь же спокойно, я слышу их ровное дыхание. А ты! Какие это были мучительные, страшные ночи. Сидишь всю ночь, обняв руками колени. Слушаешь, как каждый час отбивает колокол на церковной колокольне, как ходит сторож и бьет в колотушку. За окном собаки лают, то завоют иногда вбли-

зи, а то где-то далеко. Темно. Черные тараканы шелестят по стене... А то наступит могильная тишина, которая давит тебя своим безмолвием. Ох, как было тяжело в те ночи! О моей болезни жене сообщал Сергей Иванович, а вот мои старики давно не имели писем от меня. Потом, при встрече, отец мне сказал, что они решили, что я погиб.

31 декабря я уже ходил, но был все же слаб. Новый год я встречал с бабушкой, священник служил в церкви, а друзья мои встречали в клубе артдивизиона. Наступал 1920 год.

1920 год

В начале января надо было ехать на комиссию в город Челябинск за получением отпуска. Посадили меня в деревянные двухместные сани, запрягли пару лошадей, и покатил я вместе с нашим дивизионным конюхом. День был ясный, морозный; ехали быстро и 25 километров проехали незаметно. Видами я без конца любовался: дорога шла то полем, то лесом... Селение встретили по дороге только одно. По приезде в город пошел сначала в парикмахерскую, так как пока лежал, болел, я не брился и оброс изрядно. Я выглядел много старше своих лет. Когда мастер привел мою голову в порядок, то воскликнул: «Да Вы же еще молодой!»

На комиссии меня осмотрели быстро – ведь мы были приезжие, дали мне два месяца отпуска. Обрато отправились без задержки, так как поднимался ветер и темнело рано. Сначала ехали по дороге, но когда ветер стал заметать дорогу снегом, началась поземка, мы сбились с дороги, и лошади, зайдя по брюхо в снег, остановились. Уже темнело, когда мы увидели: в стороне от нас ехала крестьянка на санях, видимо, по дороге. Мы дали ей знак остановиться, с большим трудом пробрались к ней и уже дальше ехали за ней до самого Полетаево. Она, конечно, знала дорогу и с ветром, и без ветра.

Понемногу начал я собираться в дорогу. Решил ехать в Аткарск к жене, там можно было скорей набраться сил. В провожатые мне дали красноармейца, но его я решил направить в Москву. Купил и достал муки, пшена для своих москвичей. Выписали мне и моему провожатому проездные документы, и числа 12 января я покинул Полетаево. Покидал я гостеприимный дом священника, доброго, отзывчивого человека, расставался с чудесным фельдшером, уезжал от своих друзей – Сергея Ивановича и Валентина Александровича – я знал определенно, что я в эти места не вернусь.

В Аткарск я ехал 21 день. Провожатый мне действительно был нужен. Я оказался настолько слаб, что не мог залезть в теплушку самостоятельно. До Самары ехали в штабном вагоне – товарный вагон с нарами и печкой посередине. По дороге на каждой станции большой было на рынке много всяких продуктов, питались мы оба хорошо, так как я получил зарплату за 3 месяца. В Уфе, где мы стояли целые сутки, я обратился к фельдшеру в санпункте (врачей не было), ведь я спать-то все равно не мог. Он выслушал меня, заставил сделать несколько приседаний... и дал мне лекарство – за едой принимать 2 раза в день. Хвала и слава ему, этому старику фельдшеру! Через несколько дней я уже спал вполне нормально. В Самару приехал почти здоровым человеком. Здесь я расстался со своим провожатым, посадил его в поезд на Москву. Он все довез благополучно, скажу заранее, спасибо ему!

Дальше моя дорога шла через Сызрань, Пензу, Ртищево. На этом пути, конечно, не было никаких рынков. Пришлось перейти на питание пайками, получаемыми на больших станциях. Пересадки были очень тяжелые. В Пензе через весь город я тащил свои вещи; долгие ожидания поездов, валяясь то на лавках, то на полу, и всегда в грязи, среди запаха йодоформа, среди разноголосой, отрепанной, голодной толпы. Опять появились вши на мне – на манжетах рукавов, в складках белья...

2 февраля утром приехал в Аткарск. Взял извозчика и поехал по старому адресу. Но, увы! Их выселили на Пахотную – пригород Аткарска за рекой Аткарой. Узнав адрес, поехал туда. Нужно сказать, что все 21 день пути я не брился, и потому оброс и бородой, и усами. Выбежала Таичка, но во мне признала своего первого жениха, и назвала меня Петей. Ответом было ей мое молчание, немного обидное. Ну, а потом все объяснилось.

Жили Кармиловы в небольшой отдельной избенке в двух комнатах. Выселение было направлено против отца детей – священника Ивана Ивановича. До выселения они жили в каменном одноэтажном доме с двором и сараем, дом церковный был. Этот дом понравился одному из «власть имущих», не поглядели на удостоверения наши – мое, и Сергея Ивановича, присланные с места нашей работы – «Служитель культа! Гони его!» – и выгнали. В двух небольших комнатах жили: отец, мать, пять дочек и фельдшерица Софья Матвеевна, которая у них жила много лет до этого и была, как свой человек.

Первым делом я пошел в баню, которую мне истопили по-соседству. Сменил все абсолютно, все отнес в дезинфекционную камеру... А через день я нашел на себе одну вошь. Пришлось повторить банную операцию. Встретили меня, как родного, от старых до малых, включая и Софью Матвеевну.

На другой день я явился в военкомат встать на учет. К вечеру я уже имел комнату в доме бывшего мельника по фамилии Клаус, немца по национальности. Сам он год-два назад скончался, а жили вдова с дочкой. Домик был небольшой. Отпустили мне на месяц дров... и зажили мы здесь, Таичка и я.

Затем, через того же военкома, представив отношение от артдивизиона о занимаемой должности Сергея Ивановича (это отношение я захватил при отъезде), и семье Кармиловых дали в черте города, недалеко от нас, квартиру из одной большой комнаты и трех «клетушек» с двориком и сараем. После Пахотной эта площадь казалась хорошей.

Началась моя жизнь в Аткарске, начался мой отдых, началось мое окончательное выздоровление. Я и Таичка жили отдельно, а питались все вместе у Кармиловых. Тесть мой Иван Иванович доставал продукты питания у своих прихожан, затем рынок, и в смысле еды было удовлетворительно. Из церкви частенько Иван Иванович приносил домашние хлебные изделия, которые молящиеся приносили, то за упокой, то о здравии своих родных и близких.

Я и Таичка, мы много гуляли всегда вместе, посещали кино, концерты, знакомых. Жили дружно, нескучно и время летело быстро. Приближалась весна, на солнечной стороне улиц у карнизов домов появились сосульки, дороги зачернели. На улицах стало оживленней. Мы часто ходили к реке, которая постепенно наполнялась талой водой, пока не вышла из берегов.

Незаметно катилось время, и 6 марта я должен был явиться на комиссию в военкомат. Мне дали еще один месяц отпуска. Теперь я мог съездить и в Москву. К тому же я получил телеграмму о тяжелом состоянии отца – он заболел воспалением легких. До этого я посылал им посылки, а теперь я захватил свою обычную дозу продуктов.

Числа десятого я отправился в Москву. Нужные командировки я написал сам себе. Доехал благополучно: станция Тамала, где обычно бывали отборы, на этот раз пропустила без всяких помех, хотя я принял все нужные меры предосторожности. Теперь я приведу часть письма, которое я написал Таичке по приезду в Москву: «Мои опасения о смерти отца не оправдались, Слава Богу, он жив! Но тяжелобольной, почти труп. У отца крупозное воспаление легких. Кризис миновал, температура нормальная, а тень смерти все также близко витает над ним. У него паралич, он плохо говорит, расшатались нервы, страшно похудел, глаза ушли глубже, потемнели. Остался „остов“ один, тень прошлого. Грустно и жалко... Мой приезд во всех вызвал радость, ведь мы не виделись 6-7 месяцев. Особенно рада

мама. Нужно видеть ее: с какой нежностью и заботливостью она говорит со мной, угощает, расспрашивает о тебе, и все о тебе. Тебя все хотят видеть. С мамой я уже успел поговорить о некоторых интимных семейных вопросах. Меня ждали давно и к моему приезду хранили бутылку вина, полученную одной из моих сестер где-то. Все хотели поздравить меня, „отпраздновать“, так сказать, нашу свадьбу. За время, что я не был, все мои сильно изменились, они похудели, позеленели, немного поопухли, стали еще более нервными. Говорят между собою как-то срывно, жестко.

В комнате сейчас температура терпимая, говорят они, а было 2° мороза. Кое-что продано из обстановки, много из платья. Сижу я сейчас в своей комнате, холодно, я сижу в шубе. В комнате не досчитываюсь комода, многих своих книг – все пропало. На столе письменном, вокруг меня – все как будто знакомое, родное, а в то же время и чужое, словно я не хозяин здесь, а гость.

Но Москва! Родная моя Москва осталась для меня тем же, чем и была. Здесь уже совсем весна, на улицах много воды, снега, неубранной грязи, навоза, нет трамваев... а все мила сердцу, я остался таким же москвичом, каким и был.

Жизнь здесь ужасно дорогая: хлеба фунт – 300 рублей, картофеля фунт – 100 рублей, овощи – 45 рублей фунт. Мясо – около 500 рублей за фунт, а конина – 240 рублей... цифры изрядные!»

На второй день своего приезда я повидался с доктором, профессором Черновым (сослуживец отца по 2-й Гор. больнице): «Отец не умрет, будет медленно поправляться, будет ходить, но левой рукой он владеть не будет», – так сказал профессор, так оно и было в дальнейшем. Отец, конечно, рад был моему приезду, слезы текли у него, а он смущался их ужасно. (Прежде я никогда не видал отца плачущим.) С моим приездом в доме у нас наступил относительный покой. С собой я привез муки, пшена, масла – стал стол

посытней, стали подобрей все члены семьи. Достал дров, наколот их, распилил для печурок – заготовил им на длительное время.

Посетил всех своих друзей и знакомых, поблагодарил тех, которые помогли моей семье во время моего долгого отсутствия, а 20 марта я уехал обратно в Аткарске.

В апреле числа 10 я снова пошел на комиссию и получил еще 2 недели отпуска. (Конечно, это забота Ивана Ивановича.) Мой отдых, моя беспечная во многих отношениях жизнь продолжалась. Пролетела Пасха, река после паводка весеннего входила в свои берега... Мой отпуск – 3,5 месяца – иссякал. Отпраздновав майские дни в Аткарске, я 3 мая выехал в Саратов, так как аткарский военкомат не мог самостоятельно распорядиться нашим братом. Дали мне адрес в Саратове старшего сына – Василия Ивановича, который в то время был врачом в городе и жил без семьи. Приехал в Саратов поздним вечером. Пошел по адресу, постучал в дверь. За дверью послышался какой-то шорох, потом наступила тишина и немного погодя испуганный голос: «Кто там?» Называю себя с добавлением, что я муж Таисии Ивановны. Открыл мне дверь худой, небольшого роста в белом халате человек, другой, помоложе, сидел за длинным столом, часть которого была застелена постельной простыней. Первый оказался Василием Ивановичем, он стал расспрашивать о жизни в Аткарске, о своих родных, и о моих родных... Просидели до поздних часов, мне идти было некуда, и я остался ночевать у них – на полу.

На другой день утром я явился в военкомат. После недолгих вопросов и записей меня направили в минометный дивизион командиром батареи. Меня это устраивало, поскольку дивизион расквартирован в Саратове. Я сейчас же направился к своему начальству. Им оказался некий Буковский; первое впечатление – несимпатичный, нервный, с испытанным лицом. Это первое впечатление потом вполне

подтвердилось с прибавлением грубости, невоспитанности. Зато его помощник произвел хорошее впечатление – грузин Нацубидзе. Его семья жила в Аткарске.

Назначали меня командиром 1-й батареи. С новыми документами пошел в жилотдел и уже к вечеру на Московской улице в 2-этажном доме на втором этаже я имел большую, светлую комнату с мебелью – стол, кровать, стулья и гардероб.

С 5 мая началась моя жизнь в Саратове и моя служба в минометном дивизионе.

За недели две я освоился со своей работой. Почитал литературу о минометах, поработал с ними сам. С красноармейцами я сошелся быстро. Политруки у меня были хорошие, взводными были молодые, юнцы, а помкомбата у меня был Аряев, хороший товарищ и человек, моих примерно лет. Вскоре из Аткарска приехала ко мне жена. Она была уже в ожидании ребенка. Жили не скучно. Ходили по вечерам в кино, на концерты, на эстраду. Хаживали в собор – там пел хороший хор. Почти каждую субботу до утра понедельника ездили в Аткарске к родным Таички – эти поездки всегда были тяжеловаты из-за железнодорожного транспорта. В Саратове у меня были две случайные встречи: как-то на улице увидел я профессора математики Голубева, который давно преподавал в 10-й гимназии в моем же классе. Затем я много раз встречался с профессором в Московском Университете. Я подошел к нему; в разговоре он очень жаловался на тяжелую жизнь, на голодную. Он дал мне адрес. На другой день я ему отвез полпуда муки. Сколько было благодарностей!

По городу я всегда ездил только верхом, мне полагалась лошадь и вестовой. Возвращаясь домой, на Московской улице встретил мужа своей старшей сестры Б. К. Одинцова, он приехал вместе с сотрудниками рабфака им. Артема за продуктами. В это время в Саратове было немного лучше, чем в Москве. С ним я отправил и своим гостинец и помог ему в доставании продуктов.

Саратов очень симпатичный город. Много красивых зданий: гостиница «Астория», консерватория, собор, университет, изводы (спуски) к Волге, да и сама Волга, которая в то время разлилась широко, широко! В нем было приятно жить. Иногда ездили, я и Таичка, в Монастырскую слободку, пригород Саратова, там жили родственники Кармиловых.

Формирование дивизиона приходило к концу. На полигоне, близ Саратова, попробовали наши минометы. По-моему они не давали нужной дальности; теперь я не сомневался, что создание дивизиона – это была выдумка Буковского, чтобы спрятать себя от посылки в настоящие боевые части.

Стали поговаривать о переезде в другой город. Начальством был избран город Аткарск. Дата переезда не объявлялась. 6 июля, закончив работу, я уехал с женой в Монастырскую слободку. На другой день являюсь в помещение дивизиона – а там пусто. Накануне вечером и ночью дивизион выехал на погрузку в вагоны к железнодорожной ветке. Я туда... и не успел я показаться, как комиссар, этот мадьяр безрукий, заорал: «Под арест его, немедленно под арест!» Так как с ним рядом стоял начальник дивизиона, то я понял, что это приказ и начальника. Подошел ко мне дежурный по дивизиону, отвел меня в пустой товарный вагон и запер меня в нем. Сел я на ящик и стал думать, как сказать жене о случившемся и перевезти мои вещи, перевезти сюда жену. Вскоре ко мне пришел мой помощник, который вместе с моим вестовым все прекрасно сделал. Аряев и объяснил мне причину ареста: за мной два раза посылали вчера, но, не найдя меня, начали переезд. Начальник дивизиона дал приказ об отъезде неожиданно после 17 часов. Для жен и комсостава подали классный вагон. Скоро привезли и жену мою с вещами. С женой я разговаривал, сидя в запертом вагоне. Я объяснил свою вину жене: вероятно, я не имел права отлучаться из дома, приказ мог быть со дня на день, с часу на час. Подходили ко мне и мои солдаты, спрашивая, не надо ли чего

сделать. Перед отъездом пришла ко мне и жена начальника дивизиона, открыла вагон, дала мне несколько бутербродов и, уходя, «забыла» закрыть дверцу вагона. Должен сказать, что я с ней встречался ни один раз во время моей работы и в Саратове, и после. Она была всегда любезна, а я удивился одному, как такая симпатичная милая женщина может жить с таким мужем – грубым, пьяным. Супруг даже иногда издевался над ней в моем присутствии, когда приходилось по делу приходить к нему в дом. В Аткарск я приехал в «отдельном вагоне».

По приезде в Аткарск меня сейчас же освободили из-под ареста. Проводив жену домой, я поехал в военкомат устраивать наш дивизион. Для его размещения отвели невдалеке от города пять там стоявших пустых барачных бревенчатых, крепких. 10 июля так и началась моя жизнь с женой и ее родными. Мы поместились в той же комнате, в которой жили во время моего отпуска. Комнату эту оставили для моей жены – жить ей в мое отсутствие.

В моей батарее 90 % красноармейцев были аткарского уезда или по соседству с ним. Как-то раз приходят ко мне солдаты и просят, если можно, поочередно отпускать их домой, посетить семью. Посоветовавшись со своими политруками, решил их просьбу удовлетворить, не доводя до сведения своего начальства, так как, конечно, оно не разрешит. Ребята мои (все были старше меня) произвели жеребьевку, заготовили списки... и первая партия пошла. Отпускал я, в зависимости от расстояния до дома, на 5-7 суток. Не успели вернуться мои первые отпускники, как меня вызвал к себе начальник дивизиона. Узнал о моих поблажках, наорал на меня, что он не пойдет под суд, что за все отвечаю я, и так далее... Я сказал, что всю ответственность беру на себя. У меня с начальником и до этого были стычки по разным причинам, мы явно не симпатизировали друг другу, и об этом все в части знали, знал и комсостав, знали и солдаты.

Ребята мои добросовестно возвращались в срок. Каждый считал своим долгом принести мне «гостинец»: или буханку белого хлеба с запеченными внутри яйцами, или немного масла... Пробовал не брать – обида! Нам, мне с Таичкой, эти гостинцы все же помогали в нашем житье.

Дни шли, ученья в бараках проводились своим чередом, красноармейцы строго выполняли свои хождения домой. В начале сентября помначдива шепнул мне, что ожидается приказ о переброске нашего дивизиона на финский фронт. Я сейчас же прекратил отпуска. Но вот один из красноармейцев, конюх старший Семивзоров, уговорил меня разрешить взять ему двух лошадей с повозкой съездить за Волгу в Синенькое за яблоками. Я разрешил ему на три дня уехать с подводой. Числа 8 сентября он уехал.

10 сентября приезжает представитель ГАУ с приказом отправить наш дивизион на финский фронт. Приказ по дивизиону: собираться и 14 сентября грузиться в вагоны. Вызывает меня начдив к себе. Был он один. С большим ехидством сообщает мне, что о самовольных отпусках он доложил представителю ГАУ, который сейчас придет. «А где Семивзоров? А где лошади? Где подвода? – кричал он. – Он Вас обманет, пойдете под суд все равно».

Через несколько минут вошел представитель ГАУ. Конечно, начдив не ожидал той картины, которая произошла перед его глазами. Мы посмотрели друг на друга, я и представитель ГАУ, и бросились в объятия друг к другу. Это был Бек-Назаров, с которым я был когда-то в команде вольноопределяющихся (в 16–17 годах). Там он и я увлекались верховой ездой, он был заправским наездником, и я у него научился многому. Несколько фраз... и «он остановится у меня». Оставив свой адрес, я ушел домой приготовиться к встрече гостя.

На другой день я и Назаров взяли лошадей и верхом поехали на реку Медведицу. До нее было километра три, дорога шла лесом, солнце ярко светило, но под деревьями

было прохладно. Ехали шагом, любовались рекой, видами и много говорили о Москве, о жизни его и моей за время нашей разлуки. Потом мне он сообщил, что мною недоволен начдив, что я очень самостоятелен, что не все его приказы довожу до конца и так далее... Затем он мне посоветовал уйти от Буковского: «Поедем через Москву, я тебе помогу остаться», – сказал он. Я об этом не думал, но мысль мне понравилась во всех отношениях. Опять в Москве! В дальнейшем разговоре мы «утвердили» мой уход из дивизиона. Дал мне добрый совет – взять с собой побольше муки. Красива Медведица в своих лесистых берегах! Гуляли мы до самого вечера, вернулись поздно.

О своих новых планах сообщил я жене и ее родным. Общими силами стали заготавливать провиант и для своих родных и так, как говорят, «на всякий случай».

13 сентября, накануне погрузки, вернулся мой Семивзоров, его красноармейцы чуть не избили, зная, как я волновался.

Я забыл сказать, что мне полагался вестовой, то есть красноармеец, который смотрел за моей лошадейю и помогал мне в работе и жизни. Фокин была его фамилия. Звал я его «Фоша». Это был мужчина высокого роста, широкоплечий, силач – гнул подковы, симпатичный и умный. 14 сентября стали грузиться. Мне с Фошей и моим помощником дали отдельную теплушку. В нее я перенес все заготовленное для Москвы, а его много было, одной картошки мешка два, муки пудов 8 и т. д. и т. п. Опять я расставался с женой – Таичка всегда очень тяжело провожала меня – плакала, нервничала. Всегда ей казалось, что наша дальнейшая жизнь будет трудной из-за этих переездов... Но выбора не было.

15 сентября наш эшелон отправился в Москву, а потом на финский фронт. Аряев и я, мы не верили этому, не верили, что с нашими минометами можно воевать. Ехали быстро и 17 сентября вечером прибыли на станцию Бирюлево –

товарное. На другой день утром нас должны были передать на станцию Красная Пресня на окружной дороге. Я отправился к начдиву попросить разрешения уехать домой к родным. Там же сидели и помначдива и Бек-Назаров. Буковский сидел подвыпивший. На мой вопрос он рассмеялся, назвал меня институткой, которая жаждет увидеть папу и маму, и, конечно, мне отказал в моей просьбе. Я ушел. Минут через 20 Нацубидзе принес мне разрешение на мой отъезд с условием завтра быть на станции Красная Пресня утром. Я сейчас же уехал, захватив с собой печеного хлеба, масла и яиц.

Своим я ничего не писал о переброске дивизиона, а потому мой неожиданный приезд, да еще «с дарами», был во всех отношениях приятен. Первый вопрос моих стариков был: «А где же Таичка?» Пришлось все объяснить, рассказать. Сказал, что Таичка ждет ребенка, чему все были рады, особенно старики, поздравляли меня. В это время и моя младшая сестра Ольга (Ляля) ждала тоже ребенка. Застал я отца более бодрым, чем я его оставил в свой последний приезд, а мать, сильно похудевшая, все также хлопотала обо всех, забывая себя. Сестры все были худые, бледные, но более спокойные.

Утром 18 сентября приехал на Красную Пресню, эшелон уже был на месте. В 12 часов дня какой-то начальник должен был сделать смотр нашему дивизиону. Командовать Буковский приказал мне. Целый час я водил своих солдат разным строем. Как оценили нашу подготовку, я не знаю, но дальнейшие события, по-моему, скажут сами за себя.

Во второй половине дня и в последующие дни я и Фоша стали перевозить на двуколке мои запасы в дом. В семье были удивлены количеству привезенного, но я их успокоил, что мука почти вся предназначена для других целей. Хочется сказать, каким я стал после тифа. В одну из «ездок» мы привезли картошку. Я и Фоша взяли по мешку и на третий этаж доставили бегом, шагая через ступеньку... Отец при виде это-

го развел руками и долго качал головой из стороны в сторону. Нацубидзе и я вместе с вестовыми остановились у меня.

Бек-Назаров и я начали хлопоты об уходе моем из дивизиона, а уже потом об оставлении меня в Москве. Дивизион уехал в Петроград, а я должен был задержаться на несколько дней в Москве. Начальник дивизии мне разрешил остаться, конечно, «под нажимом» сверху. Через несколько дней состоялось мое отчисление из дивизиона и только следовало соблюсти формальности по сдаче дел в самой части. Надо было ехать в Петроград.

В Москве за это время посетил своих друзей: Сашу Мамуровского, Виктора Щеглова, Карла. Продал 4 пуда муки по 20000 рублей за пуд – надо было спешить с продажей, так как эта мука была Ивана Ивановича и деньги надо было слать с Нацубидзе, – он уезжал в Аткарск. Продал и свои три пуда муки по 30000 р. Послал Таичке медикаменты, нитки и 10000 рублей деньгами (из письма).

5 октября я уехал в Петроград, чтобы покончить все дела с дивизионом. Поезда на этой линии ходили сравнительно хорошо. Сразу пошел к военному коменданту вокзала узнать, где мне искать дивизион. К своему удивлению узнаю, что мой дивизион направлен на Украину в город Кременчуг. Сначала я не поверил этому, а потом, поразмыслив, решил, что с таким комдивом, как Буковский, лучше быть подальше от фронта. Сделав отметку о своем прибытии у коменданта, я там же получил проездные документы в свою часть. 8 октября я выехал в Москву. В Москве задержался на три дня. Ходил к врачу – лечить катар глотки и носоглотки. Забежал к Щегловым, и у них достал печку «буржуйку» – «Немного щепок и газет, – Готов обед и сам согрет!»

12 октября была годовщина нашей свадьбы. Из 12 месяцев 8 были вместе. Это неплохо! Все меня поздравляли.

13 октября я уже выезжал в Кременчуг в «штабном» вагоне. На этот раз под «штабной» вагон дали вагон III класса, все окна были забиты досками и днем свет проходил

только сквозь щели. Зато вечером горело электричество. Чем дальше уезжали от Москвы, тем было сытней. За станциями и вокзалами были рынки, и на одном из них я съел пять бараньих котлет. За Харьковом как-то ночью была тревога. Поезд шел очень тихо, приглушив пары, мы все были мобилизованы и стояли в тамбурах разных вагонов. Ждали нападения банды Махно. Но, видимо, он раздумал. Все обошлось. Все спрашивали друг у друга: «Есть ли на шее крест?» Говорили, что будто бы с крестом оставляют в живых. У меня в то время еще был крест Таички.

19 октября приехал в Кременчуг. Недалеко от города в деревне стоял дивизион. Его перекинули, как говорили, против Махно. Начальник дивизиона, зная, что я не его подчиненный, встретил меня довольно радушно. На сдачу дел ушло немного времени, а главное – я с Аряевым верхом несколько раз ездили на прогулку вдоль Днепра. Какие же это чудесные были прогулки! Какая прелесть эти мазанки с двумя, тремя деревцами у околицы, а девушки! Разодетые в свои национальные платья, такие красочные, с разноцветными лентами в косах! А глаза их, – в них, как будто, закралась вся чудесная украинская ночь, полная красоты, тишины и неги. А Днепр!.. «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои!!!» Как много теплоты и ласки веет от украинской земли, как она чудесна в своей живописной природе (из письма к Таичке).

В Кременчуге жизнь совсем иная, чем в Москве. Здесь свободная торговля, на базарах много муки, пшена, сахара, конфет и так далее. Но цены не так уж дешевы: хлеб белый 350 рублей фунт, черный – 150-180 рублей за фунт, масло сливочное – 2500 рублей фунт, сахар – 2800 рублей фунт. Говорили, что иногда можно купить и шоколад по 5000 рублей фунт, но я его не видел (письмо).

23 октября я покинул Кременчуг, распростился со своей батареей очень любовно и дружелюбно, зашел к Буковскому еще раз проститься не столько с ним, сколько с его

женой, всегда приветливой и спокойной женщиной. Уезжал я в теплый солнечный день, а когда проехали Харьков, погода изменилась, стало хмуро, прохладно... С такой погодой я приехал и в Москву. В Харькове пришлось сделать пересадку. Чтобы скорей попасть в Москву, я уехал на «максимке» – этот поезд состоял из нескольких товарных вагонов без печей и нар, набитых людьми до отказа. Сидели только на остановках, когда выходили из вагона. 26 октября я приехал в Москву и в этот день я опять становлюсь москвичом.

Сначала я пошел в ГАУ, где я теперь был на учете. Получил назначение в ЦУС в технический отдел. Работа моя начиналась в 9 часов утра и кончалась в 18 часов с перерывом на обед от 12 до 13 часов. Начальством моим был военный инженер; со службой я быстро освоился, сотрудники все ко мне относились дружелюбно, работать было легко.

Началась моя работа и по дому. Кроме меня другой мужской силы не было. С отцом начал сооружать в самой большой комнате печку. Кирпичи я таскал из всех мест, особенно от разрушенной колокольни Казанского собора (театр «Авангард»). За песком и глиной ходил во 2-ю Городскую больницу к знакомым печникам: я строил печь, а отец давал указания, сидя рядом на стуле. Где-то стащил плиту на печку с двумя конфорками; духовой шкаф мне сделали в больнице по знакомству. Печь вышла «на славу». Всего трудней было доставать трубы для дымохода. Зимой она топилась «на славу»! Дрова покупал, привозил их и колот для печки.

Потом пошел в Университет, там меня зачислили в число студентов последнего курса, в число оканчивающих. Заставили меня посещать одну лекцию и за это мне стали давать паек, что для меня в то время было очень важно.

На работе у меня произошла история, которая коренным образом изменила мою дальнейшую жизнь. Когда я прослужил недели три, ко мне приходят кто-то из сотрудников (двое) и спрашивают, – сдавал ли я свои документы в кадры?

У меня была расписка (в их получении сотрудником), и я ее показал. Они взяли ее у меня и сказали: «Документов там нет, они потеряны». Я вновь заполнил анкеты, где я не указал своего прошлого, а что я был в Красной Армии рядовым. С этих пор я стал простым солдатом, «потерял» все прошлое.

В моей жизни из моих друзей больше всех помог Саша Мамуровский. Он же и сестру Лидию устроил на работу с хорошим пайком: 30 фунтов печеного хлеба, 8 фунтов мяса, полтора фунта сахара (из письма к Таичке). Как-то раз рискнули купить 15 фунтов конины. Мама с отвращением готовила из нее, но, тем не менее, решили, что есть можно. В дальнейшем я частенько ходил на Татарскую улицу и там в магазине стоял в очереди вместе с татарами.

В самом конце октября снег все покрыл белой пеленой, мороз был 5-7°. Проходя бульваром, увидел снегиря. В комнатах было 6° тепла. Тороплюсь поскорее закончить проводку труб.

В середине ноября я как-то зашел к Саше Мамуровскому. В разговоре со мной он спросил меня, хочу ли я уйти с военной службы? Я сказал, что принимал меры к этому в Университете, но он оканчивающих не освобождает от военной службы. Я бы очень хотел. Он сказал мне, чтобы я зашел через три дня к нему.

Через указанный срок я пришел к нему, и он мне протягивает бумажку. В ней говорилось, что Горная Академия согласно приказу Ленина по горной промышленности о бывших студентах, находящихся в армии, просит ЦУС откомандировать меня, как студента 3 курса, для продолжения образования. Этот приказ относился только к рядовому составу.

Я не замедлил это отношение вместе со своим заявлением подать своему ближайшему начальнику. Он к нему отнесся доброжелательно и дал ей ход по инстанциям, лично он сделать ничего не мог.

В ноябре я усиленно готовился к экзамену в Университет и в конце месяца сдал его. Перед самым декабрем печка

и проводка труб была готова. Печка прекрасно обогревала, удобно было готовить на ней. В эту комнату переехали мама и сестры Лида и Ольга (Ляля). Нина же жила в отдельной маленькой комнате холодной. Я поместился вместе с отцом в одной комнате – и тоже холодной. Еще была у нас комната, но ее отобрали у нас и поселили там двух пожилых людей.

28 ноября, придя на работу, я получил приказ о моем откомандировании в Горную Академию. Меня поздравляли. Я был среди добрых, хороших людей, и теперь я их покидал. Инженеру я все же принес 10 килограммов белой муки.

Ура! Сашина выдумка воплотилась в действительность. В этот же вечер я был у Саши. Теперь я ему протянул бумагу, когда он прочел, он бросился ко мне и мы расцеловались. Саша был рад, что его затея оказалась столь чудесной во всех отношениях. Да, столько, сколько Саша мне помог в моей жизни, никто другой не сделал мне. В доме и в Аткарске были рады моему уходу с военной службы.

С 1 декабря 1920 года я становлюсь сугубо гражданским чином. Я студент Московской Горной Академии и студент Московского Университета.

В середине декабря я сдал в Университет последний экзамен и получил временное удостоверение об окончании Университета. Я положил его в стол и забыл о нем, что мне через несколько лет доставило немало хлопот.

Теперь я получал только один паек – этого было мало для нашей семьи. Надо было еще и посылать в Аткарск. У одного гражданина я доставал шоколад, ходил к нему на дом. Иногда уходить от него приходилось другим путем, каким входил к нему. Всяко бывало! Я тот шоколад продавал с надбавкой. Затем через своего друга Сему я доставал нитки (катушки), их охотно на рынке выменивали на продукты. Иногда их удавалось количественно увеличивать. Случайно на улице встретил Алешу Б. (он в будущем стал профессором химии). Он привозил из каких-то северных мест конфеты-монпансье на патоке и предложил мне их

продавать. Это был все же некоторый источник дохода. Перебивались кое-как в семье; сыты не были, но и голодные не сидели.

Горную Академию я стал посещать сейчас же, как только зачислили. Обошел все лаборатории, где придется работать, музей. После математических наук, науки геологические показались мне очень легкими. Полюбил я занятия с паяльной трубкой, что было необходимо для исследования пород. Я по привычке добросовестно готовился по всем предметам, каким тогда надо было. Все преподаватели меня замечали и отличали от всех других в группе. Немудрено, много было людей прямо с производства – с небольшим или плохим образованием.

В январе 21 года у Таички должны быть роды. Мне обещали отпуск, но я должен был сдать хотя бы один экзамен. Я подготовил кристаллографию и сдал ее в 20 числа декабря. 25 декабря я получил из Аткарска телеграмму и меня отпустили, конечно, не без участия Саши Мамуровского. 29 декабря я выехал из Москвы. Грустно было покидать своих москвичей, но и там у жены мне больше хотелось быть в такое время: продолжение потомства! Дали мне отпуск на две недели. Своим я оставил все, что нужно и для встречи Нового года, и для жизни в мое отсутствие. Ведь теперь в нашей семье московской прибавился еще один человек: 11 декабря Лялька родила сына Геню. Отец, как не появлялся до родов, так и не пришел потом. Это был Богословский Михаил.

31 декабря утром приехал в Аткарск. Там роды ждали, как говорят, день со дня, час с часа. Моему приезду были все рады.

Встречали Новый год у Кармиловых, и там остались все, так как Таичке не велено было уходить. Ведь Софья Матвеевна здесь рядом, она же и акушерка. Много за столом было разговора о Москве, о том, что я не мог писать Таичке в письмах.

Вся жизнь в семье Кармиловых шла вокруг родов скорых, вокруг Таички. Целые дни я просиживал дома, меня ни за чем не посылали, строили планы нашей дальнейшей жизни вместе с Таичкой. Часто нас, меня и Ивана Ивановича, посылали гулять, вероятно, для того, чтобы отдохнуть женской половине всей. Ночевать мы, я и Иван Иванович, уходили в мою квартиру к Кляус.

5 января нас раньше обычного отправили спать, по дороге Иван Иванович мне сказал, что, вероятно, ночью будут роды. Он угадал, утром, когда пришли мы, меня все поздравляли с рождением сына. Мою радость и мамы все разделяли, все были довольны. Через дня 3-4 Таичка мне заявила, что больше детей она иметь не будет. Видимо, роды были тяжелые. Что ж? Я только сказал: «Быть посему!» Теперь вся жизнь завертелась вокруг сына и матери. Но время летело быстро, я просрочил лишних 10 дней. Обещал весной вновь приехать.

25 января я уже был в Москве. Все мои были рады рождению сына, особенно старики... Как-то я достал конфет и, как у нас положено было, поделил между всеми. А через день у меня оказалась возможность послать посылку Таичке!

В Горной начались занятия... Мне выдали паек в Университете: $\frac{1}{2}$ фунта сливочного масла, 5 фунтов пшеницы, $1 \frac{1}{2}$ фунта соли и $\frac{1}{2}$ фунта сахара, сказав, что я еще не списан с довольствия. Паек Горной Академии богаче, и вместе с сестрами (три пайка) получили: 4 фунта сливочного масла, $4 \frac{1}{2}$ фунта соли, $4 \frac{1}{2}$ фунта сахара и т. д., всего 9 предметов (из письма).

По приезде мне сообщили родные, что Дина и Карл решили жениться. Все же мои были в удрученном состоянии: уже несколько дней сидели без обедов. В Аткарске я купил за 25000 рублей 25 фунтов белой муки, да еще пайки, и все повеселели немного.

У нас еще отбирают одну комнату. Сестры все и мама в одной большой комнате с печкой.

6 февраля была свадьба Дины и Карла. На свадьбе были Мамуровские Володя и Саша, Семен и другие. Венчание было в церкви 1-й Городской больницы. Венчал священник той же церкви, он в то время работал делопроизводителем в аптеке той же больницы. Венчание было веселое, Семен читал с выражением, что причитается на свадьбах. А 7 февраля Нина сестра моя заболевает воспалением легкого.

12 февраля в Горной устроили вечер – концерт с участием Степанова, Борисова, Минаева, Юдина и других. После концерта я ушел, а Лида (сестра моя) осталась, так как во время бала в столовой должны были раздавать бутерброды. Но, увы! Такая была давка, что получить их Лида не могла. Много времени уходит на доставание дров и их распилку. Февраль в болезнях: Лида и Ляля – гриппуют, Нина выздоравливает. Она лежала дома.

В Москве на рынке запретили торговать картошкой. Цена ее дошла до 700 рублей фунт. Продаю книги по математике и другие, которые еще оставались. В каждом письме Таичке вкладываю по 1000 рублей. Переписка с ней у меня отнимала много времени, ведь письмо надо было относить к поезду, идущему в Саратов. Иногда бывала и оказия.

Наступила масленица. Я все-таки сумел достать пшеницы и смолоть ее. В последний день масленицы поели блинов! Волюшка прихворнул в феврале, но в марте поправился. Пишет Таичка, что сливочное масло стоит 6000 рублей фунт, яйца – 3000 десяток.

10-12 марта я сдал второй экзамен в Горную Академию. После этого мне обещали отпуск. Только в конце марта я мог уехать в Аткарск в двухнедельный отпуск. Вместо 2 недель я прожил 3 «с гаком». Это пребывание было похоже на мое предыдущее. Волюшка подавал все признаки доброй жизни. Теперь уж и я принимал некоторое участие

в нашей жизни. Я много рассказывал о жизни в Москве, о себе, о своих.

20 апреля я вернулся в Москву. Было обидно ужасно, когда в академии мне сказали, что отпуск продлен до 5 мая – я мог бы и Пасху (около 1 мая) провести в кругу Волюшки и Таички.

Отца и мать застал больными. Карлушка на стороне сильно выпивает. Какие-то нелады у него с Диной.

Нас выселяют уже определенно – дали отсрочку до середины мая. Хожу и ищу квартиру. В жилотделе мне было сказано: «Ищите! Что найдете, то мы утвердим за Вами». На Калужской ничего не мог найти. Нашел на Якиманке две комнаты – квартира. Одна небольшая, а другая 64 кв. м. – видимо, была квартира, а теперь комната с печкой из изразцов посредине. Но выбора не было. Комендант дома, в котором жили, приходил в мое отсутствие, терзал мать нашу, угрожал, ругался. Привел в порядок электрическое освещение, вычистил пол деревянный, дощатый. В это же время случайно Боря (муж старшей сестры) нашел для меня две комнаты в том же доме, в котором он жил, через коменданта – своего хорошего знакомого. Начали перевозку вещей. При переезде на Якиманку рабочие нечаянно разбили зеркало большое у шифоньерки. Мама заплакала, увидев осколки, и сказала, что будет покойник. Через 2-3 месяца она умерла. Во время переезда приехал Сергей Иванович. Много вспоминали прошлое. Он признался в любви Софье Матвеевне и намечал свадьбу в скором времени. Я нашел ему здесь место преподавателя, но ему не понравилось, и он уехал в Самару.

На Якиманке большую комнату перегородили шкафами так, чтобы получилось подобие комнат. К себе я перевез диван, письменный стол, шесть венских стульев, кровать, комод, маленький шкафчик, который служил буфетом, и кое-что из посуды.

Рынки в Москве вновь открылись, они прекрасны, но все очень дорого: хлеб 2000 рублей фунт, картошка 800

рублей фунт, творог 10000 рублей фунт, яйца 12000 десятков, пшено 130000 рублей пуд, мясо 3500 рублей фунт, лимон 6500 рублей штука.

Таичка пишет письма по адресу Мамуровских, так как наших адресов пока еще не было. Приходилось часто за ними ходить. 28 апреля, когда я возвращался от Саши, по дороге попадалось много прохожих с зажженными свечами, красиво было смотреть, как по темным улицам расплазались эти яркие огоньки.

На днях отвез отца в больницу. У него плеврит. Извозчику уплатил 10000 рублей, с чем отец никак не мог примириться, говоря, что на эти деньги можно было купить 5 кружек молока.

30 апреля по улицам много людей несли светить в церковь куличи и пасхи, или вроде них что-то. У нас не было ни того, ни другого.

1 мая была Пасха. Посетил отца в больнице и тетю нашу (Элеонору). В больнице за отцом очень хорошо ухаживают. Няни старые, которые работали еще при нем, приходят его навещать. Чувствует он себя лучше, чем дома.

Много времени уходит на благоустройство своих, хочется и их устроить по-человечески. Да и мои комнаты требовали чистки.

Приходилось добывать деньги всеми возможными способами. У Губкина Ив. М. начал давать урок – занимался с его дочкой Галей. Через Сашу Мамуровского получил заказ: вычертить карту земли во всю стену для Московского Университета, за что получил 100000 рублей. Торговал шоколадом и конфетами, мыловарам возил каустическую соду, менял и продавал нитки, которые я получал с одной фабрички. Не отказывался ни от какой работы, в чужих домах колот и пилил дрова, ходил по домам чинить мебель. Раз попал в квартиру своего бывшего преподавателя в гимназии Семена Ивановича Крылова.

20 мая я уезжаю в экскурсию геологическую с профессором Мирчинк в Дмитровский уезд Московской губернии на 5 дней. Дали нам каждому по 20000 рублей, по 4 фунта хлеба, 1 фунту пшена. Я захватил с собой соли мешочек, и за этот мешок мои хозяева, у которых стоял, кормили меня, как на убой! Пил молоко, ел яйца и отдыхал душой.

25 мая вернулся и застал маму в большом горе – «Рыжий» – кот сибирский красивый пропал. Через две недели только он вернулся. А я только тридцать лет спустя на вечеринке со своими друзьями одноклассниками (бывшими) узнал, что эту покражу кота сделал мой друг Алеша Михайловский, который жил от моих через два дома.

В половине июня после сдачи экзаменов мне дают командировку на практику на станцию «Нефтяная» за Саратовом на берегу Волги. Перед отъездом Лиде и Ляле поручил продавать шоколад и конфеты, чтобы в мое отсутствие не так голодали.

Числа 9 июня я уехал в Аткарск. Волюшка вырос. Таичка похудела. С ними я пробыл неделю. Затем поехал на практику, она заняла у меня дней десять, а потом я вернулся в семью в Аткарск.

Во время моего отдыха я получил телеграмму о смерти мамы. Телеграмма пришла с большим опозданием, хотя моя кузина Зоя, работавшая на телеграфе, старалась ее протолкнуть. Ехать было бессмысленно, ее уже схоронили. Отец сам сделал ей гроб из досок ящиков из-под яиц, их удалось достать в магазине неподалеку. Похоронили ее на Донском кладбище (все это я узнал потом от сестер). Умерла мама 18 июля от дизентерии.

В Аткарске жизнь была дешевле московской, так что привезенные мною деньги дали нам возможность прожить все лето. Жили отдельно от родных Таички, опять в доме Кляус.

1 сентября я приехал в Москву один, Таичка с Волей должны приехать были в конце сентября. Сходил на могилу

матери, от сестер узнал все подробности ее болезни и смерти. Умерла от дизентерии. Вместе с сестрами Лидой и Ниной привели в порядок могилу, посадили цветы.

Стал готовиться к приезду своей семьи. Взял еще один урок по высшей математике за кружку молока через день и мешок картошки в месяц. У Губкиных продолжался урок. Тот же шоколад и конфеты, та же каустика мыловарам... Можно было рисковать приехать моей семье. Паек из Горной Академии я отдавал своим отцу и сестрам.

В конце сентября приехали Таичка с сыном и с ними Нина, моя свояченица. Она собралась поступить в Московский Университет на медицинский факультет учиться.

Из писем... Для приезда Таички в Москву делаю расчет в письме:

Твой билет	2555 р.
Лежачий плацкарт	2730 р.
Багаж 2 пуда	1200 р.
На расходы	1000 р.
Итого	7485 р.
Я выслал	7500 р.

В октябре со мной произошла большая неприятность. Когда я нес каустику мыловарам, меня задержал милиционер. Чтобы откупиться от него, мне пришлось отдать ему все то небольшое золото, что досталось мне от мамы: золотой браслет с топазом и браслет цепочкой дутый золотой с брелком «сердце», на котором была метка от моих зубов, когда они у меня прорезались. Пришлось еще отдать и мой полушубок, который мне послужил все годы в Красной Армии. Угрожая, он меня ограбил, как бандит. Больше я не рисковал и эти операции прекратил. Заменял уроками, которые стали появляться.

Как я не старался заработать побольше, а все же приходилось иногда ходить на рынок продавать что-либо из вещей. Главным образом уходили платья Таички, раздавал ее, а я уже был раздет: было только то, в чем ходил.

Зимнего пальто я не имел, ходил в демисезонном, а на ногах – единственная пара штиблет с некоторым количеством дыр.

В квартире было прохладно и чем ближе к январю, тем холоднее. Ходили в гости и сами принимали гостей. Отец с трудом, но частенько навещал нас; он Волюшке явно давал предпочтение перед Генькой, сыном Ляльки.

Новый год встречали в кругу родных моих и друзей. Это первый раз за много, много пролетевших лет. Убранство комнат: на окнах не было занавесок, висели тряпки, сколотые булавками, или сшитые. В маленькой комнате стояли: комод, кровать односпальная, кровать Волюшки и столик с зеркалом. Платья висели в углу на вешалках. В большой комнате: письменный стол, диван, столовый стол, венские стулья, барометр, часы. Небольшой шкаф служил буфетом. Дали мне и необходимую посуду.

1922 год

В комнатах холодно, пожалуй, мало уютно. В конце января решили, что лучше Таичке с Волюшкой уехать в Аткарск. Трудно стало и Волюшку питать. На те деньги, которые я могу высылать, там в Аткарске, можно лучше питаться. 25 января они покинули Москву.

22 января я поступаю в первый коммунистический интернат на должность преподавателя математики. До меня эту должность занимал мой друг Виктор Щеглов. Но ему не понравилась и обстановка учреждения, и отношение к нему, он ушел и рекомендовал меня. Заведующим интернатом был Токарев Миша, с которым мы были вместе в младших классах гимназии. В интернате были и ученики школьного возраста и студенты, среди них было много бывших беспризорников. Все ребята учились в разных местах – школах и институтах. Но в этих учреждениях занятия шли плохо, и мне пришлось организовать здесь в ин-

тернате группы и с ними проводить занятия: студентам читал лекции и вел практические занятия, а со школьниками проходил им нужную математику. Я очень быстро освоился с атмосферой – меня называли «Геннадич» и говорили на «ты» – и работа быстро пошла на лад. А спустя месяца два мне предложили и должность воспитателя. Я согласился, так как мне стали платить и двойную ставку и двойной паек, который был очень приличным. Таичке, как и прежде, в каждом письме и оказии шлю деньги по 10000 рублей.

Приезд Волюшки в Аткарск был неудачен. Он там заболел рожей. Болезнь была в очень тяжелой форме – сколько тревог и волнений было в Аткарске и в Москве! Лечили его и врачи, и фельдшера. Письма Таички были полны отчаяния... Ох, этот февраль! Всё же жизнь взяла верх. Поправился Волюшка, и в конце марта оба они приезжают в Москву. Моя служба и уроки, особенно у Губкиных, нам давали возможность существовать.

В начале мая Таичка с Волюшкой снова едут в Аткарск. Моя переписка теперь с ними идет через знакомых контролеров поезда, через них шлю и посылки. Шлю нитки, деньги. Таичка там лечится и ей делают уколы. В Аткарске эпидемия сыпного тифа. Болеют Андреевы, их соседи. Волюшка ест кашу на английском молоке. Чулки восемьсот тысяч рублей за пару. В конце мая Таичка делает аборт. Она не будет иметь больше детей! Такова судьба! Я должен был примириться (все предыдущее из писем).

Губкины прибавили мне оплату. Средняя оплата миллион рублей час. На этот раз я получил деньгами тридцать миллионов рублей, и паек – рису 10 фунтов, гороху 7 фунтов, бобов 7 фунтов, пшеница 9 фунтов, чаю четверть фунта, муки пшеничной 1 пуд. Если к этому присоединить двадцать пять миллионов – интернат, ученики – шестнадцать миллионов, то в месяц деньгами я получил семьдесят один миллион плюс пайки, будет больше ста миллионов рублей. Таичке выслал пятнадцать миллионов. Своим я помогал всем, чем только мог.

В этом году, чтобы поехать в Аткарск, мне дали командировку в город Кузнецк Пензенской губернии для обследования в окрестностях этого города залежей желтых и красных глин и начертить карту их выходов. Эта командировка, по-моему, была дана не без участия Саши Мамуровского. В Кузнецке к моей миссии отнеслись очень серьезно; район залегания довольно обширный, обойти пешком трудно. Я попросил, и мне дали верховую лошадь, на ней за два дня я объехал нужный мне район и составил карту. Я был свободен.

Решил, прежде чем ехать в Аткарск, заехать на станцию Чадаевку в село Новокрещеное, где семья Кармиловых долго жила, родились там все дети, а Иван Иванович там был настоятелем церкви – священником. В семье при воспоминаниях все восхищались красотой природы тамошней. Поезд шел, долго простаивая на станциях. На станции Сюзюм, гуляя по перрону, случайно встретил одного бывшего красноармейца из минометного дивизиона, который служил под моим началом. Он снял меня с поезда, затащил к себе в дом. Он до революции был ямщиком в этих местах. Провел я у него сутки, он угостил меня на славу и посадил в товарный поезд, попросив машиниста остановить поезд на нужном мне разъезде.

Приехав в Чадаевку, я сразу пошел к начальнику станции расспросить о дороге и назвал себя, что я зять Ивана Ивановича. После этого я стал желанным гостем: меня накормили, напоили и указали дорогу в село. Действительно, вся местность – долина реки Суры – красива! Я с удовольствием походил-побродил целый день. Заходил в избы к старикам, там помнили Ивана Ивановича и вспоминали его добрым словом. Я взял с собой из Москвы некоторые лекарства и выменивал на продукты. Начальник станции меня посадил на паровоз – он проходил на Пензу. Через день я был уже в Аткарске. Но прожить там удалось только несколько дней и я уехал в Москву для доклада.

В начале июля мне дали командировку на фосфориты недалеко от Саратова. Я снова приехал в Аткарск, а затем поехал в Саратов. Мне дали адрес брата Таички врача Василия Ивановича. Я заехал к нему сначала. Постучал, было уже поздно вечером. Послышался какой-то тихий шум, а потом мужской голос: «Кто там?» Я назвал себя и сказал, что я муж Таички. Перед открытой дверью стоял худой щупленький человек и пригласил войти. Это был Василий Иванович Кармилов, врач. На скамье за столом сидел другой человек. Оба в белых халатах, стол был накрыт простыней. Познакомились, начались расспросы, разговоры. Спустя полчаса меня спрашивают, пью ли я? – «Когда угощают – не отказываюсь». Тогда хозяева переглянулись, полезли под стол и вытащили пол-литра разведенного спирта и закуску. С Василием Ивановичем через две-три рюмки выпили на брудершафт. Оба мы, я и Василий Иванович, произвели друг на друга добрые, дружеские впечатления и они таковыми остались на всю жизнь нашу. Я у них переночевал, а утром пошел представляться начальству. Эта практика заняла у меня два-три дня, так как прииски эти в то время не работали. Я вернулся в Аткарск. Волюшка окреп, поздоровел, а вот Таичка плохо выглядела, медленно поправлялась.

К 1 августа я уже был в Москве. Занятия в интернате продолжались. Урок у Губкиных окончился – Галя поступила в школу в 5 класс. За месяц я получил пятьсот рублей. На смену этого урока появился другой. Рекомендовали мне его Хрущевы, семья моего приятеля, с которым я учился в Горной Академии. За 1 час я взял 1 рубль золотом. Принес червонец (10 рублей) за 10 уроков (из письма), из них на квартиру 120 рублей, Таичке 800 рублей, остальные себе на еду. К приезду своих решил поставить, сделать печку и под руководством отца быстро ее сделал. Кирпичи таскал с колокольни Казанского собора – ее разбирали в это время, трубы – во 2-й Городской больнице по знакомству, там

же и шкаф духовой маленький, и где-то скрал плиту с двумя конфорками. Печка вышла на славу, обогрела и варила!

В сентябре приехали Таичка с Волей. Перед их приездом сделал ремонт комнат: обои стоили 1200 рублей, работа 800 рублей.

Был в МОНО (Московский отдел народного образования), нам учителям увеличивают оплату и платить будут товарными рублями, я буду получать 35 товарных рублей, а всего в августе получу 83 товарных рубля. Обедаю у своих, спасибо сестрицам!

Хочется к написанному добавить: во время моего пребывания в Аткарске, я целые дни гулял с Волюшкой, уходил на Медведицу, в лес, он иногда засыпал у меня на руках во время прогулок. Все это сказалось при моем отъезде в Москву: Волюшка никак не хотел уйти с моих колен в поезде, хотя за окном открытым его звали и мама, и бабушка.

Таичку осмотрел Василий Иванович, велел лечиться. По письму: Таичке в месяц надо 450 рублей (масло 10-12 рублей фунт, бадейка молока 2 рубля 50 копеек, яйца 8-10 рублей десяток). Волюшка много бегаёт, хорошо спит. Общий любимец.

Новый год встречали у нас вместе со своими и друзьями моими. У нас было тепло (от печки), но неуютно и стульев не хватало.

1923 год

Новый год в материальном отношении стал более приятен. Открылся Текстильный техникум, механико-текстильная школа. В них я получил достаточное число часов по математике. Воспитательная работа в интернате – все это давало возможность отказаться от продажи шоколада, конфет, от ниток, которой я занимался раньше. Не стало времени. Приходилось каждый месяц брать в долг, а при получке зарплаты – отдавать – погашать эти долги. Понемногу, очень медленно, стали одеваться, с большим трудом отрывали

деньги на покупку вещей. Иногда бывало и так, что сегодня купишь, а недели через две это же и продашь. Перебивались!

Я занят был почти весь день. Волюшку иногда не видел по два-три дня, уходил я из дома – сын спал, приходил с работы – он уже спал! Тяжко было.

Зимние месяцы прошли легче предыдущих. Волюшка не голодал, доставали ему всеми путями еду, а мы сами питались неровно – то пусто, то густо. В комнате было тепло, но капало с труб от печки – трубы тянулись через обе комнаты, через весь коридор на кухню.

В мае месяце Таичка с Волей уезжают в Аткарск на солнце, на воздух. Нина не поехала, осталась в Москве.

Я много занимаюсь, готовлюсь к экзаменам, работаю по геодезии. С 15 июня у меня отпуск по моим учреждениям. А 18 июня я уезжаю на практику на Урал, на асбестовые рудники. Я должен был поехать в Донбасс на 6 месяцев, но я отказался. Я не мог бросить свои службы, которые давали жизнь и мне, и моей семье, и моим. Уехал я из Москвы вместе с товарищем по учебе студентом Хрущевым. Александр Николаевич очень симпатичный молодой человек. В то время поезда плохо ходили: иногда останавливались между станциями – нагоняли паров в паровозе! Раз остановились в лесу. Все выбежали из вагонов промяться. В лесу было много цветущего шиповника. Я нарвал букет и преподнес одной гражданке, пассажирке нашего вагона – мы всю дорогу симпатизировали друг другу. Ближе к Свердловску из окна видели, как горел лес на протяжении 1/2 километра.

В город приехали в час ночи. Я остался при вещах, а друг пошел искать номер в гостинице. Пока я сидел на вокзале среди массы людей и вещей, нагледелся на нравы людского потока, на грязь всего помещения, на муки сидящих и лежащих людей. Ведь спали вповалку на полу.

Часам к пяти утра нашли номер по 1 рублю золотом с человека в сутки. Въехали, выспались, а днем пошли разыскивать администратора рудника. Нам повезло – быстро его на-

шли и уже через час поездом ехали на станцию Баженово, где помещались рудники, вместе с администратором. На станции ждало нас ландо, запряженное парой лошадей. По обращению с нами здесь и в дальнейшем я понял, что кто-то сюда позвонил из Москвы. Ведь мой спутник был сын Хрущева, директора Госбанка, его подпись была на червонцах. Дальше из письма 27.06 Таичке: «Третий день, как мы блаженствуем на приисках. Погода стоит дивная, жарко, успели уже загореть, бродя с утра до вечера по разрезам, где происходит добыча асбеста. Устроились сносно: отвели нам сначала в доме для приезжих комнату, а завтра переезжаем в комнату при школе, там же сторожиха нам будет готовить. Пока столуемся у доктора – его жена согласилась взять нас «на стол». Далеко мы пока не ходили, здесь на рудниках много еще работ нам. Питаемся хорошо. Истребляю много яиц и молока. Яйца 15 рублей десяток, крынка молока 5 рублей, хлеб белый 4 рубля фунт, мяса еще не видел. На 30-40 рублей в день здесь можно жить. Гудит сирена. Надо идти...»

Вскоре мы перешли в комнату школы с видом на озеро, на дальнем конце которого приютилась среди деревьев небольшая деревянная церковь. Наша работа продвигается. Теперь мы имеем время делать рабочие прогулки дальше в лес. Масса змей на дорожках лежат, свернувшись в кольца, ползают в траве кругом – ходишь с палкой и с оглядкой. Много встречается старателей – промывают золото в ручьях; пробовали и мы, но, увы! Ничего! Ездили на изумрудные рудники. Раз в лесу видели ворона, сидящего на сосне, старый, крупный, он даже не шелохнулся, когда мы стояли от него в трех шагах. Говорят, они живут триста лет. Бродили по окрестностям, знакомились с различными минералами. Как красив змеевик! Нас двоих администрация отличала от всех других практикантов... и к 5 июля мы закончили свою практику. Форсировали ее здорово!

В том же ландо, в каком приехали сюда, покидали прииски. Приехав в Свердловск, мы расстались друг с другом.

Хрущев поехал в Москву, а я в Пермь, чтобы оттуда Волгой поехать в Саратов. До Перми ехал в вагоне третьего класса с неудобствами во всех отношениях, в тесноте, в грязи. В Перми я достал билет в каюту второго класса. Поездка на пароходе после железной дороги – всегда прекрасна. Кама прекрасна, как и Волга. В одну из ночей налетела буря, шквал, гроза. Пароход, встав против течения, гудел всю ночь. Среди пассажиров иногда возникала паника, много шума, криков было. А все же прогулка была чудесной. 15 июля приехал в Аткарск. Две недели я отдыхал в своей семье. Опять с Волюшкой гуляли еще больше, чем в прошлом году. Таичка словно поправилась немного. Я всегда там был просто своим человеком, родным, а не гостем.

1 августа я уже был в Москве. Начиналась моя работа в техникуме, и экзамены в текстильной школе. В августе Волюшка заболел скарлатиной. Но она у него прошла спокойно. А в конце сентября они оба приехали ко мне.

В октябре у меня произошла неприятность..., или неприятность? Меня исключили из академии. Нашли в моих бумагах отсутствие сведений о военной службе (это во-первых), во-вторых – мой отказ выполнить маркшейдерскую практику в Донбассе шестимесячную. Пришлось идти потом в милицию получать воинский билет, что я и сделал в том же месяце. У меня в это время появилось и достаточно частных уроков. В сентябре я зашел в свою бывшую 10-ю гимназию. Директором школы был бывший преподаватель латинского языка Евгенов, а его заместитель – бывший швейцар Григорий. Уговорили они меня взять несколько классов. Я явился в один. Поздоровался, ребята на меня не обратили никакого внимания. Большинство сидели на скамьях лицом друг к другу играли в «расшибалочку», другие считали деньги, полученные от продажи спичек, которые в мешке висели у них за спиной. Затем минут через пять-шесть один сказал: «Айда, ребята, пойдем!» и я остался один. Мне же оставалось одно – отказать-

ся от всяких занятий здесь, что я и сделал. Жизнь мало чем отличалась от предыдущих годов. К нашим знакомым прибавилось еще двое: Мордашевы – Денис Васильевич – учитель рисования Механико-текстильной школы, и его жена Екатерина Алексеевна.

Новый год на этот раз встречали у Карла с Диной. У нас было мало стульев, сидеть не на чем, да и обстановка была бедновата. В декабре продал пальто Таичкино и материю, которую мне выдали в интернате.

1924 год

В начале каждого года 6 января мы справляем день рождения Волюшки. Это мы делали во все года. Собирались обычно только свои.

Мои занятия продолжались в Механико-текстильной школе, в техникуме, в интернате. В техникуме я был избран председателем месткома. На общем собрании решили в Универмаге на Петровке в кредит разрешить сотрудникам, кто пожелает, покупать мебель, выплачивая стоимость в последующие 6 месяцев. Поручили мне произвести все эти денежные операции. Себе мы купили обеденный стол, 6 стульев и зеркальный шкаф (до сих пор живы и стоят в комнатах наших (1976 год)). Я собирал ежемесячно деньги с каждого и сразу вносил в Универмаг. Раз я в какой-то месяц растратил их (видно, тяжело было!) и не мог внести в срок деньги. В Универмаге подождали один день и написали в техникум. Я же в день получения этой бумаги внес деньги в Универмаг и получил квитанцию. Обратились ко мне с наименованием магазина, а я назвал какой-то ошибкой и показал квитанцию. Но пережил я несколько дней в тяжелых думах, пока не достал денег взаймы и не погасил задолженное вовремя.

С апреля месяца мне предложили уроки по физике в ФЗУ при заводе «Красный Пролетарий». Там хорошо платили

и давали паек. Здесь познакомился с преподавателем математики Рупчевым Афанасием Федоровичем, с которым я вел доброе знакомство до самой его смерти. По техническим предметам были инженеры и среди них Гульдебрандт Александр Леонидович, чудесный, умный, веселый человек. С обедами я устроился, как и все преподаватели, у жены одного из сотрудников. Она брала за обед 90 копеек, а нарпит 75 копеек, но, конечно, обеда здесь и там очень различались. Ребята ученики были озорные, у некоторых в кармане были финки, угрожали друг другу.

В середине мая Таичка с Волюшкой уехали в Аткарск. Там они устроились у сестры Таички Александры Ивановны на квартире, там было удобней и спокойней.

В начале июня я вместе с учениками ФЗУ и тремя инженерами еду в Сормово в экскурсию. Этот завод расположен вблизи Нижнего Новгорода. Пробыли мы там дня три. Ели без конца воблу, которую там можно было купить у мальчишек на улице. Вечерами и ночью катались по Оке на лодках. Чудесные виды и чудная погода была!

В середине июня вернулась Таичка с Волюшкой. С 1 июня наш интернат переехал на дачу МОНО, нам дали в полное ведение бывшее поместье Орлова-Давыдова Чесменского «Отраду». Дали и мне там комнату для отдыха с семьей. При въезде к дому у ворот стоял бюст Екатерины Второй. Дом двухэтажный с расписными потолками в комнатах. На одном потолке была нарисована Венера, в живот которой был ввинчен крюк с люстрой, а на другом был изображен чесменский бой. Со стороны фасада по обе стороны дома расположены балконы, к которым вела широкая лестница в виде неполного витка спирали. На один из балконов выходила дверь из комнаты, в которой всегда останавливалась Екатерина в своих приездах. Кругом бронза, позолота, зеркала – вот эту комнату и дали мне с семьей. Богатая мебель. Комната изолирована от всего остального помещения.

От дома к реке Лопасня раскинулся сад с фонтаном посредине, по краям сада много разных деревьев – пихты, ели и другие. Наши ребята все привели в порядок. Построили электростанцию, провели во всем доме освещение. Стены толщиной в метр, много сил и времени уходило на пробивку дверей.

Здесь действительно было блаженство. А если учесть, что мы питались с интернатской кухни, то отдых был полный.

Волюшка там бегал всюду. Было большое озеро Сазанье. По нему на лодках катались ребята и с ними всегда был Волюшка, я отпускал его с ними с полным доверием. Я тогда и узнал, что значит беспризорник (у нас их было процентов 60), что значит его преданность к тем, кто заботится о них, и кого они уважают и по-своему любят. Меня там звали просто «Геннадич» и говорили на «ты». А за рекой – лес! Какой лес! Конечно, прежние садовники умели дать ему красоту, и эта красота, обросшая и запущенная в прошедшие годы, красота, где соединились искусство с природой, радовала глаз и никогда не надоедала. А пруды, расположенные на разных горизонтах! Пять ключей било в лесу, и они соединялись в одно русло – Пятиключье. Эта вода наполняла пруды и снабжала весь интернат наш. Чудесные прогулки по парку, к озеру Сазанье, катанье на лодке, купанье, ловля раков...

Я никогда не забуду жизнь в «Отраде»! В семье нашей при жизни сына и жены вспоминали эту жизнь много, много раз. Время проводили весело в кругу преподавателей.

Только за два-три дня до отъезда в Москву меня схватила малярия. С высокой температурой я возвращался в Москву.

К сентябрю вернулись в наши комнаты. В «Военторге» мы сейчас же по приезду купили две кровати с сетками и матрасами, Волюшке у Малютиных купили кровать, обзавелись занавесками... и наши комнаты преобразились.

Мои занятия везде шли очень хорошо. Параллельно с ними лечился у профессора Преображенского – у меня уже

второй год был фронтит. Были частные уроки. Новый год справляли у нас. «Обмывали» наши большие покупки этого года.

1925 год

Мои работы учебные с большой нагрузкой проходили в Механико-текстильной школе, в интернате, в техникуме, в ФЗУ и частные уроки. Расплата велась на червонцы. С продуктами было очень туго. Как-то раз на Добрынинской площади я вошел в магазин купить что-либо из мяса, или рыбы. Ничего не было. Ко мне подошел продавец и спросил меня, что бы я хотел. Я ответил: «Все равно, лишь бы съедобное». Он мне сказал, сколько я должен заплатить в кассу, и дал мне усача (кажется, так называлась та рыбина). С тех пор меня этот продавец много раз выручал – Александр Иванович, – мы в дальнейшем стали друзьями, я занимался с его дочкой – школьницей. Дружили с ним до самой его смерти, и пока семья его потом не переехала в далекий микрорайон.

В мае Волюшка и Таичка уехали в Аткарск, так как Мария Афанасьевна, моя теща, захворала. Я перешел на обеды в ФЗУ, как и раньше. В двадцатых числах июня, получив везде отпуска, мы уехали в Кресты, к немцам Поволжья. Там жил Василий Иванович с семьей – был врачом. Там мы устроились очень хорошо, не стесняя Василия Ивановича. Там с Волюшкой вдоль речушки копались в меловых отложениях, нашли экземпляры аммонитов. Много гуляли, хорошо питались. Малярия и там меня и Таичку «пристукала». Я должен был с температурой под 40° ухаживать за Т. и смотреть за Волюшкой. Возвращались тем же путем, как и приехали, сначала на паре лошадей ехали до Лысых Гор, а там поездом до Аткарска. В конце августа все вернулись в Москву. В сентябре у меня вышла очень интересная поездка. Саша Мамуровский дал мне денег, чтобы поехал

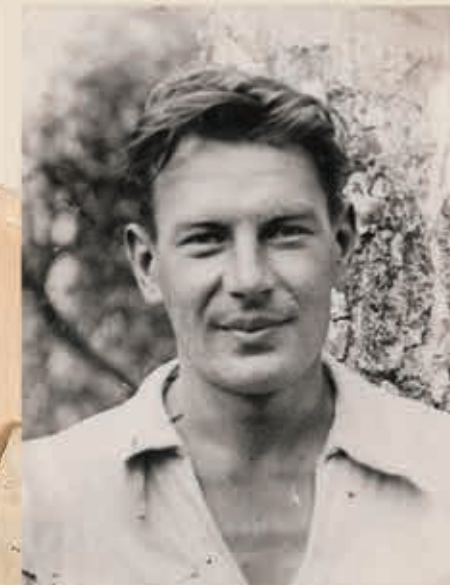
в Аткарск и там скупил золотых старых монет. Взял я с собой каустики, чтобы там ее выменять. В почтовом поезде, в котором я ехал, в почтовом вагоне хозяином оказался мой друг детства по 2-й Городской больнице. Он каустику забрал к себе в вагон и спас меня от неприятностей. По дороге был осмотр вещей и у моего друга одного, с которым я вместе ехал в вагоне, отобрали всю каустику. В Аткарске золотых не нашел ни у кого, видимо, я просто не умел заниматься этим делом. Я поехал в Елань через Баланду. Повез меня какой-то с Пахотной стороны, знакомый Ивана Ивановича, на шарабанчике с хорошей, крепкой лошадей. Выехали ночью и ехали не по дороге, а прямо по вспаханым полям, минуя охраны. К вечеру другого дня приехали в Елань, а в Баланде закусили и передохнули в чайной-трактире. Но и в Елани я ничего не смог получить, а с помощью мужа старшей сестры Таички, Александры Ивановны, я закупил пуда два русского масла и на телеге парой лошадей повез это «золото» в Аткарск. Поздно вечером, не доезжая километров восемь до Баланды, нас застал дождь. Возница решил заночевать здесь же в лесу. А меня в это время трясла малярия. Я решился пешком под дождем пройти эти восемь километров до трактира в Баланде. Там меня уложили на печку, и я заснул, как убитый. Разбудили меня, когда приехал возница. Я встал совершенно здоровым.

В общем, привез я эти два пуда и отдал их тому, кто мне давал деньги. Я повидал много интересного по дороге; в Елани я съел большое количество арбузов, а какие арбузы!! Какие ароматные, сладкие и вкусные! По дороге возница мне указал на волка, который бежал поодаль от нас. Я только понял одно: никакими спекуляциями я заниматься не могу. Столько было волнений по дороге! А моя учебная работа дает жизнь и покой!

Потом один преподаватель Мазинг, который до революции имел реальное училище, попросил меня соста-

вить программу по математике для какой-то школы. Он мне уплатил 70 рублей. Из них я отдал: за квартиру – 30 р., Федору Серафимовичу – 20 р., Мордашову – 10 р., Саше Мамуровскому – 5 р., итого – 65 р. Пять рублей себе на прожитие.

В сентябре был наш выезд в Расторгуево к дяде Мите и тете Лизе. Они не видели моего семейства до сих пор. Как всегда дядя Митя к нам проявил симпатию свою, он мне ее всегда проявлял под видом грозным, строгим, но с лукавым взглядом.

Валентин Николаевич Топазов

Николай Геннадьевич Топазов с сыном
Валентином (~1940 год)

Николай Геннадьевич Топазов

Зинаида Ивановна Кармилова
(на даче «Отрада», июнь 1926 года)

1926 год

Зинаида Ивановна Кармилова, Таисия Ивановна Топазова (Кармилова) и Валентин Топазов с семьей Эренбургов на даче в бывшем поместье Орлова-Давыдова Чесменского «Отрада» (июнь 1926 года)

Слева направо: Карл Карлович (муж сестры Н. Г. Топазова), Таисия Ивановна Топазова (Кармилова), Елена Николаевна Топазова, Николай Геннадиевич Топазов, Дина Геннадиевна

Зимние месяцы проходили, как и прежде, в скромных рамках. Волюшка понемногу учился читать, писать. Любил очень рисовать, любил, чтобы ему читали книги. Росли, часто встречаясь с Геней, сыном Ляли. Воля, когда ходил с нами, любил уходить вперед, и мы лишь следили, чтобы из-под ворот дома не выехало что-либо. Но раз не углядели: из ворот выехал верхом на битюге какой-то «рыцарь», а Волюшка от неожиданности остановился как раз на его пути. Лошадь, расставив передние ноги обошла его, но он сел под брюхом лошади и схватил ручонкой за заднюю ногу. Лошадь аккуратно обошла его и задними ногами. Волюшка встал и смотрел с удивлением, но не плакал. Зато те, кто видел, устроили мне и Таичке словесную «головомойку» – и за дело!

В Механико-текстильной школе появился новый завуч – Эренбург Борис Абрамович. Прекрасный человек, преподаватель, хороший организатор. Наши семьи (его и моя) быстро познакомились, ходили часто в гости друг к другу.

В начале апреля Таичка и Воля уехали в Аткарск, на солнце, на более светлое житье, чем в Москве. А вернулись они к июню месяцу и привезли с собой Зинаиду, сестру Таички.

В половине июня мы все опять поехали в «Отраду», как и в 1924 году. На этот раз «екатерининская» комната была опечатана, как музейная ценность, и мне дали комнату во флигеле, где жили и все остальные сотрудники. Об этой жизни сохранилось несколько фотографий. В компании Эренбург и Рыдлевых (завхоз) мы весело проводили время, много гуляли, устраивали пикники. Пытались также с общей кухни и добавляли свое по желанию. Волюшка много времени проводил на реке, сидел на перекатах и ловил рыбу. Ребята брали его всюду и на прогулки, и на лодку.

Опять, как и в 1924 году, меня схватил приступ малярии при самом отъезде, ехал с высокой температурой. Вскоре мне кто-то из знакомых рекомендовал врача Нечаева, говоря, что он хорошо вылечивает малярию. Пошел к нему. Узнав фамилию, он сказал, что работал с моим отцом в Яузской больнице (в 1887–1892 годах).

Отец после подтвердил это. Интересен его осмотр больного. Раздел до половины и стал пальцем выстукивать селезенку. Обмочит слюной свой палец, помажет им то место, где край селезенки, и отметит синим карандашом. Смыть нельзя до следующего к нему прихода. Давал хину глотать и какое-то мочегонное: принимать и то, и другое точно по времени. Через три-четыре захода к нему он меня вылечил от малярии на все время. Также вылечил и Таичку. В школе ФЗУ инженер А. Л. Гильдебрандт был арестован и сослан в Соловки.

19 декабря «по-старинке» всегда отмечали, как и 6 января. В этом году Нина, сестра Таички, которая жила у нас, вышла замуж за Иваницкого, инженера. Дай Бог им счастья!

Н. Г. Топазов и Галина Борисовна Быкова (племянница)

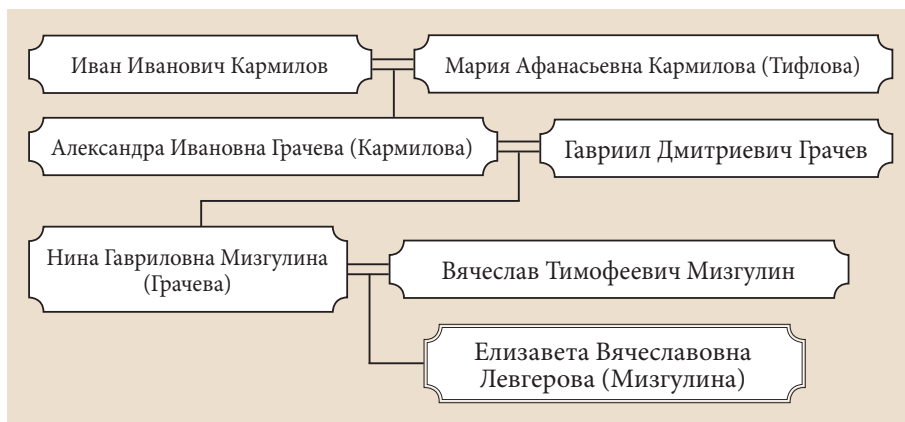

*Фото Н. Г. Топазова.
Храм Христа Спасителя
до разрушения*

Н. Г. Топазов

Из воспоминаний Е. В. Левгеровой

Наша бабушка, Александра Ивановна Кармилова (в замужестве Грачева), была старшей дочерью Ивана Ивановича и Марии Афанасьевны Кармиловых. Родилась она 23 апреля (6 мая н. ст.) 1884 года, в слободе Терновой Аткарского уезда.

Из рассказов бабушки мы узнавали, как они жили, учились, относились друг к другу. Отец с матерью (или «папаша» и «мамаша», как называли их дети) звали друг друга на «Вы», отношения их были равными и дети никогда не были свидетелями их разладов, беседы вели без лишних эмоций.

Когда бабушка подросла, ее отвезли в Саратов на учебу в Епархиальное училище, где готовили будущих учителей, и где позже учились ее младшие сестры Таисия и Зинаида. Учились девочки за счет епархии, то есть бесплатно. Бабушка рассказывала о том, чем их кормили: утром – стакан чая и французская булка, обед – суп, каша, компот. Классные дамы были строгими, следили за поведением и внешним видом воспитанниц.

Спали девочки в большой спальне, где горели лампы. Некоторые подружки были смелыми и резвыми: однажды ночью одна из них влезла бабушке под кровать, и, когда все стали засыпать, она тихонько стала поднимать кровать под бабушкой. Был, конечно, переполох, страх, смех!

В Саратове жила одна из сестер Ивана Ивановича, Мария Ивановна, она была замужем за врачом Лециусом. Жили они в Липках, в центре Саратова, дом их сохранился до сих пор. У них был свой выезд и ложа в оперном театре. Мария Ивановна брала бабушку на воскресенья к себе в гости и иногда возила в театр, где они слушали Собинова и других знаменитых певцов.

Бабушка любила поэзию, знала много стихов Некрасова и других русских поэтов. Сама сочиняла, но, к сожалению, ничего не оставила нам.

В семнадцать лет она получила диплом учительницы и стала преподавать в церковноприходской школе села Новокрещеное, где ее отец вел закон Божий. Бабушка рассказывала, что все дети сидели в одном классе, но на разных рядах: первый класс – на первом ряду, второй – на втором, и так далее... Были очень взрослые ребята, которые учились в четвертом классе. Бабушка была строгой учительницей, ученики ее слушались.

В 1909 году бабушка выходит замуж за Грачева Гавриила Дмитриевича, который работал приказчиком в кондитерском магазине. Жили они в селе Елани, где родилась у них

Елизавета Вячеславовна
Левгерова (Мизгулина)
80-е годы

25 ноября (8 декабря н. ст.) дочь Нина (моя мама). А в 1911 году, 28 октября (10 ноября н. ст.), другая дочь – Валентина. В семнадцать лет мама моя (Нина Гавриловна) уехала на учебу в Москву, на курсы немецкого языка. А в девятнадцать лет, приехав на каникулы в город Аткарск, она познакомилась с моим отцом – Вячеславом Тимофеевичем Мизгулиным, он приехал в Аткарск из Саратова по делам. Ухаживал за матерью неделю и женился на ней.

В 1930 году, 23 июля, в городе Аткарске родился у них сын Александр. В 1938 году, 7 декабря, родилась дочь Лидия в городе Сердобске, где отец наш преподавал историю в партийной школе. Он был образованный, начитанный, интеллигентный, очень добрый и мягкий человек. В 1941 году в городе Пензе в день войны (22 июня) родилась я, Елизавета. Названа была в честь матери Вячеслава Тимофеевича, умершей в двадцать шесть лет. В 1945 году, 6 июля, в городе Петровске Саратовской области родилась дочь Галина.

Когда началась война, отца призвали в армию. Бабушка наша и мама, испугавшись бомбежек, собрали всех нас и перевезли в деревню Лопатино Пензенской области. Никто не мог предположить, что ожидало нас в деревне: все вещи, которые были в доме, поменяли на продукты, последнее, что поменяли, было стекло от керосиновой лампы... Я помню, как мы с Лидой ели горох сухой из деревянной карандашницы. Ходила я с бабушкой на картофельное поле, поздней осенью. Мы выкапывали оставшиеся маленькие клубни, разрывали их и съедали белый крахмал.

Потом из Ленинграда приехала тетя Валя (сестра мамы) с четырьмя детьми: Станиславом 1932 года рождения, Ниной – 1935, Любой – 1937 и Людой – 1940. Ее муж, Подлущий Сергей Александрович, погиб под Пулковым. Тетя Валя с детьми были вывезены из Питера с последним поездом, детей запикивали в окна вагона. В Лопатине жили все в помещении школы, спали в спортивном зале – помню канат, спускавшийся с потолка.

Потом все переехали в город Петровск. Жили на квартире в небольшом домике, спали на полу. Позже переехали в кирпичный двухэтажный дом, жили в квартире на втором этаже. Была большая кухня – столовая, и смежная комната, почти вся занятая кроватями. В кухне была печка, где мы в морозы грелись. На втором этаже была огромная веранда, где мы, и другие дети из нашего дома и со двора, играли в мяч. Правда, «мяч» был сшит из тряпки и набит сухой травой.

Потом мы переехали на улицу Ломоносова, где занимали половину деревянного дома. Помню, что был большой зал, там зимой ставили ель в ведро с песком. Игрушки делали под руководством мамы, она была рукодельница. Это были цепи, хлопушки, фонарики. Приглашали друзей, подруг, водили хороводы, пели. После все получали пакеты со сладостями. Как правило, ель стояла до марта, с уже появившимися новыми веточками, мать жалела ее выбрасывать...

Весной было большое развлечение – половодье. Ночью бухал взрыв: это вскрывалась река Медведица. Мы бегали на крутой берег и наблюдали за ледоходом. Это было замечательное зрелище! Особо смелые мальчишки прыгали на льдины с железного моста, очень высокого. Этот мост и сейчас есть в городе.

Купаться начинали в первых числах мая, так как наступала жара. Учились плавать так: брали из дома наволочку, опускали в воду, выжимали, потом (крутясь) набирали в нее воздуха, зажимали одной рукой внизу, получался «пузырь», клали на него подбородок и гребли другой рукой... Короткое время держались на воде, но итог был: плавать умели все.

После Петровска жили в городе Аркадаке, тоже Саратовской области. Отец там был вторым секретарем райкома партии. Жили на улице Березовая, дом 13. Был телефон, водопровод, три комнаты, кухня и огромная веранда. Дом стоял посреди большого двора, вскоре папа посадил там сад. В Аркадаке по его инициативе был заложен городской парк.

Сюда, в Аркадак, в отпуск из армии приезжал Шура, он служил в Москве в Кремлевских войсках.

Началась в стране новая практика: укрупнение колхозов. И отца направили на работу председателем колхоза, человека, который никогда не жил в деревне и не знал ее жизни. Семья осталась в Аркадаке, а летом мы вместе с матерью, Лида, я и Галя, поехали к отцу в деревню Таловка. Там оказалось очень много интеллигенции из Саратова; не считаясь ни с чем, отправляли людей на поднятие сельского хозяйства. У отца были какие-то успехи, я помню, что они с матерью ездили в Москву на ВДНХ (тогда ВСХВ – Всесоюзная сельхозвыставка).

После Аркадака переехали в Мучкап Тамбовской области, куда отца определили директором птицекомбината (!), так как отец был честным человеком, а его предшественники были расхитителями. Жили мы в центре поселка, занимали полдома. Лида в это время училась в Харькове, я – в девятом классе, Галя – в пятом. Отец все-таки ушел из директоров, и свою службу (да и жизнь) закончил в должности заведующего парткабинетом. Умер он в 1959 году, 22 июня. Я в это время была в Москве, жила у Николая Геннадьевича (Топазова), собиралась поступать в институт. Ездила на похороны отца. Дома у нас побывало много людей, которые пришли с ним проститься. Его знали как доброго, порядочного человека, поэтому люди считали своим долгом посетить его в последний раз. Конечно, жизнь изменилась: у бабушки «копеечная» пенсия, и мать стала получать «гроши», жили все очень трудно. Галя училась тогда в седьмом классе. Бабушка сажала огород: картошку, огурцы; весь дом, как и всегда, держался на ней. Она прожила долгую и трудную жизнь, и мы все, ее внуки, вспоминаем ее с любовью и благодарностью.

Кармилова
Александра Ивановна
(1900 год)

Выпускницы Епархиального училища г. Саратова (1900 год)

Преподаватели Епархиального училища г. Саратова (1900 год)

Епархиальное училище.
Сидят: Таисия Ивановна
и Зинаида Ивановна
Кармиловы

Зинаида Ивановна Кармилова
(1916 год)

*Сестры Кармиловы.
Слева направо: Зинаида, Александра и Таисия
(село Новокрещенное, 1912 год)*

*Александра Ивановна Кармилова
с двоюродной сестрой Еленой*

А. БАКУЛЕНКО

ВЕНЗА,
ТУЛА

Гавриил Дмитриевич и Александра Ивановна Грачевы

Сидят: Гавриил Дмитриевич Грачев и Александра Ивановна с дочерью Ниной.
Стоит: Владимир Иванович Кармилов (1910 год)

Валентина и Нина Грачевы. Дочери
Гавриила Дмитриевича
и Александры Ивановны Грачевых
(слобода Елань, 1914 год)

Нина Грачева (1911 год)

Сестры родившиеся	Младше и старше		Имена родителей	Возраст, пол, образование и фамилия родителей и фамилия приемных	Куда сослазаны тапшоны крестины	Учреждение сиротский, женский институт
	Родилась	Умерла				
Муромская	1884	1888	Гавриил Дмитриевич Грачев и Александра Ивановна Грачева	Возраст 10 лет, пол женский, образование начальное, фамилия приемных родителей Грачевы	Сослазаны в сиротский институт в г. Вятку	Учреждение сиротский институт
Нина	1887	1891	Гавриил Дмитриевич Грачев и Александра Ивановна Грачева	Возраст 10 лет, пол женский, образование начальное, фамилия приемных родителей Грачевы	Сослазаны в сиротский институт в г. Вятку	Учреждение сиротский институт

Выписка из метрической книги
о рождении Александры Ивановны Кармиловой

*Аттестат Александры Ивановны Кармиловой об окончании
Саратовского Епархиального женского училища*

*Свидѣтельство
об окончании Саратовского Епархиального женского училища
Нины Ивановны Кармиловой*

АСТРІЧЭСКОЙ КНИГІ НА 1909

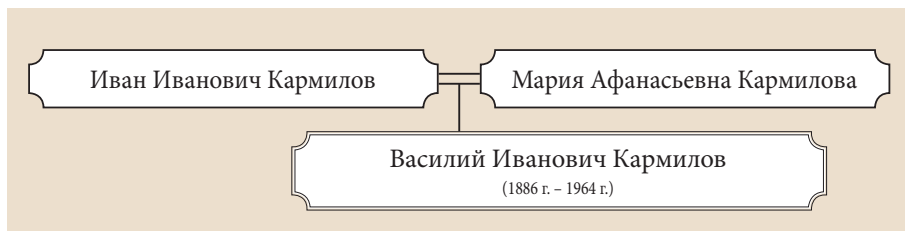
Мѣсяцъ рожд.	Дни мѣсяца	Мѣсяцъ и дни	Имя родившаго.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какомъ кѣроу спосѣданіа.
-	78	18	21. Екатерина	Семья Владиміа крестовника Козима Иванова Масина и законная жена его Анна вдова Гасидова, оба право- славные. Свидѣтели: Просторъ Свѣтлицы, Діаконъ Іоаннъ Реніевъ, Невѣншанъ Спасскій, Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ.
89	-	21	22. Александръ	Семья Иванъ крестовника Гри- горія Иванова Коновалова и за- конная жена его Анна Гри- горьевна, оба православные. Свидѣтели: Просторъ Свѣтлицы, Діаконъ Іоаннъ Реніевъ, Невѣншанъ Спасскій, Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ.
-	79	21	22. Екатерина	Семья Иванъ законной жи- вы Анны Павловны Мунанъ и законная жена его Мар- гарита Павловна, оба православные. Свидѣтели: Просторъ Свѣтлицы, Діаконъ Іоаннъ Реніевъ, Невѣншанъ Спасскій, Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ.
90	-	26	27. Николай	Семья Иванъ крестовника Ми- хаила Александровича Петрушича и законная жена его Ана- стасія Сергеевна, оба право- славные. Свидѣтели: Просторъ Свѣтлицы, Діаконъ Іоаннъ Реніевъ, Невѣншанъ Спасскій, Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ.
-	80	25	27. Нина	Владимирская церковь, церковно- угодническая семья Нина Владиміровна крестовника Гав- риила Дмитриевича Градова и законная жена его Ана- стасія Павловна, оба право-

Выписка из метрической книги
о рождении Нины Гавриловны Мизгулиной (Грачевой)

ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Ѡ РОДИВШИХСЯ.

Званіе, имя, отчество и фамилія кострильщика.	Кто совершалъ чинъ крестина.	Рѣ- чи
Молодая семья крестовника Свѣтлицы Сергія Васильевича Мунана и крестовника Анны Мунанъ спасской Мунанова Масина Григорьевна		
Крестовникъ Мунанъ Свѣтлицы Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ и жена Павлова, Гасидова и крестовника Мунанова Мунанова Григорьевна Мунанова, Діаконъ	Свѣтлицы	
Крестовникъ Мунанъ Свѣтлицы Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ и жена Павлова, Гасидова и крестовника Мунанова Мунанова Григорьевна Мунанова, Діаконъ	Свѣтлицы	
Крестовникъ Мунанъ Свѣтлицы Свѣтловъ Иванъ Ивановичъ и жена Павлова, Гасидова и крестовника Мунанова Мунанова Григорьевна Мунанова, Діаконъ	Свѣтлицы	
Молодая семья крестовника Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова	Мунанова	
Молодая семья крестовника Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова	Мунанова	
Молодая семья крестовника Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова Мунанова	Мунанова	

Воспоминания Ирины Васильевны Сергеенковой

Об отце – Василии Ивановиче Кармилове

Хочу вспомнить о своем отце, Василии Ивановиче Кармилове, сыне Ивана Ивановича Кармилова.

Знаю, что он учился в духовной семинарии, но потом поступил в Казанский университет на медицинский факультет, который окончил в 1911 году, был направлен врачом на участок в Сибирь, оттуда был призван на военную службу (дат не помню). О его дальнейшей службе не знаю. Вспоминаю, что когда в Поволжье была холера, он участвовал в ее ликвидации (год не знаю).

В 1921 году его направили в село Франк Республики немцев Поволжья. В 1924 году родилась я, и прожили мы во Франке до 1942 года. В это время отец мне больше всего запомнился. Когда он приехал на работу, там было одно здание под амбулаторию и два жилых дома для медперсонала. Под его руководством был построен главный корпус больницы, роддом, пищеблок и подсобные помещения. Отец там делал операции и так как был окулистом, то делал и глазные. За постройку больницы его вызвали в Москву и наградили золотыми часами.

Свою больницу он любил и гордился ею. С подчиненными был строг, если это касалось работы, но и справедлив. В помощи никому и никогда не отказывал. Сослуживцы его боялись и уважали, знали, что если он кого-то наказывал, то это за дело.

Помню, как-то позвонила из соседнего села врач и попросила ей помочь. Она делала полостную операцию, и у нее что-то не получалось. Отец сразу же выехал и помог ей. В нашей местности процветала трахома, и отец все время вел борьбу с ней.

Отец пользовался большим авторитетом среди сельчан в районе. Они называли его – «наш доктор».

Когда в 1941 году немцев выселяли, они просили нас ехать с ними. Мама отвечала, что не может это сделать, вернется Василий Иванович с фронта, а нас нет. Они согласились, что так будет плохо для него. Уже в 1950–1952 годах, когда мы жили в Барнауле, муж понес в ремонт обувь и там разговорился с сапожником, выяснилось, что он помнит отца.

«Так Ваша жена – дочь Василия Ивановича?» – спросил он и очень хорошо отзывался о нем.

Однажды случилось так, что я пешком добиралась домой во Франк (1940 год) и уже около нашего села сбилась с пути и оказалась на полевом стане. Работавшие там колхозники удивились, увидев меня, начали расспрашивать, кто я и откуда иду. Когда я сказала им, что я дочь Кармилова, они заулыбались и сказали, что знают Василия Ивановича и помогли мне добраться до дому. Все это говорит о том, что люди уважали его и помнили о нем.

На работе отец был на вид очень суров, и маму часто спрашивали, как она с ним живет. Дома отец был совсем другим. Я его помню любящим мужем и нежным отцом. Я не помню, чтоб он хоть раз меня поругал, или брата. Все наши желания он старался исполнять, но и мы не огорчали его и не просили невозможного.

Его любимым занятием, помню, было с рук кормить цыплят хлебом. Он садился на ступеньки и они его окружали, а он сидел счастливый и улыбался. Также он баловал и внуков, подкармливая их конфетами. Я не слышала, чтобы они с мамой ругались или ссорились. Наверное, это было, но мы об этом не знали! В семье царили лад, счастье и любовь.

Отца очень уважало районное начальство, а когда приезжали в наше село по своим делам, то останавливались у нас, хотя их приезд был связан с колхозными делами.

В 1941 году, через месяц после начала войны, отца призвали в армию. *(Примечание: он не подлежал призыву по возрасту, но его попросил Полянский и он пошел добровольно.)* Отец был знаком с депутатом Верховного Совета СССР врачом Полянским, которому поручили организовать эвакогоспиталь и он попросил себе на должность начмеда госпиталя отца. В г. Энгельсе они пробыли какое-то время и их отправили на фронт. *(Примечание: СЭГ обслуживал Сталинградский фронт, а затем двинулся за наступающими войсками.)* Воевал отец на 2-м Украинском фронте и вернулся домой в 1945 году осенью, после того, как раненные закончили лечение. После войны отец работал в городской по-

ликлинике г. Энгельса до ухода на персональную пенсию. Уйдя на пенсию, он не мог сидеть без дела и договорился с начальником поликлиники, чтобы ему дали какую-либо работу. Жил он недалеко от поликлиники и ему приносили работу домой. Он занимался статистикой, приводил ее в порядок.

Отец был очень скромный человек. За всю свою жизнь он один раз был на отдыхе в санатории. Одевался просто: любил косоворотки зимой, летом ходил в парусиновом костюме. Был у него один костюм на выход и все. Был добрый, честный человек. Он говорил: «Я сплю спокойно, подушка подо мной не вертится». Любил хорошую музыку. Телевизоров тогда не было, а только радио. Так они с мамой, если было время, просиживали у приемника, чтобы послушать ту или иную оперу, или балет.

За свою врачебную работу отец получил орден Ленина (в 1951 году) и звание заслуженного врача РСФСР. Были у отца записи о лечении раненых во время войны, он записывал свои наблюдения. Внук передал их кому-то (я не знаю) в Ленинграде, и они исчезли. *(Примечание: передал в Военно-медицинский музей, где они находятся по настоящее время.)* Имел орден Красная Звезда, а больше не помню. *(Примечание: орден Отечественной войны II степени, оба ордена получил во время войны.)*

Примечание: В. И. Кармилов был полковым врачом (265 пехотный Вышневолоцкий полк во время Первой мировой войны, расположенный в районе Рославля).

За ликвидацию холеры в Семиречье был награжден низшими степенями орденов Святой Анны и Святого Станислава.

В 1917 году, после развала армии, был демобилизован, но во время гражданской войны опять был призван в Красную Армию. Был направлен в 25 стрелковую дивизию (Чапаевскую), но так как имел о Чапаеве нелицеприятную характеристику, отказался и был оставлен в Саратовском губздраве.

В межвоенные годы прошел по конкурсу в глазной институт, возглавляемый Филатовым, но так как не на кого было оставить больницу, пришлось отказаться от предложенной перспективы.

Перед войной имел чин «военврач 1 ранга», уже в ходе войны после переаттестации ему присвоено звание майор медицинской службы.

О матери – Антонине Ивановне Кармиловой (Тифловой)

Моя мама, Антонина Ивановна Тифлова, родилась в 1887 году в семье священника. Училась в Епархиальном училище. Она и мой отец были родственниками. *(Примечание: чтобы получить разрешение на этот брак, пришлось «подавать прошение на Высочайшее имя».)* Когда папа после духовной семинарии поступил в Казанский университет, он уговорил маму поехать в Казань на высшие женские курсы (сейчас пединститут). Ее отец не хотел ее отпускать, был против ее отъезда, сказал, что помогать ей не будет. Но она все же уехала, через год вернулась домой. Отец убедился, что она не изменилась в худшую сторону, стал ей помогать и даже отпустил вторую дочь на учебу.

В 1913 году у родителей родился сын Николай. Отца звали в армию, а мама жила у родителей.

Дальше знаю только, что в 1917 году умерли ее родители.

В 1921 году отца направили работать в Республику немцев Поволжья в немецкое село. А в 1924 году родилась я. Мама так и не работала, преподавание в школе велось на немецком языке. Мама очень много помогала папе по работе. Обучила поваров в больнице готовить диетические блюда. Папа знал немецкий язык, но не местный диалект, а мама знала местный диалект. И когда больные не всегда понимали папу, то шли к маме, и та им объясняла, как могла.

В 1942 году папа перевез нас в г. Энгельс, но вскоре их эвакуогоспиталь отправили на фронт. Мы получали деньги от папы по аттестату, но этого не хватало на жизнь. Мама пошла работать в городской кинотеатр администратором.

Слева направо: сестра Антонины Ивановны – Елена Ивановна, Николай Васильевич Кармилов, Антонина Ивановна Кармилова (Тифлова), Зинаида Ивановна Кармилова, Василий Иванович Кармилов. Наверху – Галина Михайловна Кирсанова

До работы утром она рано уходила в ларек, где по карточкам выдавали хлеб. Она выгружала этот хлеб, чтобы без очереди получить положенный паек и принести хлеб к завтраку нам.

После войны она бросила работу, ей было 58 лет. Мама много занималась со мной по русскому языку, чтобы я знала свой родной язык (я училась в немецкой школе). Как и папа, она очень любила классическую музыку. Они часами сидели у радио и слушали ее. Еще мама любила путешествовать по Волге на пароходе. И когда была возможность, она это делала, иногда с папой вместе.

Сколько я себя помню, у нас всегда гостили мамины сестры – Мария Ивановна и Елена Ивановна. Летом они всегда

приезжали к нам во Франк на каникулы. Наше село стояло на реке Медведице, а за рекой начинался густой лес. Прекрасное место для отдыха. В гости к родителям приезжали отдыхать семья Топазовых, дедушка Иван Иванович, но это было еще до войны.

После смерти папы мама жила одна, ее постоянно навещал сын Николай, который жил в этом городе (Энгельсе). Затем мама сильно заболела, перевозить ее стало нельзя, я приехала к ней и жила у нее до ее кончины в 1974 году.

О брате – Николае Васильевиче Кармилове

Мой брат, Кармилов Николай Васильевич, родился в декабре 1913 года. Он старше меня на девять лет, но был замечательный брат. Дай Бог каждому иметь такого брата.

Когда нужно было идти в школу, его отправляли к тете Марусе (маминой сестре), которая жила в русском селе и преподавала в школе русский язык и литературу. Там, где жили родители, русской школы не было.

После окончания школы он поступил в Саратовский индустриальный техникум. Время было трудное, наступил голод. Вернулся он домой после окончания учебы, заболев туберкулезом. Ехать ему на работу не разрешили, он жил дома под присмотром родителей. Папа обучил его лабораторному делу, и он работал в больнице лаборантом.

Самым мощным лекарством против туберкулеза в то время было хорошее питание. Аппетит у брата был плохой, и на этой почве в доме часто были ссоры. Мама заставляла его есть, а он не хотел. Я удивлялась, как можно от таких вкусных вещей отказываться.

Когда мы переехали в город Энгельс, он поступил на работу в санэпидемстанцию. По болезни его в армию не взяли, он состоял на учете в тубдиспансере. Первый год после

переезда был для нас самым трудным. И Коля стал шить тапочки и продавать их.

В 1946 году он женился на Щаниной Александре, медсестре, детей у них не было.

Уже в преклонном возрасте они взяли на воспитание девочку, у которой мать умерла через месяц после родов. Отец у нее был неизвестен. Она лежала в той больнице, где работала жена Николая. Она привязалась к этой девочке, и они решили ее удочерить. Так появилась Кармилова Наталья Николаевна.

Брат в ней души не чаял, водил на занятия музыкой, в спортзал и т. д. Когда она подросла, думали, что она будет дальше учиться, но она не захотела, пошла на учебу на какой-то завод и должна была там работать.

Вскоре она вышла замуж и сейчас у нее двое детей: сын и дочь. Коля, конечно, переживал, но потом появились внуки, и он им отдавал себя.

До выхода на пенсию он так и работал в санэпидемстанции. Был очень обязательным человеком, честным, справедливым, сослуживцы его уважали.

В семье это был любящий муж и отец, и сын, и брат. Почти каждый день он заходил к маме. Исполнял все наши просьбы. Я не знаю такого случая, чтобы он не выполнил мою просьбу.

В детстве он любил рисовать, занимался графикой. Вообще у него были золотые руки и доброе сердце. Я до сих пор не могу смириться с тем, что его нет. Связь с его женой после его смерти прервалась, что с Наташей, тоже не знаю.

Примечание: Николай на довольно профессиональном уровне занимался фотографией, лепкой из гипса (в частности бюст А. С. Пушкина и др.)

О муже – Семене Илларионовиче Сергеенкове

Мой муж, Сергеенков Семен Илларионович, родился в деревне Коски, Рославльского района Смоленской области в семье колхозников 15 февраля 1917 года.

С 1936 по 1939 год работал учителем физики в средней школе, после окончания рабфака. В августе 1940 года принят в члены партии.

В 1939 году был призван в армию из Ленинградского пединститута (Учительского института).

С 1939 по 1940 год – курсант Красногвардейской школы младших авиаспециалистов.

С 1941 по 1942 год – Ленинградский фронт, помощник начальника политотдела по комсомолу.

С 1942 по 1943 год – Волховский фронт, с 1943 по 1945 год – 2-й Украинский фронт.

Ирина Васильевна и Семен Илларионович Сергеенковы

С марта 1945 года по март 1946-го – Энгельсское авиационное училище летчиков, слушатель курсов заместителей командиров бомбардировочных авиаполков по политической части.

До 1960 года работал в Ачинском авиационно-техническом училище и военно-авиационном училище первоначального обучения летчиков.

После расформирования училища вышел в отставку в чине полковника.

С 1965 года по 1990 год работал в Павлодарском индустриальном институте (с 1977 года – доцент кафедры «История КПСС»).

За этими сухими цифрами стоит целая жизнь, полная и радостных и трагичных событий. Муж всегда мечтал с самого начала нашей жизни о высшем военном образовании, но мечта эта исполнилась не сразу. Я только приехала к мужу в г. Коломыя (Западная Украина) с 2-месячной дочкой, как у них в полку случилось ЧП. Три человека – экипаж бомбардировщика – на самолете перелетели за границу. Это было ужасно. Все командование полка отправили срочно в Москву, и мы, семьи, в течение месяца не знали, что с ними. Мы жили в тревожном неведении. Муж вернулся из Москвы в ужасном состоянии, его исключили из партии. А тогда это было равно смерти. Командира полка осудили на 4 года, а мужа понизили в должности.

Сергеенков Семен Илларионович,
Сергеенкова (Кармилова)
Ирина Васильевна
и их дочь Ольга (~ 1948 год)

Это было очень трудное время, я боялась за него, была всегда рядом, внушала, что не все потеряно, что есть дочка и надо об этом помнить. Потом уже он мне признался, что хотел застрелиться. Нас перевели в г. Чортков (Тернопольская область). Через год у нас родился сын. И жизнь вошла в обычную колею. Но поступить в долгожданную академию он не смог – ему отказывали. Затем его восстановили в партии, и в 1953 году он поступил в Военно-политическую академию, которую закончил в 1958 году. Был направлен в г. Павлодар в 24 ВАУПОЛ на должность заместителя командира полка по политчасти, где прослужил до 1960 года, вышел в отставку и пошел работать в институт преподавателем на кафедре марксизма-ленинизма.

Познакомилась я со своим мужем через подругу на ее свадьбе. Она выходила замуж за летчика. На торжестве был его друг Семен, с которым я и познакомилась. Они в это время находились в городе Энгельсе на учебе в авиашколе. Начали встречаться, а когда он уехал после учебы, стали переписываться. Было это в 1946 году. В 1947 году он участвовал в воздушном параде в Москве и после парада его отпустили в отпуск на две недели для женитьбы. (Отправил его в отпуск Сталин, предупредив, чтобы без жены не возвращался.)

Он приехал в город Энгельс и сказал, что приехал за мной, просил стать его женой. Мы любили друг друга, и я согласилась. Свадьба была очень скромной, были друзья и родные. Через две недели он уехал, а я должна была еще заканчивать институт, но еще до приезда его у меня начались сильные головные боли, заниматься я не могла, и отец мой посоветовал мне взять академический отпуск на год, что я и сделала.

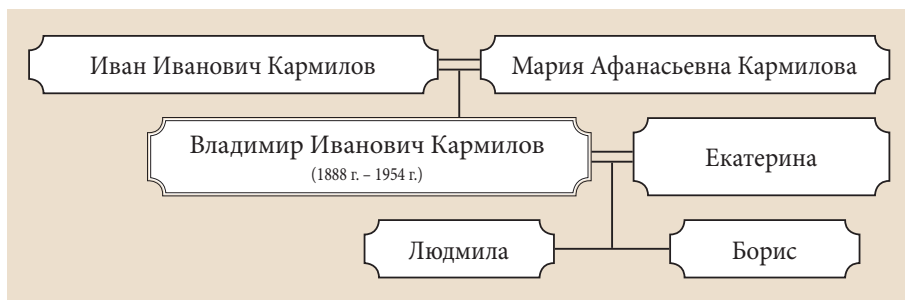
Летом я уехала к мужу в Западную Украину, где он в то время служил. Через год у нас родилась дочь, через 25 дней после последнего госэкзамена. Сдавать было очень тяжело, но я получила диплом.

Муж был очень порядочный человек, не терпел несправедливости, ни хамства, ни клеветы. Его уважали, обращались к нему в трудную минуту жизни, и он никогда не отказывал людям в помощи. Очень любил свою работу, любил молодежь, был верен дружбе, со многими однополчанами поддерживал связи до последних дней, не забывая добро людское. Был хорошим мужем и отцом, а особенно – дедом. Со своими детьми он меньше общался, так как в армии был 24 часа на службе, а порой и ночью очень часто.

Жаль, что болезнь унесла его в могилу (22 ноября 1991 года), но такова жизнь.

Отрывки из книги
Владимира Вардугина
«Тайна огня»
(Повесть о Н. Н. Семенове*
и его учителе В. И. Кармилове)

Пришел сентябрь 1912 года. Семенов перешел в седьмой, последний, класс реального училища. Он возмужал, подрос, и тетя Валя, не навещавшая брата уже три года, с трудом узнала своего Колюшку: она помнила его маленьким, вихрастым мальчуганом, а сейчас ей навстречу вышел высокий, стройный юноша с копной волос, зачесанных, как у отца, жестким ежиком. Над верхней губой пробились пушок. «Совсем большой стал», – подумала тетя Валя, обнимая племянника. А он баском спросил ее:

– Что, не узнаете меня, тетя?

– Да где же узнать тебя, – засмеялась Валентина Александровна, – вон какой вымахал! Орел!

Теплым сентябрьским утром Николай проснулся с ощущением чего-то значительного, происшедшего в его жизни. Он смотрел, как трепещут на ветру листья березки за окном, переливаясь в ярких лучах восходящего солнца,

* Николай Николаевич Семенов – советский физико-химик, один из основоположников химической физики. Академик АН СССР, единственный советский лауреат Нобелевской премии по химии.

и пытался вспомнить, отчего так легко и радостно у него на сердце. Новая книга? Нет. Удачный опыт с азотом? Нет. Приезд тети Вали? Да... Но нет! Что-то еще. Мысли путались, и спросонья он никак не мог вспомнить.

«Владимир Иванович, новый учитель по физике!» – всплыло в памяти, и то неясное ощущение, с которым он проснулся, стало четким и почти осязаемым.

С неделю назад их седьмой класс с нетерпением ждал урока физики. Мальчишки уже знали, что будет новый преподаватель. Но кто он? Будет ли на уроках скучища, как у прежнего учителя, или он сможет рассказывать просто и увлекательно?

Прозвенел звонок, все расселись по местам, и десятки глаз устремились на дверь. И вот она, скрипнув, распахнулась, и в класс стремительно вошел молодой человек, почти юноша. На лацкане его пиджака поблескивал университетский значок.

Николай, жадный до всего нового, с интересом смотрел на учителя. Простое, открытое лицо, приветливый взгляд, впрочем, несколько смущенный и даже испуганный, аккуратно завязанный галстук, откиннутые назад волосы, обнажившие высокий лоб. Все это Николай успел отметить про себя за то мгновение, пока учитель шел от двери до стола.

– Меня зовут Владимир Иванович, – поздоровавшись, сказал он тихо, но внятно. – Садитесь, пожалуйста.

Владимир Иванович
Кармилов

Мальчишки не спеша стали усаживаться. А учитель продолжал:

– Фамилия моя Кармилов. Я буду вести у вас физику. Вы, конечно, любите эту науку? – улыбаясь, обратился он с неожиданным вопросом.

По классу прокатился шум. Мальчишки ждали, что будет дальше. А учитель сел за стол, раскрыл журнал:

– Давайте знакомиться, – Владимир Иванович назвал фамилию, стоящую первой по списку. Ребята вставали, и учитель старался запомнить лица учеников.

– Сартари!

С задней парты нехотя поднялся долговязый грек.

– Семенов!

Николай вышел из-за парты.

– Сидоров! – скользнул пальцем в журнале строчкой ниже.

– Смирнов! – читал учитель список.

Ученики думали, что новый учитель просто не знает, о чем говорить, но тут он постучал карандашом по столу, привлекая внимание расшумевшегося класса, и сказал:

– Сегодня мне хотелось бы поговорить с вами о новых открытиях в области физики.

Класс притих. Некоторые преподаватели разговаривали с ними то как с маленькими, то не обращали на ребят внимания, отработывая часы без всякого интереса; другие требовали строжайшего послушания; кое-кто заискивал

*Владимир Иванович
Кармилов в годы учебы
в Казанском университете
(стоит справа)*

перед учениками, чьи родители имели толстый кошелек и влиятельное положение в городе. Были преподаватели, на чьи уроки шли с удовольствием: хорошие рассказчики, знающие и любящие свое дело учителя. И все-таки они – педагоги. А Владимир Иванович с первого урока просто покорила ребят. В его поведении, манере держаться, говорить они сразу же уловили то, что составляло резкое отличие нового учителя от всех других, преподавателей: он вел себя с учениками как равный с равными, уважал их и требовал уважения к себе.

Но еще больше, чем стиль ведения урока, поразило их то, о чем он говорил:

– Нам повезло, что мы родились и живем в такое время – эпоху великой революции в физике, – начал учитель. – Еще каких-то пятнадцать лет назад считалось, что атом неделим, все состоит из этих пылинок мироздания – атомов. Но вот ученые открыли электрон – еще меньшие кирпичики, слагающие атомы. Немецкий физик Рентген открыл чудесные лучи, с помощью которых можно видеть невидимое. Наш соотечественник Александр Степанович Попов, продолжив опыты Генриха Герца, изобрел радио.

Было тихо, и, когда учитель умолкал, подыскивая нужное слово, становилось слышно, как зудят мухи между оконными рамами. Кое-что из того, о чем говорил Владимир Иванович, они уже знали, большинство же фактов слышали впервые.

– Человек стоит на пороге новых великих открытий. Они перевернут представление о мире, в котором мы живем, – продолжал Кармилов. – Все дальше и дальше в глубь материи проникает пытливым человеческим умом, и недалек тот день, когда мы станем свидетелями создания... – он задумался. – Впрочем, трудно даже представить, что сулят нам великие научные открытия, те, которые уже свершились, и те, что предстоит свершить. Сегодня люди, вооружившись крыльями и пропеллером, парят в небе, как птицы, нет,

даже быстрее и выше птиц. А завтра... И вполне возможно, что здесь, среди вас, сидят те, кому удастся открыть новую страницу в науке, – закончил речь неожиданным предположением Владимир Иванович.

Кто-то присвистнул: эка куда хватил!

– А что? – живо откликнулся Кармилов. – Ньютон тоже не сразу ученым родился. Он так же, как и вы, был школяром, зубрил математику. И недаром он говорил о себе: «Я потому стою так высоко, что стою на плечах гигантов». Гиганты, надо понимать, – ученые, его предшественники, чьи труды он изучил. Надеюсь, вы сами понимаете, что, если хочешь сделать что-то новое, надо хорошо изучить старое.

– Зачем? – послышался ехидный голос.

– Хотя бы затем, чтобы ненароком не открыть уже открытое, – парировал учитель, и его слова потонули во взрыве хохота. И в это время прогремел звонок на перемену. Кармилов попрощался с ребятами и стремительно вышел из класса.

Потом мальчишки с нетерпением ждали каждого урока физики. Кармилов говорил легко и свободно, не заглядывая в книгу. Семенов заметил, что учитель рассказывает не то, что написано в учебнике, а иной раз прямо противоположное.

– Владимир Иванович, а в учебнике написано вот как, – обратился он однажды к учителю и прочитал абзац.

– Да, так думали раньше. Но последние данные, полученные в этом году учеными, показали, что картина здесь обратная.

– А разве так может быть? – спросил Петька Сидоров. – Ведь не выдумали же ученые то, что написано в учебнике?

– Хорошо, постараюсь вам объяснить, – Кармилов задумался, подыскивая пример, прохаживаясь вдоль рядов. Мальчишки поворачивали головы, следя за учителем. – Еще каких-то десять лет назад считалось, что химические

элементы неразложимы. То есть если атом «родился», скажем, радием, то он вечно им и останется. Но вот в 1903 году ученые Рамсей и Содди обнаружили гелий среди продуктов радиоактивного распада радона. Факт образования гелия при распаде радиоактивных элементов послужил веским аргументом в пользу теории радиоактивных превращений. Полностью объяснить этот факт можно было, лишь предположив, что альфа-лучи представляют собой ядра атомов гелия. Это предположение подтвердилось в 1909 году в опытах Резерфорда и Ройдса.

Владимир Иванович взглянул на ребят и, словно вспомнив о чем-то, добавил:

– Это слишком сложный вопрос, чтобы вот так, за пять минут ответить на него. Нужно многое изучить и понять, чтобы осмыслить последние достижения физики. Сейчас у нас, к сожалению, нет времени, – он взял в руки учебник. – Программу надо проходить. Ведь многие из вас, наверное, будут учиться дальше. А на экзаменах вас попросят отвечать точно на поставленный вопрос. Поэтому давайте сделаем так: продолжим изучение физики по программе, а после уроков – милости прошу ко мне домой. Конечно, пусть придут те, кто желает разобраться в сложных вопросах новейших открытий. Думаю, общими силами мы сможем докопаться до сути. Договорились?

Кармилов жил в небольшой комнатке, которую он снимал у своего коллеги, педагога из реального училища. В ней едва разместились все ребята, пришедшие на первое занятие кружка. Еще пару раз собирались они у Владимира Ивановича, а потом Николай предложил: «Давайте собираться у меня. Моя комната просторная, да и опыты можно производить по ходу дела в лаборатории».

Владимир Иванович пробовал было возражать, мол, неудобно, и как посмотрят на это его родители, но Коля убедил его, что мама и отец будут только рады гостям.

Стали собираться у Семеновых.

Владимира Ивановича очень удивила Колина лаборатория. На первом занятии больше говорил Семенов, чем Кармилов. Николай объяснял ребятам и учителю назначение всяких колбочек и реторт, демонстрировал опыты. Владимиру Ивановичу понравился и рассказ Коли, и его умение разбираться в сложных вопросах химии.

Вскоре Кармилов стал своим человеком в семье Семеновых. Он подружился и с Николаем Александровичем – оба любили природу, зачастую вместе выезжали в лес: поохотиться, по грибы и ягоды; и с Еленой Александровной – их связывала общность взглядов на науку.

– Я тоже была педагогом, правда, давно, лет пятнадцать назад, еще когда в Петербурге училась на Бестужевских курсах, – призналась Елена Александровна. – Давала частные уроки математики. Так что мы с вами, Владимир Иванович, коллеги. Ну а потом замуж вышла, Коля родился, через два года – Ксения, заботы, по хозяйству...

Коля был занят в лаборатории, готовил препараты: вот-вот должны прийти мальчишки: сегодня очередное занятие кружка.

– Хорошие у вас ребята, Елена Александровна, – сказал Кармилов. – И Коля, и Ксения. Николаю учиться надо и дальше. Светлая голова у него, все на лету схватывает. А уж по химии он сейчас знает больше, нежели многие студенты.

– Да, химия, – рассеянно обронила Елена Александровна. – Отец и слышать не хочет, чтоб сын стал учителем. Он мечтает, что Коля сделает карьеру, станет большим чиновником.

– А как вы к этому относитесь? – опросил Владимир Иванович.

– Пусть сам решает. Ему жить – ему и дорогу выбирать. Я, конечно, поддерживаю его стремление пойти в Петербургский университет.

На крыльце послышались шаги, звякнула щеколда, и в дверь постучались.

– Заходите! – крикнул Коля, высунув голову из лаборатории. В комнату гурьбой влетели мальчишки.

Владимир Иванович рассказывал об открытии электрона, о той дискуссии, которая развернулась вокруг этого события. Говорил он, как обычно, просто и очень увлекательно, и становились понятными самые сложные вещи. Иногда он прерывал свой рассказ и обращался к кому-нибудь с вопросом: «Витя, а ты как думаешь?» Пока Витя собирался с мыслями, учитель задавал другие вопросы, которые помогали найти ответ на трудный вопрос. Отвечал один, но думали над вопросом все. Если кто-то не соглашался, вспыхивал спор. Спорили до хрипоты, особенно в тех случаях, когда предмет спора не поддавался экспериментальной проверке в Колиной лаборатории.

Обычно такие выяснения, кто прав, а кто заблуждается, кончались веселым смехом: Петька Сидоров, прекрасно владевший карандашом, сидел где-нибудь в уголке и легкими штрихами набрасывал дружеские шаржи на заядлых спорщиков – всклокоченные волосы их окутывались дымом якобы от высокого накала мысли, бьющейся в поисках истины, а лица выражали такую страсть, что можно было признать в них тореадоров. Он так тонко подмечал особенности мимики, жесты, характера, что обижаться на него было невозможно. Напротив, ребята выпрашивали у Петьки свои «портреты». А он щедро и охотно раздаривал свои рисунки.

Наступила зима. В начале декабря на Волге был уже крепкий лед. Прошли обильные снегопады, и белые просторы Волги звали ребят пробежаться на лыжах. В воскресенье, когда «физики» окончили очередную дискуссию, обсудили новости из последних научно-популярных журналов, кто-то из мальчишек предложил:

– А не прокатиться ли нам на лыжах?

– С большим удовольствием! – поддержал его Кармилов. – А вы как, ребята?

Через полчаса собрались на берегу Волги. Срывались редкие снежинки, искрясь в неярких лучах солнца. Дышалось легко и свободно. Лыжники побежали по ледовой равнине, засыпанной толстым слоем снега. Держали курс на холм, высившийся над правым берегом.

Владимир Иванович отстал от ребят: что-то случилось с креплением. К нему подъехал Николай.

– Давайте помогу!

Он наклонился, стал на одно колено и крепкими пальцами развязал ремни. Вдвоем они быстро починили крепление.

Шли рядом. Владимир Иванович спросил:

– Коля, ты куда думаешь идти после училища? Каких-нибудь полгода осталось, а там...

– Хочу быть химиком, – ответил Коля. – А где дальше учиться – пока не решил. Вероятно, в Петербургский университет буду поступать.

– А почему именно в Петербургский? Москва или Казань ближе.

– Под Петербургом, в Царском Селе, родственники живут. Тетки, сестры отца, и мамин брат.

– Ты химией, я знаю, давно увлекаешься, – продолжал расспрашивать учитель. – Но у тебя большие способности к физике...

– Ну, физика – это не то, – перебил его Коля. – На мой взгляд, только химия может ответить на вопрос о сущности строения вещества. Мне кажется, химия – наука будущего, именно здесь предстоят великие открытия, – и Николай стал увлеченно говорить о химии.

– Знаешь, Коля, – выслушав его, мягко сказал Владимир Иванович, – мы привыкли делить науку на части: это – химия, а это – физика, а то – биология. А ведь в природе нет такого деления. Вот, взгляни сюда. – Он остановился, снял варежки и зачерпнул пригоршню пушистого снега. Снежинки медленно таяли. – Скажи-ка мне, как химик, это что у меня?

– Снег, – ответил Коля. – Химическая формула – H_2O . А что?

– Правильно. И вот эта вода, – Кармилов сильно сжал комочек снега, и с ладони скатились капли, – тоже H_2O . И пар – то же самое, только в другом, газообразном состоянии. Лед, вода, пар – три таких непохожих вещи, а суть их одинакова. Видишь, как переплелись здесь физика и химия. И я думаю, нам надо исследовать мир во всех его взаимосвязях, какой он есть. А уж куда занесут открытия: в физику или химию – дело второе, не столь важное. И в будущем, я полагаю, самые значительные открытия будут сделаны на стыке наук. Скажем, на стыке химии и биологии, физики и медицины.

Они прибавили шагу, догнали ребят уже у самого правого берега, потом ехали лесом, и запорошенные снегом деревья слушали разговор, пестрящий научными терминами.

В город вернулись затемно. К вечеру ударил мороз, и они изрядно продрогли. Шли гурьбой по улицам, и кучка лыжников становилась все меньше и меньше: мальчишки разбредались по домам.

Кармилов и Семенов жили по соседству.

– Владимир Иванович, пойдете к нам, чайку попьем, согреемся, – пригласил Николай. Учитель долго отнекивался, но все-таки сдался.

– Значит, мы с вами земляки, – помешивая сахар в стакане, обратился к Коле Владимир Иванович. – Ты в Широком Буераке родился?

– Нет, родился-то я в Саратове, – ответил Николай, – да только ничего не помню о нем: мне года полтора было, когда мы уехали в Широкий.

– А моя родина в другой стороне от Саратова. Есть такая станция на Рязано-Уральской железной дороге – Аткарск. Это как из Саратова в Москву ехать. В Аткарском уезде, в селе, учительствовал мой отец.

– И братья-сестры у вас есть? – спросила Елена Александровна.

– Есть. Я богатый, – улыбнулся Владимир Иванович. – Нас у матери десять детей.

– Вы, наверное, самый старший? – полюбопытствовал Николай Александрович.

– Почти. У меня старшая сестра и старший брат, а остальные – мал мала меньше.

– Владимир Иванович, а почему вы стали учителем? – вдруг спросил Коля. – Разве вас не привлекает наука?

– Наука – моя мечта. Но пока... – развел руками Кармилов. – Вообще-то я собирался поступать в Лесотехническую академию. Знаете, у нас в Аткарске такие чудесные места: лес, речка, а ягод! А грибов! Красотища! Вот я и хотел стать лесником. Окончил учительскую семинарию и уж совсем было в академию подался. Да Василий, старший брат, отговорил. «Что ты, Володька, всю жизнь в глуши лесной, как отшельник, проведешь». А он тогда уже на медицинском факультете Казанского университета учился. «Давай к нам в университет, – говорит, – ты же способный».

– И что же вы не стали ученым? – спросил Николай. Он очень внимательно слушал рассказ Владимира Ивановича, облокотившись на стол и весь подавшись вперед.

– Да как сказать? – подыскивал слова Кармилов. – Отец мой жил бедно. Десять душ детей – десять ртов, и все, как говорится, есть просят. Жалованье у отца не ахти какое. «Володя, я не смогу вас двоих тянуть», – сказал он мне. Я, как и старший брат, учился за казенный кошт. Поступил на физико-математический факультет. Для того чтобы прожить в Казани – платить за угол, покупать книги, более-менее сносно питаться, приходилось давать уроки – математики, физики, астрономии: стипендия была очень мизерной, – Владимир Иванович умолк.

– Трудно было. Но дотянул-таки до экзаменов, получил диплом, – продолжил он рассказ. – В дипломе у меня сплош-

ные пятерки, потому-то мне дали право выбора своего будущего места работы: казенный кошт надо – хочешь не хочешь – отрабатывать. Предложили мне Самару, Елабугу и еще какой-то маленький городок на Урале, запомнил вот, еще название какое-то чудное... – он пытался вспомнить, но махнул рукой. – Ладно, не столь это важно. Вот так я и оказался здесь, в Самаре. Все-таки к родительскому дому ближе.

Владимир Иванович снова замолчал.

– Вам еще чаю налить? – спросила Елена Александровна.

– Если вам не трудно, – застенчиво улыбнулся Кармилов. – А наукой я все-таки обязательно займусь, – уверенно заключил он. – А тебе, Николай, сам Бог велел пойти по этой стезе.

– Он у нас атеист, – заметил Николай Александрович.

– Нет, я серьезно говорю и не боюсь сглазить, – горячо продолжил учитель. – У него от природы дар к науке...

Над Самарой поднимался жаркий летний день – последний день занятий в училище. С тополей летел невесомый пух, падая на землю и устилая обочины дорог зыбкими студенистыми полосками. С Волги веяло прохладой, и налетевший ветерок поднимал тополиную метель.

Выпускник Самарского реального училища Николай Семенов твердо решил: поступать будет на физико-математический факультет Петербургского университета. Почему он выбрал физику? В те дни он навряд ли мог толком сказать, отчего изменил своей давнишней мечте. Несомненно, сильное влияние оказал на него Владимир Иванович Кармилов. Десятки лет спустя Николай Николаевич Семенов так объяснил свой выбор: «Я решил изучить физику, чтобы через нее лучше познать химию, вернуться к химии, обогащенным новейшими достижениями человеческой мысли в области физики».

А в то далекое лето 1913 года юноша готовился к вступительным экзаменам. Часами просиживал он в саду, обложившись книгами, что-то записывал в толстую тетрадь, ото-

рвавшись от чтения. Владимир Иванович стал редко заходить к Семеновым, чтобы не отвлекать Николая.

Прошел июнь. До экзаменов оставались считанные недели. Елена Александровна потихоньку стала собирать сына в дорогу. Николаю сшили новый костюм, купили пальто, еще кое-что по мелочам. В доме царила атмосфера предстоящего отъезда.

А Николай Александрович ходил хмурый. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что его сын, его Колька, собирается в Петербург учиться «на учителя». Куда как лучше было, если бы он стал военным. А что? На лошади скачет – залюбуешься, стреляет неплохо. Высок, строен, ловок, силен! Офицер из него вышел бы отличный. Так нет же, заупрямился, заладил свое: университет, университет...

И Николай Александрович решил серьезно поговорить с сыном. Но, к его удивлению, разговора не получилось. Он начал было объяснять Николаю, что учительское – не для него, что его способности позволяют надеяться на карьеру и что, наконец, он, отец, поможет ему устроиться; у него друзья в Петербурге и в Москве.

Николай внимательно слушал, кивал головой: мол, все так ты говоришь, отец. Однако в глазах сына он видел не то чтобы насмешку, но какое-то недоумение.

– О чем ты, папа, говоришь? Даже если бы я стал учителем, что в том плохого? Разве зазорно быть таким, как Владимир Иванович?

– Да нет, ты не так меня понял, – отец хотел перебить сына, но Николай не дал ему договорить.

– Это ты меня не понял. Я буду ученым. Понимаешь, отец, я буду ученым. И ты меня не отговоришь.

Сколько твердости, уверенности было в словах сына, и это ударение на слове «буду» (не «хочу быть», а именно «буду» – отметил про себя Николай Александрович). Отцу оставалось сказать, что он ничего... не против, что он желает ему добра.

«Вот, оказывается, сын уже и вырос», – думал Николай Александрович. А он за постоянными хлопотами, делами на службе и не заметил. У сына свои убеждения, свои взгляды на жизнь. И упрям же! Но это хорошо. Отец улыбнулся своим мыслям. Ишь ты: буду ученым. Дай-то Бог! Пусть будет так, как он хочет».

Первая преграда осталась позади. Но Николая ждало другое испытание.

...Кармилов лежал на диване, читая книгу. Косой луч вечернего солнца, пробившись сквозь тучи, ударил прямо в глаза. Владимир Иванович встал, подошел к окну, чтобы поправить занавеску, взглянул на улицу и увидел, как через площадь бежит Коля.

– Что случилось? – учитель вышел ему навстречу.

– Вот, – запыхавшись, выдохнул Николай. – Я узнал... Оказывается, в университет принимают только тех, кто изучал латынь. Если бы я окончил гимназию! – воскликнул Коля.

– Да в чем дело? – учитель не понимал, почему Коля в таком смятении.

– Да в том дело! – воскликнул Николай. – Мы же латынь в реальном не учили!

Как ни прикидывали, выходило, что есть только один путь: учить латынь.

– Легко сказать: учи, – вздыхал Коля. – А у меня к иностранным языкам... – он удрученно махнул рукой. – Отец говорит, мол, сама судьба не хочет, чтоб ты шел в университет, давай, говорит, в военную академию. А я хочу быть только ученым!

– Вот что, – сказал Кармилов повеселевшим голосом. – У меня есть хороший знакомый, дьячок. Латынь знает отменно. И разъясняет толково. Ну, ну, выше голову! – подбодрил его учитель, заметив, что Коля совсем сник. – Не падай духом, собери все силы. Неужто из-за какой-то латыни ты не поступишь в университет? И пожалуйста, настрой

себя так, как будто без латыни тебе никак не обойтись. Хотя так оно и есть, – добавил он.

Кармилов оказался прав: дьячок – сухонький, седенький старичок с блеклыми голубыми глазами – и впрямь прилично знал латынь и мог неназойливо преподнести урок. Каждый день после заутрени Николай входил в церковь и там в пропахшей ладаном каморке зубрил спряжения глаголов и прочие премудрости древнего языка.

Дьячок с состраданием смотрел на своего ученика: закусив нижнюю губу, закрыв ладонями уши, тот впивался глазами в страницу и так молча-сосредоточенно сидел над книгой.

Поначалу дело не ладилось. Но мало-помалу Николай успокоился, особенно после того, как набрал небольшой запас слов.

– Ну вот, а ты не верил, – радовался вместе с ним дьячок. – Глаза страшатся, а руки делают. Лиха беда – начало. Будешь стараться – через месяц не хуже меня заговоришь на латыни. И то – под лежащий камень вода не течет, – сыпал он пословицами.

Латынь он сдал на тройку. Но его, отличника, это не растроило: главное, он получил документ, который открывал ему дорогу в университет. В том, что он сдаст вступительные экзамены, Николай был уверен.

Пришел канун отъезда. Елена Александровна суежилась: как бы чего не забыть.

Николай прощался с друзьями. Зашел к Владимиру Ивановичу. Коле хотелось уезжать, и не хотелось. Жалко было расставаться с ребятами, с учителем. Но его уже влекла новая жизнь, которая отсюда, с берегов Волги, казалась загадочной.

Он вышел от Кармилова и спустился к реке. Волга притихла от зноя. Легкая рябь пробегала по синеве при хлестких порывах степного суховея. Даже чайки приуныли, прячась от жары. Пахло пылью, цветами и теплой застоявшейся водой маленьких заливов.

На лодке, привязанной веревкой к иве, Николай увидел Петьку Сидорова и свою сестру Ксению. Ксюша стала совсем большой – ей шел шестнадцатый год – и очень красивой.

– Завтра едешь? – спросил Петька.

– Еду, – ответил Николай.

Потом он долго бродил по городу, по знакомым и незнакомым улочкам, опять выходил на Волгу, сидел в тени старых ив. На его пути встречались бывшие – теперь уже бывшие! – одноклассники. Перекидывались фразами: мол, ты куда? В университет? А я в Одессу, к дядьке. Ну, счастливого пути!..

Домой Николай вернулся только к вечеру, когда закатное солнце за Волгой почти касалось невысоких прибрежных гор. На скамейке около дома он увидел грека Сартари.

– А я тебя давно жду, – обрадовался он, вставая и протягивая руку. – Ты где был?

На Волгу ходил. Завтра уезжаю.

Сартари грустно кивнул. Они присели. А после долгой паузы Сартари как-то застенчиво и смущенно обронил:

– Я тебе стихотворение сочинил.

И протянул листок.

Коля развернул его:

*Перед отъездом время тает,
Как тает на песке вода,
Я еду, но не покидает
Душа остывшего гнезда.
Перед отъездом все красиво:
И сад, и старые дома,
И та – глядящая плаксиво,
В сосульках-бусинках – зима.
Перед отъездом... А казалось –
Земли и неба будет – бездна...
Но вот и неба мне осталось
На вдох один – перед отъездом.*

– Спасибо! – Николай обнял друга. Он только теперь понял до конца, что все: и спокойный, домашний быт, и детские забавы, и беззаботные поездки на лыжах, и купание в речке жарким днем, и все-все-все, чем он жил до сегодняшнего дня, – безвозвратно уходит, тает, «как на песке вода».

Учитель, воспитай ученика

В Петербурге Николай Семенов поселился на частной квартире неподалеку от университета. Комнату помог найти дядя Георгий, который радушно встретил племянника и опекал его первые дни.

Хозяйка – тихая, незаметная старушка – жила тем, что сдавала внаем большую квартиру, оставшуюся ей после смерти мужа. Кроме Коли у нее жили еще трое студентов.

Мать присылала деньги – по тридцать рублей в месяц. Их хватало и на оплату комнаты, и на пропитание. Иногда десятку-другую давала ему и бабушка, Вера Дмитриевна, когда он приезжал в Царское Село.

До первых лекций в университете оставалось несколько дней. Николай не знал, чем заняться. Днем бродил по Невскому проспекту, набережной, осматривая столицу. А вечером возвращался на квартиру, брал книгу, ложился на кровать, но чтение не шло в голову.

Память возвращала его в Самару, в родительский дом. Как там без него? Мама сейчас, поди, варит варенье. А отец в клубе, играет в преферанс с друзьями. Ксения, верно, ушла гулять с подружками на Волгу. Или с Петькой сидит в саду, на скамейке под яблонями. Ему так ясно представился сад, окна дома, светящиеся огнями люстр, тихий стук настенных часов, накрытый стол с пузатым самоваром – все то, что зовется домашним уютом, и он чуть не заплакал от жалости к себе. Николай понимал, что привыкнет к чужому городу, к суете столичных проспектов, к жизни, не похожей на прежнюю, но когда это будет! Первый раз

он остался один, без родных, без друзей... Хоть бы скорее занятия начались.

И он пришел – его первый студенческий день. В аудитории он сел подальше от кафедры, на задние ряды. Ровно в назначенный час появился профессор Орест Данилович Хвольсон – маленький, тщедушный старичок. Поздоровался с публикой, отпустил какую-то шутку, взглянул на часы и витиевато начал речь. Николай вначале и не понял, о чем он говорит, – за словесной шелухой терялся смысл.

После перерыва лекцию читал заведующий кафедрой физики Петербургского университета профессор Иван Иванович Боргман, крупный пожилой мужчина. Если у Хвольсона речь была пронизана ложным пафосом, то Боргман, казалось, решил поразить студентов. Весь его вид как бы говорил: вот я сейчас скажу такое, такое... И он говорил. Ему даже аплодировали – так эффектно произносились умозаключения и выводы. «Только и рассказал о законе Бойля – Мариотта, а столько апломба – будто сам открыл закон», – недоумевал Николай.

И на других лекциях Семенов не услышал ничего интересного, ни в первый день, ни через месяц. Надо же: так стремился в университет, так мечтал о науке!.. Многие из того, что читалось на лекциях, он уже знал. Николая поразила атмосфера университета: механическое заучивание, переписывание лекций, равнодушные профессора. Неужели нет ни одного преподавателя, который бы увлек настоящим делом, и быть того не может, чтобы среди студентов не было одержимых наукой людей. Николай вспомнил открытое, вдохновенное лицо Кармилова, его умные, немного усталые глаза, ребят из кружка, неистовые споры, дух товарищества и взаимопонимания. Неужели такого не будет здесь? Нет, не может быть!

И он не ошибся. Судьба уже на первом курсе свела его с настоящим, большим ученым. Случилось это так. Однажды он пришел в аудиторию, взглянул на кафедру. Она была

пуста. Студенты расшумелись в ожидании преподавателя. Но вот запахнулась боковая дверь около доски, и вошел мужчина высокого роста, плотного телосложения. Коричневые волосы с проседью на висках, лысинка над высоким, умным лбом. Этому крупному, представительному мужчине с удивительно молодым лицом, без каких-либо признаков морщинок, с приветливыми голубыми глазами, горбатым носом и густыми, висящими вниз рыжеватыми усами на вид было лет тридцать. Его лицо светилось каким-то внутренним светом, пытливым умом, сосредоточенностью и добротой. На нем был, как тогда полагалось лектору, длинный черный сюртук, стоячий крахмальный воротничок и черный галстук.

Он взошел на кафедру, раскрыл тетрадь, и в притихшем зале послышалась его не очень громкая, неторопливая речь. Николай обратил внимание, как лектор мягко и почти ласково произносил слово «частички». Он с легкой улыбкой рассказывал о фотоэлектрическом эффекте, электронах и атомах. Николая удивило то, что об этих явлениях, о которых большинство имело лишь смутное представление, профессор говорил как о вещах и явлениях, встречающихся в обыденной жизни. Он показывал руками, как электроны соударяются или поглощаются, изменяют свою траекторию. Жесты его были такими же мягкими, как и голос, и конструкция фраз. Лектор не оперировал математическими индексами, не злоупотреблял формулами. Он рассказывал о фотоэффекте и магнитном поле так, словно речь шла об объектах, постоянно окружающих людей, привычных для их ощущений.

Николай отложил карандаш, весь подался вперед, боясь пропустить хотя бы слово.

– Кто это? – спросил он у соседа, кучерявого парня, когда лекция окончилась.

– Профессор Иоффе, – ответил тот.

– Что-то раньше его не было. Новенький, что ли?

– Вообще-то он преподает в политехническом институте. Ну и попросили его у нас прочитать курс лекций. Правда, здорово читает?

Коля кивнул. Весь день он был под впечатлением лекции. Было в молодом профессоре что-то неуловимое, что роднило его с Кармиловым. Страстность и в то же время сдержанность речи? Манера вести себя? Стремление о сложном рассказать просто и ясно? Вероятно, и то, и другое, и третье.

Николай стал ходить на все лекции Иоффе. Сбегал с лекций в университете ради того, чтобы послушать любимого профессора в политехническом. Там он больше узнал об Иоффе.

Оказалось, что совсем недавно, весной 1913 года, Абрам Федорович Иоффе защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, присоединив к работе по заряду электрона исследования по магнитному полю катодных лучей, выполненные им ранее. Катодные лучи – это поток электронов, то есть электрический ток. А магнитного поля в катодных лучах обнаружено не было. Иоффе первым доказал, что в катодных лучах есть магнитное поле, образуемое потоком электронов.

А еще раньше, совсем молодым, с 1902 по 1906 год Абрам Федорович прошел хорошую школу у лучшего экспериментатора в Европе: работал в лаборатории Рентгена в Мюнхенском университете. В 1905 году ассистент Рентгена А. Ф. Иоффе с наивысшей похвалой защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философии.

Слава о молодом талантливом ученом сразу же распространилась среди студентов политехнического института, едва он прочитал в его стенах первые лекции. Всякий одержимый наукой студент, прослушав хотя бы одну лекцию Иоффе, был буквально пленен преподавателем. Почему? Полвека спустя академик Семенов так объяснил этот феномен: «Я стал регулярно посещать лекции Иоффе, и он очаровал

меня. Я впервые почувствовал научный дух новой физики XX века, увидел подлинные пути раскрытия новых явлений, и прежде всего начало становления теории квантов, понял, какой упорный труд, знания и вдохновение требуются для раскрытия новых принципов строения вещества, понял, что ничего, в сущности, об этом не знаю; и меня с огромной силой потянуло к этому увлекательному труду. Я не знаю никого, кто бы с такой ясностью, без всякой аффектации умел показать глубину науки в ее исключительной четкости и простоте. И я решил, что только у него хочу учиться и работать».

Николай подходил к дому. Он прибавил шагу, заметив черепичную крышу, алевшую сквозь запыленную зелень вязов.

С тополей летел пух. И в прошлом году в эту пору кружилась тополиная метель, когда они сдавали выпускные экзамены в училище. Как давно это было! Николай посмотрел в витрину магазина на свое отражение в стекле: высокий, стройный юноша в шляпе, с чемоданчиком в руке. Он поправил прядь густого чуба и зашагал дальше.

– Что же ты не написал, когда приедешь? Мы бы встретили, – ласково укорила Елена Александровна, прижимаясь к могучей груди сына.

– Да зачем вас беспокоить? Что я, маленький? – смутился Николай.

На шум прибежали Ксения и Настя. Николай расцеловал их.

– А где отец? – спросил он.

– Как где? На службе, – ответила Ксения. – Папа скоро придет, – она взглянула на часы, стучащие тяжелым медным маятником. Весь день сестра ни на шаг не отходила от брата рассказывая о самарских новостях. «Красавица, – подумал он. – Еще лучше стала. Прошлым летом совсем девочкой была, а сейчас – ну прямо невеста».

Он поймал себя на мысли, что постоянно сравнивает все с прошлым годом. Занавески на окнах – другие,

у Насти – новое платье, в саду беседку перенесли из-под яблонь в тень разросшихся кустов акации. Все изменилось... Да, в прошлое не вернуться. Он-то думал, что опять очутится в детстве, безмятежном и счастливом, а оказалось, что туда уже не попасть. Даже если перетащить беседку на прежнее место, повесить старые занавески и сделать все так, как было в прошлом году. Время меняет все и всех, и в этом – своя прелесть, хотя и грустно сознавать, что многого уже не вернуть.

Пришел Николай Александрович. Опять поцелуи, расспросы, счастливые улыбки. «А отец здорово постарел», – отметил про себя Николай и спросил его:

– Ну, как у тебя дела?

– Да что мои дела? – махнул рукой отец. – Идут потихоньку. Лучше ты расскажи, как университет, как учеба? Нравится?

– Да, – засмеялся Николай. – А то бы я давно сбежал оттуда.

Собрали на стол. Николай Александрович достал бутылку шампанского. Елена Александровна нахмурилась, мол, зачем вино, но потом смирилась: сын совсем взрослым стал.

– А Кармилов все там же живет? – спросил Николай.

– Там же, – отозвался отец. – Сейчас к нему пойдешь?

– Да, – кивнул Коля.

– Зачем ходить? – вмешалась в разговор мать. – Надо его позвать к нам, а то как-то нехорошо получается.

– Я сбегаяю, – встала из-за стола Настя. – Вот обрадуется Владимир Иванович.

Учитель и в самом деле очень обрадовался Коле. За полночь затянулась беседа. Рассказывали попеременно: то Николай – об университете, Иоффе, новых друзьях, Петербурге, то Кармилов – о бывших реалистах, кто как устроился, где живет и чем занимается. Многих уже не было в Самаре, но большинство из кружковцев писали своему учителю.

– А где Петька Сидоров? – спросил Николай. – Мне Ксения писала, что он в Петербург собирался.

– Да, он хотел поступать в Институт гражданских инженеров. Но не знаю, где Петр сейчас. Уехал и – ни слуху ни духу.

Потянулись каникулярные будни. Первые дни Николай отсыпался, бродил по саду, читал книги, но вскоре праздная жизнь наскучила ему. Он затосковал без дела. Все чаще и чаще заходил к Кармилову. Допоздна засиживался за неспешными беседами. Порой разговор кончался тем, что Владимир Иванович признавался:

– Откровенно говоря, ничем не могу помочь тебе: не знаю этот вопрос так хорошо, как ты. Видно, ваш Иоффе очень толковый физик.

Кармилов радовался за него: судя по всему, Николай в Питере не терял времени даром. И Семенов был доволен учителем, из бесед с ним он черпал многое, хотя Кармилов и жаловался, мол, отстаю от жизни, не все новинки успеваю просматривать.

Но не только беседам о физике радовался Николай. Много лет спустя он прочтет у Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения». Просто посидеть с учителем, пройтись с ним вдоль Волги, молча постоять на берегу – и на душе становится светло и тихо.

– Хорошо, что вы в городе, не уехали в отпуск, – признался Николай. – А то я совсем не представляю, как бы время коротал.

Кармилов улыбнулся смущенно и, словно извиняясь, произнес:

– Спасибо. Только я и в самом деле собираюсь уезжать.

– Куда? – вырвалось у Коли.

– На Алтай. Давно мечтал, еще когда в семинарии учился, посмотреть тамошние места, искупаться в Телецком озере, побродить с ружьем по тайге, в горы подняться.

Николай Николаевич Семенов со своим учителем – Владимиром Ивановичем Кармиловым (~ 1914 год)

Неловкая пауза прервала их разговор. Каждый думал о своем. Кармилов – о том, что невольно огорчил Колю. А Семенов...

– Владимир Иванович, а что если я с вами, на Алтай, а? – заглянул он учителю в глаза.

– Как? – растерялся Кармилов. – А что скажет Елена Александровна? Приехал на каникулы, а сам бежишь?

– Ну, маму я уговорю, – уверенно пробасил Николай и – с надеждой в голосе: – Вы-то меня возьмете с собой?

– Ну что ты, Коля! – обиженно склонил голову Владимир Иванович. – Конечно же! А если хочешь – я останусь, – добавил он.

– Нет, зачем же! Уж лучше давайте вместе поедем на Алтай, – и Коля улыбнулся так задорно, что и Кармилов не сдержал улыбки.

Путники опускались с горы, поросшей мелким кустарником. Из-под ног скатывались камешки, шурша в высо-

кой траве. Далеко внизу виднелись серые тесовые крыши деревушки, окруженной зеленой бахромой ельника.

Усталые, голодные путешественники спешили в село. Позади остались и Телецкое озеро, через которое они переправились на утлом, обшарпанном парходике, и таежные заросли, кишасшие комарами, и холодные воды быстрой реки Бии, вынесшей их из Телецкого озера к подножию горы, за которой раскинулось небольшое селенье. К нему-то, перемахнув через гору, и приближались Кармилов и Семенов. Их лодка налетела на пенек и пропорола днище. Пришлось идти пешком. Владимир Иванович, заросший густой жесткой щетиной, и Николай валились с ног от усталости. Трое суток они пробирались тайгой без проводника. Старый кумандинец, провожавший их с верховьев Бии, исчез, когда они расположились на привал. Проснулись утром, а его нет. Пропало и ружье, и фляжка со спиртом. Еды им хватило на двое суток, а потом питались лишь ягодами – в тайге без ружья, как без рук.

И теперь они тащились из последних сил, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Продираясь сквозь заросли, путники наткнулись на высокий забор. Залаяла собака, из-за угла выскочил огромный лохматый кобель, тяжело ступая на толстые лапы. Николай не успел испугаться, как откуда-то появился пожилой мужчина и отогнал пса.

– Здравствуйте, – обратился к нему Кармилов. – Нельзя ли у вас переночевать?

– Отчего же? Места на полатях не жалко. А далеко ли путь держите? – спросил он, опершись о палку.

– До Барнаула идем, – начал объяснять Кармилов. – Да вот конфуз вышел, обокрал нас проводник-кумандинец. Просто не знаем, как теперь без ружья доберемся до города, – Владимир Иванович, рассказывая, размахивал руками, и пес, сидевший у ног хозяина и не спускавший глаз с пришельцев, привстал и сердито зарычал.

– Джульбарс, на место! – прикрикнул мужчина. – Что же мы стоим, проходите, – он толкнул калитку, заскрипевшую протяжно и тоскливо. Николай переступил порог, косясь на собаку, недружелюбно глядевшую на путников.

Вошли в избу. Посреди горницы стоял крепкий стол, сколоченный из толстых досок, подле него – такие же тяжелые лавки. Все здесь было крепкое, как и сам хозяин – плотный коренастый мужчина. У божницы чадил лампадка, освещающая потемневшие иконы. Богоматерь смотрела жалостливо и уныло.

В полумраке Николай не сразу заметил, что в углу, у плиты, суетится старушка, разжигая печь. Услышав, что в избу вошли, она окликнула:

– Игнат, ты?

– Я, Пелагея, я. Гостей привел.

Пока хозяйка собирала ужин, они сидели за столом.

– Что слышно нового, Игнат... как вас по батюшке величать? – спросил Владимир Иванович,

– Данилович, – ухмыльнулся тот.

– Так что нового слышно, Игнат Данилович? – повторил вопрос Кармилов.

– Да что нового? – он почесал пятерней затылок. – Намедни из Барнаула охвицер приезжал, сказывал, война началась.

– Как война? С кем? – привстал с лавки Кармилов.

– А шут его знает, – добродушно махнул рукой Игнат.

«А у него, видно, не все дома», – отметил про себя Николай и спросил:

– Так что ж, офицер не сказал, с кем война?

– Кажись, с немцами, – отозвался Игнат. – Авось Бог не выдаст, свинья не съест. Через горы они не перелезут, – и он визгливо рассмеялся.

Пелагея подала на стол щи, картошку в чугушке, краюху хлеба. Проголодавшиеся путники накинулись на еду.

Ели молча. Думали о страшной новости. «Может, Игнат лишнего наплел?» – терялся в догадках Николай.

Им постелили на полатах. Николай и Владимир Иванович долго не могли уснуть, ворочались с боку на бок. Из головы не выходили две мысли: «Война!» и «Как же добраться до Барнаула?»

Уснули уже за полночь.

Проснулись оттого, что скрипнула калитка. Во дворе слышались тяжелые шаги, и в избу вошел Игнат.

– Я вот что, милые, с вами до Барнаула поеду. Сейчас ходил, лодку на реку стаскивал. А то как вы? Без ружья, оно конечно, в тайге амба. Да и мне в город надо: мука кончается, баба плачет, давай, мол, меняй шкурки на хлеб, а то вон война, как без хлеба останемся?

Лодка у таежника оказалась хорошей. Она быстро шла вниз по течению. Игнат, Кармилов и Семенов меняли друг друга за веслами. Через два дня они были уже в Барнауле. Игнат наотрез отказался от денег: «Не то мы не русские люди?»

В тот же день они выехали в Самару, узнав, что 19 июля Германия объявила войну России. Далеко на западе уже умирали солдаты. Началась Первая мировая война.

Людмила
Владимировна
Кармилова

Слева направо: Н. Н. Ениколопов,
А. Б. Налбандян, Л. В. Кармилова

Кармилов проводил Николая до вокзала, обнял на прощание. Не думали они, что их крепкой, мужской дружбе предстоит испытание долгой разлукой: Владимир Иванович уйдет на германский фронт, после войны судьба забросит его в Сибирь, и встретятся они только через десять лет, когда Кармилов, доцент Пермского госуниверситета, приедет в Ленинград. Исполнится мечта Кармилова – заняться наукой. В 1939 году он одним из первых в мире создаст аппарат «Магнитное поле», в годы Великой Отечественной войны целебной силой магнита будет врачевать незаживающие раны бойцов в тыловом госпитале.

Магнитобиология и магнитотерапия станут его стихией. Он сделает первые приборы своими руками, идя, как и все первооткрыватели, неведомой дорогой ошибок и открытий. В 1948 году ученый обобщит свои исследования в брошюре «О биологическом и лечебном действии магнитного поля и строго периодической вибрации».

До самой смерти Кармилова (он умер в расцвете своей творческой активности, в 1953 году) ученик и учитель поддерживали связь, в основном письменную, но в редкие приезды Владимира Ивановича в Ленинград Семенов, как бы ни был загружен работой, выкраивал день-другой для общения с учителем, помогая в его подвижническом труде и советами, и материалами для исследований магнитного поля.

Пройдут годы. У Кармилова подрастет дочь Людмила. И ее потянет к себе наука. И если отцу так и не удастся поработать рука об руку с Семеновым, то Людмиле Владимировне Кармиловой, сотруднице Института химической физики, посчастливится создать совместно с Николаем Николаевичем две научные статьи, в которых они опишут исследования кинетики и механизм окисления метана.

Но это будет почти через полвека. А тогда, в августе 1914 года, они стояли на Самарском вокзале: Николай, Кармилов, Николай Александрович, Елена Александров-

на, Ксения и Настя, – пытаюсь представить, что же там, впереди?

А впереди у каждого будет своя судьба. Николай Александрович через четыре года умрет от тифа. Ксения выйдет замуж за Петра Сидорова, но судьба, счастливо соединившая их, будет к ним беспощадной: Петр умрет молодым. Ее второй брак с Георгием Скаловым (также другом Николая) будет долгим, и они проживут вместе счастливую жизнь. Елена Александровна и Настя после смерти Николая Александровича переедут в Петроград к Николаю, чтобы уже никогда не расставаться со своим Колюшкой (он и в шестьдесят лет останется для них Колюшкой).

Елена Александровна и Настя проживут долгую, красивую жизнь, разделят с Николаем и радость научных открытий, и гордость за нашу науку, когда он, первый из советских ученых, станет нобелевским лауреатом.

Тускло горит маленькая электрическая лампочка, свисающая на длинном скрученном шнуре над столом. Зажмурив уставшие от неяркого света глаза и запрокинув голову, Николай с минуту сидит неподвижно, потом поднимает ресницы и рывком встает с табуретки, неловко задев ее ногой. Табуретка с грохотом падает.

– У, дьявол, – шепчет Николай, – так и ребят разбужу.

Взглянув на тикающие часы, висящие на стене, удивленно морщит лоб: половина второго! Подходит к окну, обледеневшему от ветра, дующего с Финского залива, и, приложив руку к стеклу, смотрит сквозь узоры: ни огонька! Город спит. Николай прислоняется лбом к холодному стеклу. Озноб пробегает по спине. Полуночник ёжится и отступает от окна, набрасывает на плечи пиджачок. Смотрит на оконные узоры: мороз нарисовал могучие ели, а в середине, между ними искрятся сотни маленьких льдинок: словно намалевана долина, поросшая хвойным лесом. Точно такую картину он видел под Вольском, где они охотились с отцом.

Тревожные мысли окончательно прогнали сон. Вчера получил письмо из дома. Мама пишет, что Кармилов добровольцем ушел на фронт. «А вдруг отца заберут? – испугался он своему предположению. – Ведь он же бывший офицер. Война идет уже второй год, и конца ей не видно. Как бы самому не пришлось понюхать пороху...»

В дверь два раза стукнули, и она тут же отворилась. В щель протиснулась заспанная физиономия первокурсника Витьки, соседа, который также снимал комнату у «бабули» (так за глаза студенты звали хозяйку). Витька от яркого света смешно жмурился, морща нос.

– Чего не спишь, Николай? – просипел он.

«Опять форточку не закрыл, продуло, аж охрип», – отметил про себя Николай. Нравился ему Витька, смысленный парень, приехавший в Петербург из Сибири. Дотошный первокурсник «мучил» Семенова бесчисленными «как?» и «почему?» Николай терпеливо объяснял ему азы, удивляясь, что он не знает таких простых вещей, но еще больше поражаясь ненасытной Витькиной любознательности и тому, как он быстро усваивает сложные понятия.

– Завтра четверг. К семинару готовлюсь, – кивнул Семенов на стол, заваленный книгами. – Я тебя разбудил? Ты уж прости, я случайно опрокинул табуретку.

– А ты чего учишь? – не обращая внимания на извинение, спросил Витька, входя в комнату и запахивая халат. Он оседлал табуретку и, глядя снизу вверх, уставился на Николая.

– Мне у Иоффе завтра доклад читать об опытах Франка и Герца по ионизации газов. Вот, слушай, – Николай раскрыл тетрадь и, полистав ее, стал читать. Витька слушал, изредка останавливая чтеца вопросами. Николай старательно разъяснял непонятное и продолжал чтение.

Часы ударили два раза. Друзья недовольно поглядели на них. И снова ночная тишина наполнилась быстрыми словами и звучными формулами.

– Видишь, мы с тобой весь доклад прорепетировали, – рассмеялся Николай. – Я тебя уморил?

– Да ну, – начал было Виктор, но Николай приказал:

– Сейчас же в постель. Завтра на лекциях будешь спать?

– А ты?

– Я еще немного напишу. Как тебе мой доклад? – спросил Николай.

– Вроде хорошо...

– А я что-то боюсь. Вот у ребят хорошие рефераты были! – оживился Коля. – Петька Капица на полтора часа доклад подготовил – о теории магнитных явлений аргентинского физика Ганса. Веришь, пока он читал, никто не шелохнулся. А как Кирилл Нестурх четко и ясно рассказывал о ядерной модели атома водорода! Сам Резерфорд позавидовал бы. У Милеты Кирпичевой на что уж тема непростая была – о теории химического сродства Косселя, но и она сумела ее изложить, даже Абрам Федорович похвалил. Нет, мне никак нельзя хуже всех... Ты иди спать, а я еще чуток посижу, – и он легонько – подтолкнул Витьку в спину.

Еще на первом курсе Семенов узнал о кружке Иоффе. Но стеснялся поговорить с ним. Смелости прибавила похвала профессора на экзамене.

Сдавал он сразу за первый и второй курс. Слышал, что Абрам Федорович хорошо принимает, не «придирается». Однако Николай сильно волновался, когда брал билет.

«Это знаю, и это...» – обрадовался он, пробежав глазами вопросы. Сел. Стал готовиться. Минут через пятнадцать пошел к столу экзаменатора.

Начал отвечать, запнулся, быстро исправил ошибку, взглянул на профессора. Светлые глаза Иоффе смотрели спокойно и доброжелательно. Он задал наводящий вопрос, Николай ответил, Иоффе продолжил его ответ. С четверть часа они беседовали. Профессор не скрывал,

что доволен студентом. Тогда-то и обронил он слово, окрылившее Семенова:

– Молодчина!

Николай вспыхнул от похвалы и неожиданно для себя выпалил:

– Спасибо, Абрам Федорович! Я давно хотел просить вас, чтобы вы... Я хочу... Можно, я буду заниматься научной работой под вашим руководством?

– Что ж, приходите в четверг на семинар. Знаете, где мы собираемся?

Семенов кивнул.

– Позанимаетесь, определим для вас тему научной работы...

И вот завтра ему читать доклад. Кажется, еще вчера выступление было готово, но Семенов еще и еще раз шлифовал фразы. Нельзя, чтоб его реферат был неряшлив даже в деталях!

К Иоффе Николай пришел первым. Поднявшись по ступенькам, Семенов позвонил. Звякнула цепочка, дверь растворилась.

– Здравствуйте, Абрам Федорович. Простите, я раньше...

– Проходите, – пригласил Иоффе, протягивая руку для рукопожатия. Николай смутился и быстро пожал крепкую твердую ладонь.

Николай с любопытством оглядел комнату, куда привел его Иоффе. Стол, диван, с десяток кресел. На всем была печать ухоженности и аккуратности.

Иоффе извинился и ушел в кабинет – надо было дописать статью. Николай достал из портфеля доклад, стал листать его.

Ровно в шесть зазвенел звонок: пришли ребята. Квартира наполнилась шагами, смехом, шелестом книжных страниц. Николай увидел приветливые лица друзей: Петра Капицы, Милеты Кирпичевой, Яши Дорфмана...

– Не робей! – подбодрил его Петька. – Не на экзамене.

«Хуже экзамена, – подумал Семенов. – Но ничего. Главное – внятно читать».

Первые фразы произнес с трудом, запинаясь, но профессор одобрительно кивал головой, подсказывая нужные слова. А дальше – лучше: голос перестал дрожать, Коля осмелел, жестикуляция стала непринужденной. Несколько раз Николай подходил к доске, чертил мелом схемы, писал формулы. Он так увлекся, что уже не замечал аудитории.

Ребята слушали молча, чтобы не смущать новичка. Но после того как Николай вытер от мела руки, посыпались вопросы. Семенов едва успевал отвечать. Снова взял мел, бойко застучал о плоскость черной доски.

Яша не соглашается с рассуждениями Семенова, пытается доказать, что в расчетах ошибка. Петр вступает за Николая.

Слово за слово, и вот уже завязался спор, в котором лишь профессор сохраняет спокойствие, лукаво поглядывая на своих учеников.

Стороны, исчерпав все доводы, поворачиваются к профессору, смотрят с надеждой: кто прав? Иоффе мягко и неназойливо поясняет, где неверна формула, где допущена неточность, а у кого – ошибочны посылки.

Спорщики сидят, остывая. Истина восстановлена. Абрам Федорович подводит итоги. Николай, разгоряченный «боем», с огромным удовольствием слушает лестный отзыв профессора о своем реферате.

– Думаю, Семенову можно поручить и более сложную тему, – говорит Иоффе, доброй улыбкой заканчивая речь.

– Какую тему? – спрашивает Николай.

– Да я так, к слову, еще не думал конкретно, – вопрос ученика застаёт врасплох профессора. Увидев, как сразу потускнели Колины глаза, Иоффе спешит исправить положение:

– Я хотел поручить другому, но, надеюсь, и вам будет под силу. Не на следующее занятие, а месяца через два по-

пробуйте подготовить рассказ о теории Нильса Бора. Эта тема связана со структурой атома, переходами электронов с одной орбиты на другую. Сложный вопрос. Я помогу с литературой, дам новые журналы.

Снова вспыхнули искорки в глазах Николая. Он готов был заняться проблемой хоть сейчас.

После того как Семенов написал интересный, емкий доклад о работах Нильса Бора, Иоффе решил поручить ему подготовку статьи для научного журнала. На очередном занятии семинара, когда ребята собирались уходить, Абрам Федорович попросил Николая задержаться на часок. Проговорили до полночи.

Профессор выяснял, чем увлекается студент, какая проблема его больше всего волнует. И сумел так подвести разговор, что Николай убедился: никто лучше него не напишет научную статью о столкновениях электронов с молекулами.

Одно дело – доклад об открытиях, уже сделанных другими учеными, и совсем иное – собственное исследование. Второе гораздо труднее. Но и намного интереснее. В лаборатории политехнического института Николай поставил ряд опытов. Консультировался с Иоффе. Читал новейшие зарубежные рефераты в журналах. Размышлял, предлагал и отвергал, пробирался к научной истине. И после того как был собран богатый фактический материал, Семенов сел за стол. Написал быстро, чуть ли не в один присест.

И вот однажды после лекции к Николаю подошел Иоффе, протянул журнал, крепко пожал руку:

– Поздравляю, коллега, с первой публикацией!

Николай раскрыл журнал, зашуршал страницами. «О столкновениях медленных электронов с молекулами», – прочитал он заглавие. Надо же: его статья! В толстом научном журнале! Ждал, и все же радость свалилась на него так внезапно.

Иоффе радовался не меньше своего ученика, но вида не подал: как бы не загордился Николай.

– Я пойду к ребятам, – попросил Семенов.

– Да, да, ступай, – ласково сказал Иоффе. – Только не очень задавайся. Помни – это только начало.

Первый шаг в науку был сделан. Николаю Семенову предстоял долгий путь. И большую часть непроторенной научной дороги он прошел рядом с Абрамом Федоровичем Иоффе. И даже когда Семенов возглавил крупнейший в стране институт, Иоффе постоянно интересовался делами своего ученика и помогал чем только мог.

Второй шаг в науку Николай сделал в 1917 году, блестяще защитив дипломный проект. И здесь его «крестным отцом» был Иоффе. Николая оставили в университете для подготовки к профессорскому званию.

Николай Николаевич Семенов

Наши первые друзья

(Статья из газеты «Пионерская правда»

от 16 марта 1948 года, №22)

Академик, лауреат Нобелевской премии

Н. Н. Семенов

Я хочу рассказать, какую роль сыграл в моей жизни учитель Владимир Иванович Кармилов.

Я учился и окончил реальное училище еще до Первой мировой войны в одном волжском городе. Еще в пятом классе я увлекся химией. Один и с товарищами, дома и во дворе я делал различные простые химические опыты. У нас был неплохой преподаватель химии, но он никогда не старался понять устремления учеников. И хотя он дал мне возможность ставить опыты в школьном кабинете, больше он мной не занимался. Я обратился к книгам. Беспорядочно читал я все, что мог достать: учебники высшей школы, различные научно-популярные книги. Интерес к науке все возрастал, но вместе с тем я приходил в отчаяние: один я не мог переварить прочитанный материал, а посоветоваться было не с кем. Наш химик никогда не пытался стать другом учеников, их старшим товарищем. Не удивительно поэтому, что мне и в голову не приходило обратиться со своими вопросами к нему.

Я чувствовал, что главная беда в том, что я не знаю физики. Смутно сознавал я, что без нее невозможно до конца понять химические явления. Но физику у нас преподавал

Владимир Иванович Кармилов

1928 г.

**РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ МИРОВОЕДЕНИЯ**

Société Russe des Amis de l'étude de l'Univers.

Действительный Член

В. И. Кармилов

Подпись владельца билета

Председатель

Настоящий членский билет служит также удостоверением на право ношения, в петлице с правой стороны, членского значка Р.О.Л.М., утвержденного Советом О-ва и разрешенного Административным Отделом Ленинградского Губисполкома, согласно удостоверению от 26 августа 1924 г. за № 16388. Билет действителен по 1 февраля 1929 года.

В центре – Владимир Иванович Кармилов

учитель, которому наука была глубоко безразлична: человек болезненный и какой-то несчастный, видимо, задавленный долголетней нуждой. У него никогда не выходил ни один опыт, физику мы учили кое-как по учебнику и считали ее скучнейшим предметом.

И вот в один прекрасный день к нам в класс вошел новый преподаватель маленького роста, с круглым розовым лицом, с голубыми мечтательными глазами. Это был наш новый учитель физики Владимир Иванович Кармилов. Он недавно кончил Казанский университет, был очень молод и скромен до застенчивости.

Надо напомнить, что дело происходило в начале века, а это было время настоящей революции в физике. Именно тогда закладывались основы великолепного здания современной физики, были открыты новые теории, которые произвели переворот в тогдашней науке.

Наш новый учитель начал свои занятия с того, что ввел нас в курс всех этих новых учений. Мы учились в седьмом классе и, хотя он соответствовал примерно нынешнему девятому (всего в реальном училище было семь классов), знали мы еще очень мало, чтобы понять все, что рассказывал наш молодой учитель. Но перед нами открылся новый увлекательный мир науки, пусть туманный и мало понятный, но вызывавший горячее стремление проникнуть в него и овладеть им. Ожил для нас старый учебник физики, и предмет, считавшийся самым скучным из всех школьных предметов, сразу стал самым интересным. Не для всех, конечно. Были ученики, которые попрежнему занимались, спустя рукава. Вызывать таких для Кармилова было сущим наказанием, он краснел и смущался за того, кто не выучил урока, больше, чем сам этот ученик. И из-за этого мы, кажется, любили и уважали его еще больше. На его уроках всегда была полная тишина – нет дисциплины крепче, чем та, которая держится на любви и уважении.

Кармилов близко подружился с группой учеников.

До сих пор мы не знали, что школьный учитель может быть таким близким другом. Мы катались с ним на лодке, жгли костры на берегу, ездили на охоту и вели долгие задушевные разговоры.

Школьная программа стала для нас тесна. Урок не вмещал всех вопросов, которые нас интересовали. И у нас родилась мысль собираться для изучения этих вопросов вне школы. Собственно говоря, это был кружок, но мы называли его «домашний университет». Мы готовили и обсуждали различные доклады по физике, химии, астрономии, биологии. Доклады делали по очереди все участники кружка. Собирались чаще всего у меня. Конечно, душой всего этого был Владимир Иванович.

К сожалению, наш «университет» просуществовал немногим больше полугода. О наших занятиях проведal директор реального училища. Он сделал Кармилову соответствующее внушение о недозволённости подобных сборищ вне стен школы и предложил перенести работу в училище. Но обстановка школы царского времени была такой, что в ней чахло любое живое дело, и под усиленным официальным наблюдением наш кружок быстро стал хиреть и, наконец, умер.

Однако он сделал свое дело. Он пробудил у ребят живой и горячий интерес к науке. Я, например, продолжал уже серьезно заниматься наукой и тогда еще твердо решил посвятить ей свою жизнь, поступить в университет, изучить физику и математику, чтобы в дальнейшем применить их к химии. Это детское решение, принятое под влиянием Владимира Ивановича Кармилова, я осуществил.

Владимир Иванович теперь доцент, он заведует кафедрой физики в Медицинском институте в городе Молотове. Мы остались с ним друзьями на всю жизнь.

Магнитная сила характера

Авторское свидетельство за № 688192, выданное на имя врача А. А. Тюревой, ученого-физика В. М. Понизовского и ученого-медика Е. В. Рыболовлева, утверждает, что три вышеназванных человека «внесли новый раздел в практическую медицину». Наш рассказ об одном из участников разработки новшества – Александре Александровне Тюревой.

Передо мной фотография, сделанная в 1944 году: миловидная девушка, в аккуратной гимнастерке с капитанскими погонами, с орденом Красной Звезды на груди. Это хирург Саша Тюреева – выпускница Военно-медицинской академии. До того как сфотографироваться, она уже три года отшагала по дорогам войны вместе с другими бойцами своего медсанбата, спасая жизнь раненым.

Боевую награду Саша получила, как она считает, за свой упрямый характер. После особо напряженных боев в госпиталь поступало столько раненых, что три медсанбатских хирурга должны были работать непрерывно, ни на час не отходя от операционного стола столько дней, сколько сумеют выдержать. Дольше всех выдерживала Саша. Когда двое других коллег выходили от переутомления из строя, она брала и их ношу на свои неширокие плечи, не позволяя себе раскисать. Однажды, правда, сама потеряла сознание во время операции, но через несколько минут, придя в чувство, снова взялась за скальпель.

В одном из недавних номеров «Медицинской газеты» опубликованы воспоминания генерала Н. Г. Костева, бывшего начальника санитарной службы 18-й армии Северо-Кавказского фронта, о том, как стойко боролись военные врачи за жизнь бойцов – участников сражения на Малой земле. Генерал среди прочих своих сослуживцев называет и Алек-

сандру Тюряеву, бывшую в то время начальником отделения хирургического полевого госпиталя. Малую землю Александра Александровна вспоминает как самое тяжелое испытание, выпавшее на ее долю за долгие годы войны.

В 1945 году при освобождении Чехословакии Тюряева получила второй орден Красной Звезды. А вскоре демобилизовалась в звании майора.

Скольким людям спасла она жизнь за годы войны, точно Александра Александровна, конечно, не может сказать. Да она и не пыталась узнать эту цифру. Гораздо больше ее волновало то, что спасти удавалось не всех раненых. И что самое обидное, иногда солдат погибал даже от небольшой раны, если в нее попадала инфекция. Не было еще тогда пенициллина и других сильных антисептиков.

Эту обиду не могла изжить в себе Александра Александровна и после войны, ведь в госпиталях продолжали страдать еще многие раненые.

Однажды она узнала, что заведующий кафедрой физики Пермского медицинского института В. И. Кармилов создал первый в мире медицинский электромагнит и исследует биологическое и лечебное действие электромагнитного поля. Познакомившись с его научными трудами, Александра Александровна решила проверить, не принесет ли это поле успеха при лечении ран.

Первые опыты оказались обнадеживающими. Тюряева продолжила исследования. Кармилов поддерживал поиск врача, помогал как мог.

Но в 1954 году изобретатель медицинского электромагнита ушел из жизни. Александра Александровна, оставшись без поддержки ученого, сначала растерялась. Ее исследования требовали разработки новых модификаций электромагнитных приборов, а она без физических знаний и технических навыков не в состоянии была делать это сама. Когда же пыталась объяснить физикам, для чего нужен ей электромагнит, встречала весьма насмешливые взгляды.

Слишком уж чудным в те годы казалось ее утверждение, что какое-то там поле способно исцелять людей.

Но упрямый характер помог Александре Александровне не отступать даже в минуты крайнего отчаяния, а продолжать искать помощника в деле, в которое она верила. И помощник нашелся. Им стал сотрудник кафедры экспериментальной физики госуниверситета, тоже бывший фронтовик Валерий Михайлович Понизовский. Может быть, горячая просьба бывшего военного хирурга тронула его, потому что он сам настрадался от войны, вернувшись домой с тяжелым ранением. Во всяком случае с 1954 года и по сей день Александра Александровна и Валерий Михайлович успешно сотрудничают над созданием приборов, помогающих лечению не только ран, но и всяческих язв, в том числе и желудочно-кишечных, гипертонии и еще некоторых других болезней.

Вот что написано в одной из статей журнала «Медтехника» за 1974 год: «...под руководством А. А. Тюряевой в железнодорожной больнице Перми впервые в мире в многопрофильном лечебном учреждении магнитотерапия стала обычной физиотерапевтической процедурой». (Александра Александровна с 1954 года была заведующей физиотерапевтическим отделением этой больницы.)

Пришло время, когда лечение с помощью электромагнита широко признали, с единичных экземпляров пермских аппаратов Кармилова, а позднее Тюряевой и Понизовского начала свою историю, как утверждает все тот же журнал, отечественная магнитотерапия. Кроме того, цитирую: «они (пермские аппараты. – И. К.) оказали существенное влияние на развитие медицинских методик и существующей аппаратуры в ряде зарубежных стран».

Около тридцати рационализаторских предложений Александры Александровны Тюряевой внедрено в медицинскую практику, опубликовано двадцать ее научных работ.

Магнитотерапией в последние годы вновь заинтересовались и пермские ученые-медики. Заведующий кафедрой внутренних болезней мединститута Егор Владимирович Рыболовлев стал соавтором Тюряевой и Понизовского в разработке изобретения, с упоминания о котором мы начали свой рассказ.

С прошлого года Александра Александровна – на заслуженном отдыхе. Впрочем, отдых это не то слово, потому что, выйдя на пенсию, она по-прежнему трудится, теперь у себя дома. Она продолжает писать научные статьи и публиковать их, выступает на конференциях по магнитотерапии, думает над усовершенствованием методов лечения с помощью электромагнитов.

И. Кизилова

Семья Кармиловых: Владимир, Екатерина и их дети Людмила и Борис

Людмила Кармилова
(дочь Владимира Ивановича)

Борис Владимирович Кармилов
(погиб на войне в 1941 году)

Борис и Людмила Кармиловы
(~ 1932 год)

Борис Кармилов (сын Владимира
Ивановича). На обороте надпись:
«Дорогому дедушке на память.
Боря. 30/III - 40 г.»

Владимир Иванович
Кармилов с внуком
Андреем

Из дневников Антонины Ивановны Кирсановой (урожд. Кармиловой)

Мой отец Иван Иванович Кармилов окончил учительскую семинарию. Его семью я знаю мало. Знаю, что у него были братья и сестры. Двух братьев я знала. Одного только по карточке. Он в Петербурге был лейб-медиком при Дворе.

Второй брат приезжал к нам в гости. Служил он юрисконсультom где-то на Юге. У него были 3 сына: Владимир, Александр и Константин.

Сестра Мария жила в Аткарске замужем за дворянином Константином Павловичем Лециусом. У них даже была своя деревня. Было у них 2 сына. Павел – инженер в Москве. Дочь Катерина – врач в Ленинграде. И Владимир, который за свою недолгую жизнь успел побыть и священником, говорил зажигательные речи, женщины сходили с ума, потом его выслали в Соловки. Он, правда, был там недолго. Приехал и устроился артистом в ТЮЗ.

Антонина Ивановна
Кирсанова (Кармилова)
(~ 1930 год)

Другая сестра отца Ольга. Муж ее Михаил Павлович Покровский был попечитель в школе. У них было 3 сына и дочь. Один сын болел чахоткой и рано умер. Второй – Николай – работал врачом в г. Михайлове. Третий – Александр – имел хороший голос и, кажется, был артистом. Клавдия (дочь) работала учительницей.

Мать моя – Мария Афанасьевна Тифлова – Львова. Ее родных я не знала никого, кроме одного брата Кирилла. Он был исправником. Он приезжал к нам со своим поваром, т. к. был болен желудком.

Мать моя нигде не работала, т. к. у нее было 10 человек детей. Пока дети были маленькие, отец учительствовал в школе. А когда подросли и надо было учить их, он стал священником. Село, куда его назначили, было маленьким и бедным. Хорошо, что при церкви давали землю. Отец и мать сеяли хлеб, разводили огород, пчел. Была корова, лошадь, птица: утки, гуси, куры. Это все было большим подспорьем в нашей жизни. Село было очень красивым. Кругом лес, горы. Мать развела сад. Были и яблони и малины много. Много черемухи.

У нее было 10 детей. Старшая – Александра, сын Василий, Владимир, Сергей, потом Таисия, Зинаида, Нина, Антонина, Валентина и брат еще – Борис, но он умер, когда ему было год и 3 месяца.

Александра

Александра окончила Епархиальное училище и ее назначили учительницей в наше село, а потом она учительствовала в Елани. Там встретила Гавриила Дмитриевича Грачева и вышла за него замуж. Грачев был очень красивый. Был он доверенный в магазине. Отец очень переживал, ему не нравился Грачев, он называл его приказчиком. У них было двое детей: Нина и Валентина. Нина окончила школу и стала учительницей в школе глухонемых, потом вышла замуж за секретаря райкома Вячеслава Тимофеевича Мизгулина. У них было 4 детей: сын Александр и три дочери – Лидия, Елизавета и Галина.

Василий

Василий учился в Казанском университете на медицинском факультете. Окончил, работал врачом. Женился на Антонине Ивановне Тифловой. У них было 2 детей. Дочь Ирина тоже врач, она и ее муж работают в Павлодаре. Во время войны Василий был на фронте хирургом. Еще у них был сын Николай. Он женился на медицинской сестре Александре. Детей у них не было. Они взяли из детдома девочку, и она у них живет как родная дочь.

Владимир

Володя тоже окончил Казанский университет. Стал преподавателем физики и, кажется, химии. Работал в Куйбышеве (Самара). Там женился, у них двое детей. Людмила и Борис. Людмила после школы и университета вышла замуж. У нее двое детей. Елена и сын Андрей. Борис окончил школу, его взяли на фронт, где он и погиб. Владимир в это время жил уже в г. Пермь. Там он стал профессором и там умер.

Сергей

Сереза тоже учился в Казанском университете, но его не закончил. Приехал в Аткарск и стал учителем русского языка и литературы в средней школе. Женился на фельдшерице Софье Матвеевне Большаковой. У них было два сына. Старший Женя по окончании школы был взят на фронт и там погиб. Немного раньше умерла и мать. Сергей тоже болел туберкулезом и тоже вскоре умер. Второй сын Сереза остался в 12 лет один. Его взяла тетка его Зинаида. У нее он жил, учился, кончил школу и уехал в Москву. В Москве женился на Наташе. Она инженер.

Таусия

Сестра Тая окончила Бестужевские курсы. Потом приехала в Аткарск и работала в детском саду. Во время войны,

в 1919, приехал из Москвы в Аткарск офицер. Впоследствии он жил у нас и женился на Таусии. Звали его Николай Геннадьевич Топазов. У них был один сын Валентин. Жили они в мирное время в Москве. Валентин учился, кажется, на геолога. Во время летней практики он возвращался на грузовике с задания. Он встал в машине, а ее сильно тряхнуло и он выпал из нее. У него был разрыв печени и он сразу умер.

Зинаида

Зинаида училась в Саратовском университете на медицинском факультете. Врачом она не стала потому, что не окончила университет, а устроилась учительницей в Аткарске. Преподавала там в средней школе химию, биологию и зоологию. Потом она уехала в Саратов и работала там тоже учительницей. Было ей уже 32 года. Вышла замуж за следователя Петра Гавриловича Еремина. Детей у них не было. Петр Гаврилович вскоре умер, и она осталась одна. Тогда она решила взять к себе сына Серези (брата), Серезу, который остался после смерти родителей один. Сереза жил с Зинаидой в Саратове, учился. Окончил институт, уехал в Москву. Зинаида уже не работала, была старая, и Сергей взял ее к себе в Москву.

Нина

Нина окончила среднюю школу. Работала в селе учительницей. Потом ее послали в Москву на какие-то курсы. Она там вышла замуж за инженера Петра Германовича Иваницкого. Нина в это время занималась на курсах медицинских сестер, окончила их и поступила в поликлинику сестрой. Работала в разных поликлиниках. На пенсию пошла из поликлиники работников Академии наук, где работала старшей сестрой. У нее было двое детей. Татьяна – инженер, и Гера. Гера был болен. Нигде не работал. Жил с матерью.

Антонина

Антонина окончила 2 ступени школы (средняя полная школа). Решила стать актрисой. Поступила в драматическую студию. Но дома отец узнал про это, и ей пришлось бросить студию. Тогда она устроилась в детский приют. Потом перешла в руководительницы детского дома. Вела кружок музыки и танца с руководительницами детского дома. К этому времени она получила звание учителя. Вышла замуж за студента Саратовского университета Михаила Ниловича Кирсанова. Он сибиряк. Во время войны с Колчаком был партизаном. У них было двое детей. Дочь Галина и сын Владимир. Владимир учился в Академии им. Дзержинского, окончил и демобилизовался, и со званием инженера, работает на заводе. Он женат. Жена Ангелина Федоровна окончила нефтяной техникум, но работает бухгалтером. У них двое детей: дочь Ольга и сын Александр.

Дочь Галина – инженер. Замужем. Имеет троих детей – Алису, Светлану и Ивана.

Валентина

Валентина окончила школу, уехала в Москву. Там работала, встретила там Быкова Бориса Яковлевича и вышла за него замуж. Во время войны их завод, где они работали, эвакуировали в г. Йошкар-Ола. У них одна дочь Галина. Работает на телецентре. Инженер. Вышла Галина замуж за марийского художника Юрия Янгильдина. У них дочь Марина.

Борис

Умер, когда ему было 1 год и 3 месяца.

Саратов, Йошкар-Ола, конец 1970-х годов

*Кармиловы Женя и Сережа, сидит – Володя Кирсанов,
стоят: Валентин Топазов и Гера Иваницкий-Василенко (~1929 год)*

Сергей Иванович Кармилов
Оборот: 1913 год, 5 января

Братья Кармиловы
Сергей и Владимир

Большакова Софья Матвеевна
Оборот: «Брату Сане от Сони
1917 г. 22 октября»

Кармилов Евгений Сергеевич
(1922 г.р.), г. Аткарск, 1924 год

Кармилов Сергей Сергеевич
(1930 год)

Кармилова Таисия Ивановна
с подругой. Оборот: «Век живи век
учись, и не забывай своей сестры»
Таисия Кармилова и Паня Кулакова

Сестры Кармиловы: Таисия, Зинаида и Александра. Обрат:
«Киев, Казань, Елань. Киев – озорство, Казань – кисляй,
Елань – серьезность» (Аткарск, 1916 год, август)

Кармилова Нина Ивановна
(~1916 год)

Кармилова Зинаида
Ивановна

Зинаида Ивановна
Кармилова

Из воспоминаний Г. М. Поляковой (Кирсановой)

Иван Иванович Кармилов

Мария Афанасьевна Кармилова

Антонина Ивановна Кармилова

Михаил Нилович Кирсанов

Галина Михайловна Полякова (Кирсанова)

Свое детство я помню очень плохо, отрывочно. Родилась где-то в Черном Яру. Потом – Хвалынский детский сад. В школу пошла в Аткарске. Почему-то отец (Михаил Нилович Кирсанов) постоянно разъезжал по свету. Путешествия его (и наши), или даже скитания, начались с Саратовской области. Это было в Аткарске. Он тогда служил в армии, где-то совсем недалеко от этого маленького провинциального городка, и мы, его семья, по степи пешком ходили к нему в полк. Мать вела нас, малолетних детишек, по безлюдному большому пространству. Теперь это удивительно: совсем одни

Галина Михайловна
Полякова (Кирсанова)

Кармилова Валентина
Ивановна

Нина Ивановна
Иваницкая-Василенко

в степи, прекрасная пора лета, и ничего и никого не боялись.

Потом отец стал работать военруком в школе-новостройке, недалеко от нас. Мы жили тогда на Вокзальной улице (снимали квартиру). В эту же школу и я пошла в свой первый класс. Более ранние детские воспоминания – много смешных глупых игр, выдергивание незрелой редиски, посаженной отцом (это я для друзей старалась – очень хотелось понравиться), а в результате получила первое классическое наказание ремнем (которое, впрочем, больше никогда не повторилось).

Помню прекрасно крошечного брошенного кем-то котенка, которого отец принес домой и кормил из дудочки чайника молоком. Выкормил и спас. Кот, правда, потом куда-то делся.

Отец был хорошим фотографом. У нас была темная комната, где он проявлял и печатал фотографии, чем, видимо, подрабатывал. Были еще большая комната, спальня и столовая-кухня. В большой комнате стояли два рояля. Он их иногда настраивал, вероятно, для продажи. Он был хороший настройщик, хотя сам на клавишных инструментах не играл (он играл на гитаре, мандолине). Зато играла на рояле очень хорошо моя мама, Антонина Ивановна (урожденная Кармилова). Она училась когда-то в музыкальном училище, но пришлось бросить из-за детей (нас было двое) и многочисленных переездов. Это, естественно, было и до Аткарска.

*Михаил Нилович
Кирсанов и Антонина
Ивановна Кирсанова
(Кармилова) – родители
автора воспоминаний*

До сих пор для меня загадка – образ жизни моей семьи. Где и почему их так много носило по свету – не знаю. Отец когда-то вроде бы учился на историческом факультете в Саратовском университете и даже поступил в аспирантуру. Он был дружен с великим (тогда еще обыкновенным) профессором Покусаевым. Но почему-то он не закончил эту аспирантуру – или отчислили, или что-то еще. Вроде Покусаев его продал КГБ, что-то там по происхождению. В общем – темная история. Это намеками говорила мать, но никогда ничего не рассказывала. Я попыталась позже узнать у самого Покусаева, но не успела – когда я позвонила, оказалось, что он был очень болен и вскоре умер. Опять тайна осталась нераскрытой... Происхождение в наши «славные» времена очень дорого стоило владельцу. Вспоминаю, что где-то в 38–39 году приезжал из Красноярска дед, Нил Андреевич (Кирсанов). Невысокого роста, худенький, с бо-

Слева направо: Михаил Нилович Кирсанов, Мария Афанасьевна Кармилова, Антонина Ивановна Кирсанова (Кармилова) с детьми Володей и Галей (на руках). Впереди – Женя Кармилов (сын Сергея Ивановича Кармилова)

Стоят во 2-м ряду: Вова Кирсанов, Гера Иваницкий-Василенко, Валентина Ивановна Кармилова, Женя Кармилов, Иван Иванович Кармилов. Сидят: Нил Андреевич Кирсанов, Мария Афанасьевна Кармилова (Тифлова), Нина Ивановна Иваницкая-Василенко (Кармилова), Антонина Ивановна Кирсанова с детьми Таней и Галей

родкой седой, и какой-то неродственный, даже до внуков. Жил он в темной комнате (фотографической) и почти не выходил из нее. Приехал он неожиданно, пожил незаметно и так же незаметно уехал. С тех пор я ничего не слышала и не знаю о нем.

Так же очень плохо помню, да и не знаю, пожалуй, вообще родственников своего отца. На его сестру, Александру Ниловну, говорили, как я слышала, я внешне очень похожа, но выяснить это самой мне так и не представилось возможности. Во время войны к нам в Аткарск, правда, приезжала в эвакуацию какая-то его родня из Киева. Среди них были девочки немного старше меня. Но они были так красиво одеты! Это произвело на меня такое сильное впечатление,

*Володя и Галя Кирсановы
(~ 1934 – 1936 годы)*

что я запомнила это на всю жизнь. Я-то уж точно не могла похвастаться такими блестящими одежками – ведь у нас порой во время переездов не было даже мебели! Два роля – и все! А в спальне – 2-ярусные, сделанные отцом, кровати наши с Вовкой (мой старший брат – Владимир Михайлович Кирсанов), и кровать, здесь же, родительская. А ведь нам было уже 6 и 9 лет.

Во время войны приезжали к нам и москвичи – сестра матери, Нина (Нина Ивановна Иваницкая), со своими детьми Герой и Таней, а также с ее соседкой по коммунальной квартире на Сретенке (улица Хмелева) в Москве, с которой она дружила. Там, в Аткарске, мы прожили почти всю войну, но потом почему-то перебрались в Саратов на ул. Советскую, что против парка, недалеко от школы №3, но потом меня почему-то отправили дальше, в школу №8.

*Нина Ивановна Иваницкая-Василенко
(Кармилова) с детьми Таней и Герой*

Жили мы с дедом (Иваном Ивановичем Кармиловым), тетей Таей (Таисией Ивановной Топазовой), тетей Валей (Валентиной Ивановной Быковой), которая жила там со своей двухлетней дочкой Галей, дядей Сережей (Сергей Иванович Кармилов),

*Антонина Ивановна Кирсанова
и ее дочь Галина*

его женой Соней, сыном Сережкой, а также с тетей Зиной (Зинаидой Ивановной Кармиловой, не помню ее фамилию по мужу). Я точно не помню, когда ушли из жизни дядя Сережа с тетей Соней. Совсем не помню, как училась, помню только, что меня почему-то часто мать переводила из школы в школу. Почему – не знаю – училась я хорошо. Во время войны мы организовали детский отряд и выступали с концертами по госпиталям. Но недолго. Похоже, не понравился репертуар и исполнение. Еще помню, что жили голодно. Вовка (мой брат) работал (ему было 14 лет) стажером шофера и очень уставал. Мать рисовала игральные карты, иногда гадала на них, иногда продавала или меняла на продукты, а дед, которому было 60, ходил пешком в поселок за речку. Кажется, поселок и назывался Заречным. Там дед, вероятно, служил священником. Его там помнили и любили. Он совершал там требы, и ему иногда платили продуктами. Однажды днем он отправился туда как всегда и уже не вернулся. Его стукнула открывшимся бортом проезжавшая мимо грузовая машина. А в 1944-м приехал с фронта отец (Михаил Нилович Кирсанов) и решил, что пора ехать дальше, и в Аткарске нам не место.

Иван Иванович Кармилов и Мария Афанасьевна Кармилова с детьми и внуками на реке. Слева направо: Сергей, Сергей Иванович, Евгений, Антонина Ивановна, Галина и Владимир Кирсановы. Впереди – Борис Кармилов

Итак, после фронта мой отец решил нас сорвать с места и опять повез по белу свету... Собрали узлы, бросили все и отправились «куда глаза глядят». Это было очередное «великое переселение народов!» Представить себе это теперь трудно! Многие люди тогда сорвались с насиженных мест. Кто-то поневоле (многие оказались в эвакуации и желали вернуться домой). Они тоже влились в этот мощный поток. Ни одна железная дорога не могла справиться с этой нагрузкой на не выдерживающие этого наплыва людей старенькие вагоны и плачевное состояние вокзалов, порой изрядно разрушенных.

Первое впечатление от Сталинграда 1944 года – разрушенный город, одни руины и оставшиеся стены с пу-

стыми глазницами окон. Вокзала нет. Есть построенная времянка, заполненная сидящими и лежащими людьми, вещами и детьми... Друг на друге. Станция, которая вела на юг, а мы туда и направлялись, называлась «Станица Абинская». Почему? Как мы ехали? Без билетов! Отец открывал задний тамбур с обратной стороны где-то раздобытым ключом, втаскивал нас туда с узлами в узенькое пространство. Так мы отправлялись дальше до следующей станции, где нас, естественно, высаживали. Затем ждали следующего поезда или успевали забраться снова, но в другой вагон. Вот таким путем и приехали в разрушенную станицу Абинскую.

*Валентина Ивановна
Быкова (Кармилова)*

*Галя Быкова
(~1940 - 1941 годы).
Дочь Валентины
Ивановны Быковой*

Отец устроился в местную школу преподавателем истории, и нам разрешили занять комнату, где можно было застеклить окно и заделать дверь, что незамедлительно и сделали отец с Вовкой. А как готовили? Лучше не вспоминать – благо лето это было... Ночью было страшновато, гудел ветер, какие-то шумы и от разбитых стекол. А однажды мы проснулись ночью от звона цепей на плиточном полу, гром был еще тот и сопровождался топотом – «топ-звяк» и так далее. Мы здорово перепугались, отец взял какую-то палку и пошел посмотреть, а мы сгру-

дились в страхе, особенно я. Ждали, казалось, вечность, но вдруг все стихло... Пришел отец: оказывается – это забрела стреноженная цепями лошадь и стучала по бетонному полу, так напугав нас.

А потом нам разрешили построить дом на территории фруктового школьного сада, около старой, разрушенной, одноэтажной школы. Школу не восстанавливали, а расположили в другом здании, где мы и продолжали учиться, а отец преподавал. Насчет мамы не помню, она как-то по-другому выкручивалась всегда: где музыке учила, где карты или картинки рисовала, но, по-моему, она в Абинской учительницей не работала.

Начали строить дом – кирпича полно, но нас с Вовкой подсобные рабочие по сбору и очистке старого кирпича с разрушенных домов предупредили: увидите торчащую проволоку – не троньте, а скорее бегите и скажите старшим – может быть и заминирова-

*Иван Иванович (о. Иоанн) Кармилов
с дочерью Ниной и внуком Германом*

*Мария Афанасьевна Кармилова
(Тифлова) (в центре) с внучками
Татьяной (впереди)
и Галиной (справа)*

но! Вот с таким страхом для жизни мы все вместе и собрали недостающие кирпичи на наш дом.

Дом помогал строить и наш двоюродный брат Сережка Кармилов, который приехал к нам на то лето. Построили. В саду было много алычи, что росла под окнами, и мы делали из нее листы пастилы, что сушили на крыше. Были подружки и друзья у ребят, и чудесный, громадный сад – хоть и запрещено туда было ходить за фруктами (он охранялся – вроде школьный), но кто нам помешает, если там живешь... Там, в Абинской, мы и встретили Победу. Наверное, она подвигла отца на новые подвиги, и он опять собрался в путь, который лежал почему-то в Майкоп! Почему и откуда он собирал маршруты? Как решал?

И вот мы в Майкопе, столице Адыгеи! Сначала поселились на квартире, на окраине города. Потом жили в вырытой и отделанной отцом землянке, правда, с окном. А следующий этап – опять постройка дома, уже из самана (это когда навоз с глиной укладывают в формы для изготовления небольших блоков, которые потом сушат, а затем уже используют для строительства!). Опять нашим помощником был Сережка Кармилов. Он часто приезжал к нам летом, и они с Вовкой веселились, мешая голыми ногами навоз с глиной для форм... Построили...

Кстати, весьма грустный случай... Когда мы жили на квартире, хозяйка квартиры, одинокая женщина (сколько их тогда было после войны!) влюбилась в отца. Но напрасная ли страстная любовь, или что-то еще, повредили ей рассудок. Она сошла с ума и стала опасна. Почему-то ее сразу не забрали, а держали дома? Она вырывалась, ускользала, порой раздетая, и бегала по улицам, пугая всех своим безумным видом, преследовала нас, мы ее очень боялись, а как-то ночью я видела ее в окне нашей землянки – она пыталась войти... Скоро ее увезли в психиатрическую лечебницу. А отец (что-то не получилось, вероятно, с работой) поехал дальше, но на этот раз один, в Тоннельную, это недалеко от Ново-

российска. Вот куда заехал... Он там жил, а мы оставались в Майкопе. Был где-то за рекой Белой огород, мы там трудились и что-то видно имели с него, а переправляться туда надо было по подвесному мосту, так как река была очень коварная и быстрая, как водопад... Очень плохо помню майкопскую школу. Но где-то ведь я училась, и Вовка тоже? Это было в 1946–1948? И подруг не помню... Да, мне кажется, что-то было вроде разрыва у матери с отцом тогда – он очень редко приезжал к нам из Тоннельной, а я к нему ездила... Однажды, гуляя по городу, он купил мне огромный подарок – сто грамм белого горошка (конфет). Это, конечно, была редкость для нас, я зажала их в кулак, две-три съела, а с этими так и бродила, пока отец не заметил и не спросил об этом. Я отвечала, что берегу их для мамы. Он очень удивился, но мне кажется, это задело какие-то струны в его сердце и оказало большое влияние, так как вскоре он вернулся в Майкоп, но, увы, чтобы снова нас увезти дальше. Теперь он завербовался плотником на чаеразвесочную фабрику в Авгалу, под Тбилиси и мы опять тронулись в путь, правда, продав дом, и более цивилизованно перемещались.

...В Авгале нас сначала поместили в барак с нарами, куда мы с Вовкой забрались наверх и поплакали навзрыд (так нам все не понравилось). А потом нас поместили в одной комнате, метров 16-18 длиной, с одним окном, в четырехэтажном громадном общежитии этой фабрики. Снова – новая школа, новая жизнь, уже в незнакомой Грузии. Отец сколачивал ящики для чая, мать паковала чай в пачки и пошло... Пока кто-то из начальства грузинского не положил глаз на маму – пышную, белотелую и голубоглазую красотку с рыжими волосами. Отец не стерпел... И мы поехали дальше.

Это был Цхакая – город моей юности, первой любви, хороших друзей и приятных, несмотря на голод, воспоминаний. Это отдельная глава жизни, очень памятная!

Вначале мы жили в комнате, где отец, пристроившись фотографом, работал – т. е. в лаборатории. Длинная, узкая,

темная комната... Днем бродили по городу (благо – тепло), а потом, под покровом темноты, пробирались в лабораторию, где благополучно, прямо на полу, спали до утра и... снова – на экскурсию по городу. Потом наконец сняли комнату. Отец устроился учителем истории в русскую школу, где мы с Вовкой учились. Обо всем этом потом – очень большая полоса жизни.

Самые приятные воспоминания у меня о Цхакая. Маленький, уютный городок, весь – в розах. Особенно поражали меня плетистые, небольшие по размеру розочки, которые не только вились по заборам, но и по высоким берегам ручья, или речки, которая была неподалеку от дома моей подруги Дареджаны Шения. А выше, в гору, на улице Берия, 34, жила моя вторая подруга – Тамара Хоперия. С ними мы были как сестры. Даже клятву дали быть сестрами всегда. Мы жили бедно, снимали квартиру, т. е. комнату. Дом у нас, как и у всех в округе, был на столбах, т. е. в доме был второй этаж, где обычно были две комнаты и большая веранда с широкой лестницей. На ее ступеньках мы с Вовкой порой наслаждались куском кукурузного хлеба и видом на Кавказ. Отец преподавал историю в школе, а мама давала уроки музыки в домах богатых шалопаев. Она учила их без нот, просто с рук. Еще она подрабатывала, играя по вечерам в ресторане. Кстати, и меня иногда брала с собой покормить. И ничего плохого я вокруг не видела. Просто было немного завидно видеть красиво одетых дам и общее величие, когда сама – в перешитых из старых тряпок, занавесок и прочей дешевки состряпанных «моделек», поэтому и чувствовала себя нищенкой. Но зато в школе я была заводилой класса!!! Мне все повиновались почему-то. Играла в самодеятельном театре Золушку и была потрясающе красива в ее наряде и гриме! Вот это и был звездный час после унижений в ресторане! Но увы, часы пробили, после спектакля пришлось снять великолепные наряды. Спектакль, хоть и школьный, проходил в местном городском театре. Народ встретил его

Семья Кирсановых: Михаил Нилович, Антонина Ивановна,
Владимир и Галина (~ 1952 год)

хорошо. И хотя я уже сняла костюм, грим решила оставить – так себе понравилась и хоть на улице было темно, шла гордо. Была и первая любовь – одноклассник Юра Грачев... Потом вздумалось создать «союз за дисциплину в классе», но почему-то занимались мы вопросами дисциплины не в классе... Что за фантазией было потащить моих бедных одноклассников поздним вечером (а темнело там гуще, чем у нас) на старую лесопилку, хоть и недалеко от школы, но ведь додумалась! Никогда, кстати, дурных мыслей в голове у меня не было, но благодаря подобной лесопилке, фантазиям, меня решили разобрать на педсовете, обвинили в аморальности подобных союзов, а родители моей любимой Даржи (Дарджаны Шения) даже запретили ей со мной дружить (правда, потом простили нас), а я больше не стала заниматься «политикой», просто жила беззаботно, весело, дружно и с любовью! Правда, мы с Юркой так ни разу и не поцеловались! Я узнала, потом уже, что он поступил в Авиамоторный институт в Москве, и когда я ездила от института на физкультурпарад в Москву, я его разыскала, но наша встреча прошла весьма прохладно. Я уже была знакома с Игорем (Поляковым), и я ничего не почувствовала, кроме желания скорее проститься. Мы так ничего друг другу и не рассказали,

Антонина Ивановна Кирсанова (Кармилова)

Владимир Михайлович Кирсанов

Галина Михайловна Кирсанова

а больше я его даже не видела. Все прошло. Но класс наш в Цхакая был хороший, хоть и маленький. Мы хорошо друг к другу относились и я всех помню даже по фамилиям до сих пор! Но все проходит. Вовка (Владимир Михайлович Кирсанов) получил аттестат об окончании школы. Думаю, поэтому мы там и задержались. Отец помогал ему. А я кончила 6 классов, т. к. школа была 11-летка. И снова в путь – теперь в Россию.

Отец решил вернуться в Саратов. Приехали. Потом съездили в Петровск, где жили мамина сестра Александра и племянницы (Мизгулины и Подлуцкие). Я была самоуверенная, нарядная молодая девушка – матроска, шляпа и белые тряпичные тапочки с голубой каемкой (такие у нас тогда были в моде и мы их мыли и чистили зубным порошком).

В Саратове отец сходил в ОБЛОНО и получил назначение инспектором РАЙОНО в Салтыковку (это под Саратовом). Вот в это поселение, где есть железнодорожная станция, школа, РАЙОНО, с многочисленными мелкими поселками типа нашей, в будущем, деревни Подгоренка. Елшанка тоже

была рядом, и наша подгоренская молодежь ездила туда на танцы в полуторке. В Салтыковке сначала мы снимали квартиру с одной маленькой комнатой. Потом нам дали квартиру большую, в две комнаты, но без удобств. Она была расположена в старом одноэтажном деревянном здании бывшей школы, а новая большая школа, в которую я пошла учиться в восьмом классе и которую и закончила, была кирпичная и двухэтажная. Вовки с нами уже не было – он поступил в Московский энергетический институт, но долго там не продержался (голодно слишком было), приехал и потом поступил в Саратовский автодорожный институт (все поближе к дому!).

Все проблемы решали сами. Отец как-то сделал великолепную мебель из лозы – круглый стол и стулья, большие как кресла. Остальное – как могли – какие-то кровати, здесь же кухня в соседней комнате, окна большие. Нормально! Немного подняла я нос – форма, школа, редактор школьной газеты, весьма уважаема в классе, училась хорошо. Ребят помню всех (класс небольшой), да и подруг было много и разных. Снова влюбилась. На этот раз в курсанта училища ВВС (друг моего одноклассника Вольки Черкашина, задиристого, хулиганистого парня, который, однако, со мной дружил). Я часто помогала им с уроками. Воспоминания о школе остались хорошие. Иногда ходили на танцы за 5 км (и все пешком), либо на вокзал, где собиралась вся молодежь и гуляла туда-сюда.

Салтыковка. Дорога степью, очень милая деревня, а школа стоит рядом с церковью недействующей (там склад), а школа – в домах священника – в одном школа, в другом наша квартира и один класс. Внизу речка, вокруг степь и очень все было нормально. Я уехала поступать в университет, на мехмат, т. к. учитель математики решил, что у меня есть к ней способности. Я поверила, сдала туда документы, но побывав у Вовки в общежитии САДИ, где он учился на автомобильном факультете, и, поговорив с его однокашниками, твер-

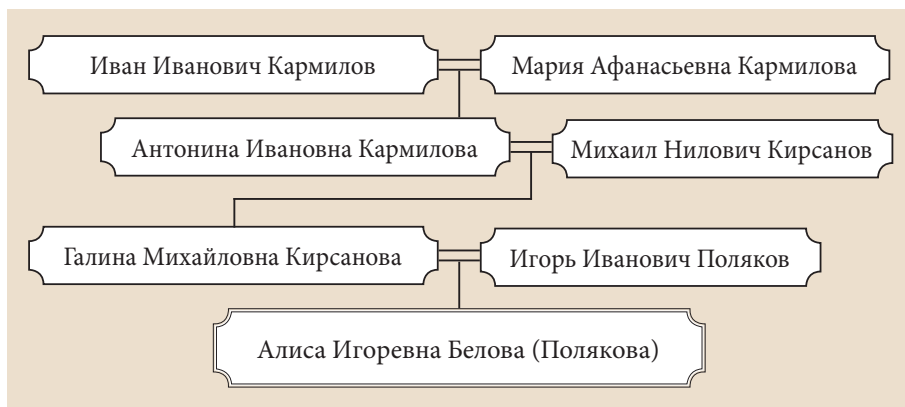
до решила поступать на строительный в тот же вуз, забрала документы и отнесла их в автодорожный. И все. Поступила хорошо, кончила хорошо. Но уже с Алькой (старшая дочь Алиса) на руках. Пока учились – и плясали, и пели, и гимнастика художественная была, и на парад физкультурников в 1954 году в Москву съездила... В 1955 вышла замуж. Игорь окончил вуз пораньше и получил направление в Челябинск, куда и я поехала за ним, после окончания института. Алюшка осталась в Саратове с родителями Игоря, а я – со слезами, тоской по дочери и любимым мужем. Игорь работал на заводе, очень был уважаем, как молодой специалист, его даже хотели послать в Аргентину по контракту, но его мать, узнав об этом, испугалась, что мы заберем Алюшку, и телеграммой о своем сердечном приступе заставила нас прекратить оформление, уволиться и направиться в Саратов. На вокзале встречали нас все, и Алька, сидевшая на руках у его матери, когда я к ней кинулась – отвернулась! А только-то два года... Дальше все просто – работа, жизнь (не всегда плохая, немного и хорошая), молодость, дети. Через пять лет, в 1961 году, Светка родилась. В 1972 году родился Иван.

Саратов, 2012 год

Воспоминания Алисы

(Бабушка и мама)

Моя бабушка по материнской линии Антонина Ивановна Кирсанова (урожденная Кармилова) была женщиной во многом незаурядной и чрезвычайно по-человечески обаятельной. Это признавали все, кто имел к ней хоть какое-то отношение и по части родства, и по случайному или длительному общению с ней. Обладая удивительно добрым и неприхотливым нравом, отличалась она чрезвычайной подвижностью и совершенно юной любознательностью и живостью ума. Так, уже будучи в весьма преклонном возрасте, пыталась она играть в волейбол с молодежью, посещала с нами танцевальные вечеринки и была вообще легка на подъем во всевозможных играх и забавах тогдашней молодежи.

Истории ее были интересны и часто фантазийны. Бабушка, по настоятельной моей просьбе, рассказывала и о форменной одежде, в которую наряжались девочки ее учебного заведения. Так, помнится, у них почему-то были бордовые фартук и пелеринка, а вот у девочек другого училища – темно-зеленые. У нее же было немало платьев. В том числе одно

Антонина Ивановна Кирсанова с дочерью Галиной

(в мелкую клетку) было из такой легкой ткани, что внизу изнутри к его подолу для веса были пришиты на ниточках небольшие монетки (чтобы, не дай Бог, ветром не подняло).

В доме же ее отца в Аткарске (ставшем после революции домом пионеров) подоконники были мраморные, и под одним из них спрятан был дамский браунинг с перламутровой ручкой. Хотя про браунинг – это, возможно, только фантазия.

Отца бабушки, Ивана Ивановича, паства очень любила и часто приносила ему в благодарность всевозможные продукты, так как, по-видимому, отблагодарить его за работу было больше нечем. Был он сам, по ее воспоминаниям, рыжий (многие его дети унаследовали этот цвет его волос, почему и не сидели в старости), шла ему очень лиловая его ряса, и обладал он звучным голосом. Нрава был весьма озорного (по ее словам). Так рассказывала она, например, о та-

ком эпизоде: однажды он, чтобы развеселить детей, наступил своей палкой на хвост домашней кошке под обеденным столом и наблюдал затем с невинным видом за реакцией детей и взрослых на ее возмущенное мяуканье.

Бабушка в детстве любила читать, и отец ругал ее за перерасход свечей ночью, да к тому ж все в то время боялись пожаров – дома-то выгорали улицами.

Сестра ее отца замужем была за предводителем саратовского губернского дворянства Лециусом, и обладала, по ее словам, характером надменным и решительным, но родственников своих все же заботой не оставляла.

Среди саратовской родни были еще и Покровские и, кажется, тоже священники. Но родственные отношения меня в детстве интересовали куда меньше, чем всякие мистические истории, что сочиняла бабушка по моему же, наверное, заказу, и наряды, что она когда-то носила. Про действительного статского советника, лейб-медика, управляющего аптеками Петербурга и его пригородов, своего родного дядюшку, бабушка что-то говорила, да мне это как ребенку было тоже не слишком интересно. Рассказывала только, что женат он был на примадонне (кажется балерине) «Мариинки» (вот это было, конечно, интересно!), что рано уехал в Англию, так как выдал туда замуж своих дочек за каких-то английских коммерсантов. Бабушка же вряд ли была в курсе жизни ее дяди и его потомков, да и рассказывать об этом убежденным комсомольцам и пионерам было сложно. Да, кстати, никто особенно и не интересовался.

Интереснее, конечно, были ее смешные рассказы-сказки, например, про Кетхен и ее младшего братца, что отправились в гости к родной тетке, да толком за ужином из-за стеснительности своей не поели, а потом ночью так захотели есть, что пошли искать в темноте теткин буфет, да съели по ошибке в темноте всех ее котят.

Была еще замечательная и милая песенка про любимого зятя Алешку («Было у тещи семеро зятьев... Кишка – зять,

и Микишка – зять, и Захарка – зять, и Макарка – зять, и Дементий – зять, и Клементий – зять, а Алеша – уж давно...») Было в песне множество куплетов бытового содержания. Более всего удивлял куплет о выдаче зятьям ложек – всем деревянные, а Алеше – оловянную. В наше-то время деревянные были в цене, а вот оловянные – и вовсе хлам. А у них-то, как видно из песни, совсем все по-другому было.

И таких вот историй и песен было у нее много, просто (увы!) рассказывать их больше некому. Ну и, конечно, ее смешные бумажные, и из чего попало куклы: бабушка рисовала их цветными карандашами по нашей с сестрой просьбе. Были они почему-то взлохмаченные и с большими выпученными глазами. Часто делала она их из тряпок – чулок ли, платочков носовых. Также со смешными, нарисованными ею рожицами. Была у нее еще трогательная грустная детская песенка «Ой попалась птичка, стой, не уйдешь из сети. Не расстанемся с тобой ни за что на свете».

Еще запомнила два ее старинных анекдота (воспроизведенных также по моему любопытству). Они вполне передают особенность юмора людей времени ее юности. Первый был такой: едут в купе поезда два господина. Один лежит и читает газету, второй сидит и смотрит в окно и по сторонам. В какой-то момент ему это надоедает, и он приступает с вопросами к читающему газету попутчику (куда едете, да зачем, да надолго ли). Тот неохотно (он занят чтением) отвечает: «На Баку (боку!) в Тифлис». Вопросивший обижается и замолкает. Проходит время. Читавший откладывает прочитанную газету и вежливо интересуется у попутчика: «Ну а вы-то сами куда?» На что обиженный попутчик раздраженно отвечает: «А я на заднице в Кутаиси». Собственно, здесь и надо было смеяться. Второй анекдот был короче и смешнее на мой взгляд: на переходе через улицу молодой человек задевает случайно по бюсту несущуюся ему по встречному пути даму. «Ах, пардон!» – говорит он ей. «Не картон, а вата», – оскорбленно отвечает она ему.

Любили мы с бабушкой рассказывать и страшилки. Две из них мне даже запомнились, так как сумела бабушка меня, при всем их формальном лаконизме, изрядно напугать. Одна из них, совсем простая: как однажды она сама, лично, выйдя в темный ночной коридор, вдруг увидела марширующего по нему солдатика маленького роста в буклях и красном мундире, размахивающего саблей и бормочущего себе под нос: «Ать-два, ать-два». Вторая страшная история, происшедшая якобы с ней же в юности, тоже была до жути простенькой и впечатляющей: лежала она (бабушка) в своей комнате на кровати, были, кажется, сумерки, дверь была затворена и, вдруг, откуда ни возьмись, прямо в верхней щели двери появилась и повисла безвольно чья-то мертвенно-бледная рука. Потом также внезапно исчезла. Самое забавное, что переубедить мне ее в реальности такого события было невозможно, бабушка всячески настаивала на страшном, необъяснимом его происхождении. Что там загадочная «Пиковая дама» Пушкина после этих историй!

Часто гуляли мы с ней и по полям, будучи в гостях в деревне, или на даче. Она любила полевые и лесные цветы

*Галина Михайловна Полякова
(Кирсанова) с дочерью Алисой (~ 1958 год)*

и составляла из них прелестные букеты. Часто их потом рисовала в своей манере и говорила нам, детям, что неприхотливые, но прекрасные дикие цветы, при всей их неприязнительности и скромности, куда как лучше цветов садовых, выращенных.

Назвать ее религиозной было трудно. Меня это часто удивляло, так как я знала, что отец ее был священником. Эту тему она почему-то всегда осторожно обходила.

Она была мало приспособленной к бытовой сфере жизни. Мало что умела она делать по части хозяйства. Не зря вторая моя бабушка (Анна) называла ее «барыней». Зато с нашей «бабой Тоней» всегда было как-то просто и весело.

Бабушка великолепно играла на рояле. Каких только сложных классических пьес я не услышала в детстве в ее исполнении. Она играла часто. Вероятно, ей это приносило какое-то духовное успокоение. Мы с сестрой танцевали под ее музыку. Особенно любила я ее Сен-Санса, Рахманинова, Чайковского, Берлиоза, Равеля, «Чардаш» Монти, вальсы Штрауса, вальс Розаса «Над волнами». Играла она легко, можно сказать, виртуозно, нередко с листа, но чаще по памяти. Репертуар у нее был обширный. В трудные послереволюционные годы она работала тапером в немом кино. От нее и моего деда (Михаила, ее мужа) осталась у нас большая коллекция старинных нот, и даже не всегда адаптированных. Я тоже ими пользовалась, так как училась в музыкальной школе (это тогда было популярно).

Часто затевалась ею смешная игра (мы, дети, ее любили): пряталась ею какая-то вещь в комнате, затем нас запускали в комнату, бабушка садилась за пианино и мы начинали поиск спрятанной вещи, помочь в котором должна была громкость исполняемой ею музыки. Если мы приближались к спрятанному предмету ближе, музыка звучала громче, если удалялись – начинала утихать. Так, в конце концов, нам удавалось ее обнаружить, и это было так весело!

Бабушка разыгрывала с нами и живые картины, учила ставить кукольные и прочие спектакли. Научила нас рисовать бумажных кукол (в чем мы потом с сестрой сильно преуспели).

Иногда она брала меня в гости к своему старому приятелю, времен еще ее молодости, Леониду Александровичу, бывшему адвокату, а теперь смешному маленькому старичку. Он жил в подвале старого дома в центре города перед городским старинным парком «Липки», владея там всего лишь большой комнатой под абажуром с ширмами и столом с вязанной скатертью. Его вторая жена, Нина Александровна, питерская старушка, такого же маленького роста, как и он, всегда встречала нас пирожками и чаем. Все они были чрезвычайно образованными людьми и внимательно следили за моими манерами, мягко поправляя в моих светских несуразностях, а также много рассказывали о прошлом Саратова. Именно благодаря им поняла я Россию той, дореволюционной поры, с ее очарованием, колоритом, стилем человеческих взаимоотношений, быта. Теперь, когда уже нет с нами этого поколения, воссоздать ее образ на уровне живых ощущений и цельности практически невозможно. Классика наша хороша, но в ней же нет живости реальных образов и тонких, порой не литературных мелочей жизни не придуманной, настоящей.

Бабушка вообще была общительным, светским человеком. Так, бывая часто в Москве, где проживало много ее родни, в том числе и ее старшая сестра Нина Ивановна Иваницкая, что жила на Сретенке, на бывшей улице Хмелева, часто встречалась она с друзьями своей молодости, в том числе «загадочным» для нас Сережкой Игнатьевым. Имя второго приятеля ее юности я не помню, но друзья всегда встречали ее на вокзале с цветами и конфетами и вместе шли куда-нибудь пить чай или погулять по городу. Нам с сестрой это представлялось ужасно забавным почему-то.

К нам же в Саратов она тоже была наездами, так как, в основном, находилась у своего старшего сына Вла-

димира Кирсанова, который работал и жил со своей семьей в Йошкар-Оле. Его туда устроил муж бабушкиной младшей сестры Валентины – Борис Яковлевич Быков, который был инженером московского завода, эвакуированного в те края из Москвы в военное время, да так там с семьей и остался. Она много рассказывала нам о дочери Быковых Галине, что вышла замуж за местного художника, Юрия Янгильдина и много лет проработала на местном телевидении диктором. Как-то и мы доехали по ее приглашению до Йошкар-Олы с мамой. Помню чистенькую Казань проездом и прелестные марийские сосновые леса вокруг самого города Йошкар-Олы с чудесными дикими фиалками («анютиными глазками»), в изобилии растущими под соснами. Как-то, рассказывая о красивых марийских национальных вышитых костюмах, идя на поводу моих уговоров, привезла мне бабушка оттуда лапти из комплекта национальной марийской одежды.

Любила она делать всевозможные подарки. Имея маленькую учительскую пенсию, тратила их на «всякие глупости», получая от этого непонятное для многих удовольствие. Денег этих ей хватало, дай Бог, на два дня, чем конечно весьма раздражала она «взрослых», в том числе и своих детей...

Часто привозила книги, которые в то время были дефицитом. Чтение было ее второй после игры на пианино страстью. Читала она много. А в наше время читала все подряд художественное, даже детскую литературу, которой в то время было не мало, и совсем неплохой. От нее я узнала еще в детстве и о Косте Бальмонте, и о Саше Черном, и о Лидии Чарской. Бабушка, конечно, была не только оригинальной, но и любознательной женщиной, и общаться с ней было весьма познавательно.

Много забавного рассказывала она и о своей замужней жизни. Со своим мужем (нашим дедом) Михаилом Ниловичем Кирсановым, познакомилась она на какой-то учительской (университетской) вечеринке. Был он (по ее словам)

хорош собой и, судя по всему, популярен среди барышень ее круга. Вероятно, работал в аспирантуре Саратовского университета, так как в ближайших его друзьях был «великий», а тогда еще обыкновенный и такой же молодой известный литературовед Евграф Покусаев. Во всяком случае, будучи уже в преклонном возрасте, звонила она от нас его вдове, но никогда не изъявляла желания встретиться с нею.

Собравшись замуж, судя по ее словам, была она совсем молода. Вот и вышла за молодого красавца-историка чуть ли не через 17 дней их совместного знакомства (полагаю, в основном из-за девичьего тщеславия), так как потом долго еще ее родители не могли заставить молодую жену наконец отправиться жить к своему новоиспеченному супругу. Понадобились даже некоторые хитрости с их стороны. Так, отправили их вместе в гости с ночевкой к кому-то из родственников, чем и решили эту проблему. Но, спустя какое-то время, уже будучи на сносях, обнаружила она вдруг в одном из ящиков письменного стола Михаила переписку его с какой-то киевской дамой, которая, оказывается, была за ним замужем и даже, кажется, имела ребенка (стало быть, по этой линии должна быть у нас какая-то, даже не дальняя, родня в Киеве). История эта чуть не кончилась драматически. Бабушка в таком была потрясении от открытой ею внезапно тайны, что тут же собрала вещи и ушла жить в дом к своим родителям. Долго дед Михаил просил простить его, но пощады ему не было, и даже апеллировал он к добросердечию ее отца и матери, но однажды, как рассказывала бабушка, обнаружила она его стоящим у порога родительского дома, куда она от него сбежала, на коленях. «Не знаю, – иронически добавляла она, – полз ли он так по всей улице, как утверждал», но вид имел такой жалкий, что она его простила.

Сам же дед Михаил имел какие-то свои родственные связи с Киевом. Так, как рассказывала моя мама, приезжала к ним как-то в гости какая-то дама из Киева, и, кажется, назвалась его родной сестрой. Была она чрезвычайно важ-

ной и элегантно одетой. Но персона самого деда вообще была для нас столь загадочна, что предполагать какие-то конкретные родственные связи его с кем-то трудно, одни домыслы.

Известно только, что был он весьма образован (знал несколько языков, играл на нескольких музыкальных инструментах, прекрасно рисовал, умел делать плетеную мебель, столярничал, знал военное и конное дело (даже преподавал его), знал фотографическое дело (чем тоже подрабатывал)). В основном же работал преподавателем истории, иногда иностранных языков, в школах, куда относил его с семьей судьба, был иногда и директором школы. По бабушкиным рассказам был он родом как будто из Красноярска. Однажды даже приезжал к ним в гости бородатый старик (так мама вспоминала), который за все время своего многодневного визита ни разу не вышел из дома на улицу, и все время просидел в подвале, что служил Михаилу Ниловичу фотолабораторией. В общем, кем был на самом деле дед Михаил – непонятно. Семью свою (в лице бабушки и двоих своих детей – Володи и Галины) он затаскал по самым заштатным уголкам России и нигде долго не останавливался. Как грустно вспоминала мать, стоило только им где-то более-менее привыкнуть и расположиться с относительным комфортом (а комфорт был разный, если в одном месте дед сам для своей семьи рыл землянку для проживания, а в другом, наоборот, школа предоставляла им чуть ли не старую брошенную усадьбу), он собирался и несся, сломя голову, в новые, непонятные для них всех места, таща их за собой. Чего уж ему не сиделось на одном месте, один Бог ведает.

И странная его склонность к глуши и периферии тоже была несколько навязчива, тем более, что был он человек общительный и интересный.

Во время войны судьба их забросила в Цхакай (в Грузии). Вот там, судя по рассказам мамы и сохранившемуся большому фотоматериалу, пробыли они дольше, чем в других

местах: из-за хорошего ли грузинского вина (а дед любил такого рода возлияния), то ли из-за климата, то ли еще из-за чего. Но, во всяком случае, это хотя бы дало возможность моей маме (младшей их дочери) закончить там благополучно, и даже с золотой или серебряной медалью, школу. Владимир же (их старший сын) в это время уже учился в Военно-медицинской академии в Москве. Бабушка же всегда, хоть и не без иронии, как-то очень тепло отзывалась о доброте грузин, а для моей мамы воспоминания о ее друзьях в цхакайской школе остались самыми радужными за все время ее детства воспоминаниями.

Должна сказать, что, невзирая на весьма скромный бюджет, и сложный, хаотичный образ жизни семьи моей бабушки и ее мужа, были они, несомненно, добрыми и отзывчивыми людьми. Так, часто жил вместе с их детьми и их родственник, племянник бабушки, Сергей Кармилов, который был почти в ровесниках с их сыном Владимиром. Мама рассказывала, как они вдвоем любили смеяться над ее девчоночьими забавами, доставалось ее немногочисленным куклам, и часто шутили над нею, маленькой тогда девчонкой.

Детей же, и своих, и чужих, бабушка, судя по всему, очень любила. Она преподавала в тех же школах, где работал ее муж, в начальных классах. Да и у нее самой характер был добрый, открытый и веселый. Можно сказать – детский. Её вполне можно назвать кротким человеком. Она легко прощала обиды и непонимание, и с ней всегда было душевно, комфортно, тепло.

Во время войны, как она сама рассказывала, рисовала она игральные карты и сама же на них гадала женщинам, что переживали за судьбу своих близких, особенно тех, что были на войне. Как я уже писала, во времена существования немого кино, бабушка работала тапером в кинотеатрах. Кстати, любовь к пасьянсам у нее сохранилась до старости. Она знала огромное количество их (до 18,

кажется). Особенно сложным был пасьянс Марии Стюарт, как она говорила.

Курила же она только дешевые папиросы, так, например, «Беломорканал» считала дорогой маркой. Мои московские кухни вспоминали весьма экзотическую картину из их пребывания у Кирсановых в Подгоренках, наблюдавших бабушку Антонину, восседающей за роялем, стоящем в большой комнате, и играющей какие-то замысловатые музыкальные пьесы, и курящей одновременно папиросы (вероятно, привычка таперов в старом кинотеатре). Девочек положили спать потом под этот рояль рядом с большой обувной коробкой, полной окурков.

К одежде у нее выработалось вполне спартанское отношение, продиктованное самим суровым образом ее жизни. Шила ей, в основном, Анна, моя бабушка по отцу, профессиональная портниха, и у меня такое впечатление, что бабушке Антонине было абсолютно все равно, что на ней одето. Правда, прическа у нее была постоянная, и вот ей действительно придавалось значение. Из своих вечно рыжеватых каштановых, но совсем не густых волос, каждый день терпеливо соорудила она прическу, наматывая часть передних волос на веревочку и образуя что-то вроде валика надо лбом, а остальные закручивала в скромный узел. И так каждый день. Верность юношеской моде? Весьма напоминала ее прическа прически женщин начала века на фотографиях и художественных полотнах того времени.

Совсем иначе выглядела, кстати, одна из ее старших сестер Зинаида, что проживала в самом центре Саратова в старом многоэтажном доме на углу улицы Рахова и Ленинского проспекта (теперь улицы Московской), напротив старых корпусов университета. Она преподавала биологию в школе. Никого, кроме навещавшей ее иногда бабушки и моей мамы, ее племянницы, у нее в городе не было. Она была очень маленькой старушкой с короткой стрижкой и весьма не разговорчивой, в отличие от бабушки Антонины. В ма-

ленькой затененной комнате ее коммуналки было всегда тихо. Ощущение сумеречности усугублялось еще и старинной мебелью, наполняющей ее пространство, и каких-то немногочисленных картин и фотографий в темных старинных рамах. Особенно интересен, конечно, был ее комод с многочисленными самодельными шкатулками из поздравительных открыток, подаренных ее учениками, и изящно дополненных морскими ракушками.

В Энгельсе (городе-спутнике Саратова, бывшей Покровской Слободе, принадлежавшей до революции поволжским немцам со времен императрицы Елизаветы Петровны) жили и другие ее родственники – старший брат Василий, известный глазной хирург, и его жена, двоюродная его сестра (и бабушкина тоже) Антонина. Мы бывали у них в гостях. Они были очень доброжелательные и симпатичные люди. Бабушка ездила туда и для того, чтобы побывать на могиле своего мужа Михаила, который погиб в 57 лет по халатности своего же друга врача, который делал ему операцию по какому-то серьезному поводу. Диагноз оказался ложным, но в результате неаккуратности при проведении операции у деда начался сепсис, от которого он, увы, и скончался. Так его могила и оказалась в черте энгельсовского кладбища. Скромная железная пирамидка с металлической звездой на жерди. Сама же звезда уже после перестройки загадочным образом исчезла (как утверждала удивленная мама, обнаружив кем-то спиленную звезду на местной кладбищенской свалке).

Бабушкино отношение к детям (сыну Владимиру и дочери Галине) было доброжелательным, но разным. Семья сына была ей как-то ближе. Она считала, вероятно, что там ее дом. К нам же она приезжала в гости, и довольно часто и надолго, но именно в гостях себя, наверное, и чувствовала. Ей нравилось у нас бывать, но и уезжала она от нас тоже всегда с удовольствием, именно потому, что там, в Йошкар-Оле, ее всегда ждали.

Часто ездила она с нами в спортивно-оздоровительный лагерь на одном из волжских островов, от НИИ, в котором работал мой отец. Ее внучка Ольга (дочь Владимира) жила у нас все пять лет, что училась на химическом факультете Саратовского университета. К ней все относились по-домашнему, и мне такая старшая сестра была и как подруга.

Мама же моя (ее младшая дочь) была человеком образованным, начитанным, интересующимся искусством, общительным. И друзья у нее были такие же – веселые, легкие, образованные люди. Она вообще легко сходилась с людьми, хотя настоящих друзей у нее было не так уж много. И среди них – семейства инженеров Базаевых, Соколовых, Наймушиных. Вместе они до самой уж старости ходили по театрам, филармоническим концертам, вечерам. Их довольно частые «капустники» отличались остроумием и веселостью. Это были настоящие праздники жизни с импровизациями не только гастрономического, но и театрального характера. Меня же мама с раннего детства препровождала в театры. Наш театр оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского находился в центральном парке рядом с площадью революции и прямо перед ним находился памятник борцам революции – бронзовая композиция из трех вооруженных людей. Для меня было почему-то просто пыткой видеть его. По непонятным причинам я его просто панически боялась, чувствовала за версту приближение к нему и начинала вопить и упираться в асфальт ногами уже у самого музея имени А. Н. Радищева, стоящего в самом начале парка. Для мамы стоило невероятных усилий протаскивать меня каждый раз мимо него к театру, который мы с ней так любили и часто посещали. Так, еще до поступления в школу, только балет «Жизель» мы посмотрели с ней раз восемь, не говоря уже о «Золушке», «Пер-Гюнте», «Корсаре», «Дон Кихоте», «Щелкунчике», «Лебедином озере» «Спящей красавице». Я так любила в антрактах наблюдать жизнь оркестровой ямы, бегать по всем ярусам и ложам, наблюдая

жизнь роскошных театральных залов с разных ракурсов, изучая изысканный своеобразный декор театральных пространств, исследуя всю удивительную жизнь этого огромного здания во всех характерных для него мелочах и деталях, обожала деревянный скрип полов галерки с таинственным полумраком балконов, с плюшевыми бордовыми креслами, медленное затухание лампочек в огромной роскошной хрустальной люстре зала. Водила она меня и в оперу. Запомнилась почему-то лучше всех опера Гуно «Фауст» (вероятно, тоже от многократности посещений, а может быть, и от драматичности сюжета). К тому же в этой опере вторым отделением является балет, почему, наверное, мама и решила меня на нее сводить неоднократно. Я очень любила танцевать с детства. Вероятно, мама заметила во мне эту склонность, но не решилась отдать меня в соответствующее учебное заведение, так как я была очень долговзрой, и мама часто говорила, что с моим гренадерским ростом мне будет трудно найти подходящего партнера-балеруна.

Должна сказать, что моему эстетическому воспитанию и она, и бабушка придавали очень большое значение. Так, например, помню небольшие уроки бабушки и мамы по сочетаемости цветов в костюмах и платьях. Причем самыми вульгарными с их точки зрения являлись зеленое и розовое, или желтое и синее, или оранжевое и фиолетовое. Цвета с их точки зрения должны были гармонировать, а не контрастировать друг с другом – теплое с теплым, холодное с холодным. Ну и совершенно все цвета на свете (по их системе) сочетались с такими «цветами», как черный, серый, белый. Мне, девочке, было это, безусловно, весьма интересно.

Я любила рисовать с раннего детства, испортила деду Ивану всю коллекцию его геодезических книг на чердаке их старого дома на Большой Горной, так как рисовать на полях их страниц вытянутые фигуры в хитонах и венках с длинны-

ми распущенными волосами мне почему-то уже в два-три года доставляло большое удовольствие.

Вспоминаю и наш превосходный кукольный театр в помещении бывшего немецкого готического костела с его волшебным музеем отыгравших свои спектакли кукол-артистов в стеклянных витринах. Они стояли как живые в полумраке прозрачных колб-шкафов в своих импозантных сказочных костюмах. Великолепный этот театр-костел был, к сожалению, разрушен и ушел под стройку бетонной коробки какого-то института, а сам переехал в большое, но скучное современное здание поближе к Волге.

...Были, конечно, и спектакли ТЮЗа, и театра драмы, и даже городского Дворца пионеров, краеведческий музей, ну и, наконец, художественный музей имени А. Н. Радищева. И мама, и бабушка, любили там бывать.

В музее имени Радищева (Боголюбовском) была такая роскошная чугунная лестница, стены и полы его были украшены коврами и шпалерами, а в нишах и на балконе стояли такие красивые саксонские фарфоровые вазы.

Мама обожала искусство. Она считала, что образованный человек должен постоянно что-то читать, ходить по музеям и концертным залам. Отчасти ей удалось привить и нам, всем ее детям, эту любовь. В отличие от бабушки, она любила наряжаться и делала это с элегантностью и изяществом. Но до последнего была идеалисткой (влияние нашей русской литературы, наверное). Так часто на работе она спорила с кем-то, защищая какие-то высокие принципы. Потом обижалась, расстраивалась. Хотя при этом была человеком достаточно мудрым и добрым. Пылкий романтик в ней сочетался с житейской мудростью и даже скептицизмом.

Нам с ней всегда было легко. Она как-то легко входила в наши юношеские проблемы, решая их часто с юмором и пониманием. Все наши друзья любили ее. Совсем и не ощущалось возрастной границы. Вероятно, эту духовную молодость унаследовала она как раз от бабушки.

Почему-то люблю вспоминать я наши дачные вечера на Волге. У нее были, кстати, два любимых дерева на той стороне реки. Она каждое утро общалась с ними внутренне. А нам говорила, что они похожи чем-то на нее и нашего отца. Она очень любила нашу дачу, наш старый скромный дом на Волге и для нее оказалась страшной трагедия его уничтожения после нелепого пожара. Ведь именно там, на даче, она отдыхала душою и могла, наконец, собрать всю свою семью, своих детей и внуков вместе. Она не пережила нашего волжского дома и на год. Вероятно, ее мысли были все время там и все наши попытки успокоить ее, были напрасны. Этот дом на берегу Волги был ее душою, наверное. Трудно быть романтиком в нашей реальности. Все они красивые, чисты... и беззащитны, увы.

Нам так не хватает этих прекрасных и умных женщин. Ведь именно им мы обязаны и нашим прекрасным детством, и тем хорошим, что есть в нас во всех.

Я часто вспоминаю их в трудные минуты. Ведь они всегда помогали нам и защищали от наших внешних и внутренних проблем и печалей. И они навсегда останутся в нашем сердце. И бабушка, и мама были носителями той старой российской культуры, которая и составляет цвет нашей нации, ее гордость и нравственную чистоту. Таких людей не так уж много на нашей грешной земле, и с каждым годом становится все меньше. Надеюсь, что след их пребывания на ней все же не исчезнет. И пусть они не были знаменитыми, великими и какими-то особенными, но для нас они будут всегда – незабываемыми. И, пожалуй, это единственное, ради чего действительно стоит жить.

Бабушка ревниво следила и за моим отношением к матери. Ей часто приходилось объяснять мне, как порой неэтично я поступаю по отношению к ней. И хотя сама она довольно часто обижалась на маму (часто по житейским пустякам), она всегда относилась к ней с трогательной заботой и любовью. У мамы был впечатлительный и своенравный характер,

она часто бывала субъективна, но в ее отношениях с близкими всегда преобладали благородство и самоотверженность.

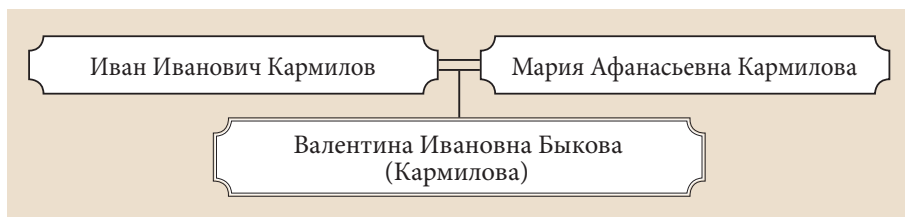
О бабушке и маме можно было бы говорить бесконечно, но, увы, человеческая память так коротка и ненадежна. Но я благодарна Богу, что дал он мне в ранние душевные наперсницы таких славных и добрых людей, способных на высокие чувства и самопожертвование и при этом таких легких в общении, жизнелюбивых, оригинальных, веселых и житейски непритязательных, скромных. Они были нам с сестрой скорее подругами, чем бабушкой и матерью, и дали нам невероятно много в понимании красоты этого мира и той странной, и уже несуществующей, но такой интересной и необычной стране – старой России, ведь только через моих бабушек, их рассказы о ней, а также старания моей мамы, смогла я хоть немного понять и воспринять эту уже утраченную, увы, страну с ее старым укладом, характерами, эстетической и этической культурами.

Алиса Белова (Полякова)

Доброта продляет жизнь

(Из газеты «Пенсия и жизнь» №8 (160))

Никто не знает, кому сколько отмерено жить на этом свете. При теперешней жизни, когда по статистике смертность сильно помолодела, очень редко можно встретить человека, которому почти век. Валентине Ивановне Быковой недавно исполнилось 99 лет.

С точной датой ее рождения некоторая путаница. Родилась она в 1906 году, в паспорте записано, что 27 января. Но поскольку эта дата значилась сначала по старому стилю, потом по новому, родные и близкие поздравляют Валентину Ивановну 23 февраля, в день, когда ее крестили и дали имя Валентина. То ли добрый Ангел-хранитель был дан Валентине Ивановне, то ли дело в ее легком жизнерадостном характере, но она вынесла все испытания, которые жизнь отмерила ей щедрой рукой.

Сначала Валентина Ивановна жила с родителями в Саратовской области, потом с мужем, инженером прожекторного завода, в Москве. В 1941-м, когда немцы подступали к Москве, завод эвакуировали в Йошкар-Олу. Вместе с оборудованием уехал и Борис Яковлевич, уехал и... пропал. Потом оказалось, их занесло снегом, и они никак не могли выбраться. Через год к мужу в Йошкар-Олу с маленькой дочкой на руках приехала Валентина Ивановна. Первое впечатление от города было ужасающим – грязь непролазная,

в центре, около рынка, глубокая яма. Зато природа вокруг замечательная, только не до нее было в те годы.

Но никогда Валентина Ивановна не жаловалась на жизнь и никогда никому не завидовала. Ни тогда, когда знакомый взялся перевезти из Москвы их вещи, и в итоге они лишились всего, оставшись в чужом городе с тем, что было в чемоданах. Ни тогда, когда муж сутками пропадал на заводе (нынешнем ЗПП) или месяцами в командировках, а она с маленькой дочкой на руках работала на том же заводе, а по вечерам за кулечек муки наклеивала хлебные карточки. Или, взяв в одну руку мешок, в другую – дочку, шла сажать картошку. Чтобы дочка не капризничала, раскладывала в траве маленькие кусочки сахара и отправляла ее искать подарки «от зайчика», а сама тем временем копала землю.

Кончилась война, и жизнь постепенно стала налаживаться. Часть «прожекторцев» вернулась в Москву, но Быковы остались. Начальника цеха №21 Бориса Яковлевича ценили на производстве, до выхода на пенсию проработала контролером на ЗПП Валентина Ивановна. Полюбили они марийский край, да и Йошкар-Ола со временем изменилась, похорошела.

Сейчас, говорит Валентина Ивановна, тем более грех на жизнь жаловаться. У нее заботливая дочь, хороший зять, внучка Марина, известный визажист, работает в Москве, лауреат многих международных конкурсов.

У Валентины Ивановны отличная память, она такая же легкая в общении, с юмором, вот зрение только стало немного подводить. Секрет ее долгожительства прост – нужно любить жизнь, любить людей, не изводить себя злобой и завистью, а еще – умеренность в еде. Вот такая она, Валентина Ивановна Быкова, и дай ей Бог встретить свой столетний юбилей и день крещения*.

Наталья Мирошина

* Валентина Ивановна прожила до 108 лет, скончалась 24 апреля 2014 года.

Сестры Кармиловы с друзьями и родственниками за чайным столом.
Крайняя справа – Валентина Ивановна Кармилова (30-е годы)

В. И. Кармилова

В. И. Кармилова

Семья Кармиловых за самоваром. Валентина Ивановна – крайняя слева

Таисия и Валентина
Кармиловы
с племянниками

Иван Иванович Кармилов
с дочерью Валентиной

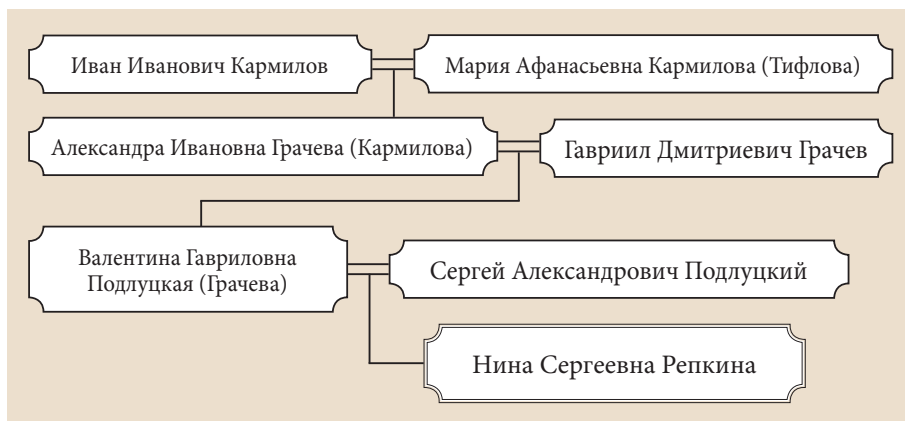
Валентина Ивановна
Быкова (Кармилова)
с дочерью Галиной

Валентина Ивановна Быкова
(Кармилова)

Из воспоминаний Н. С. Репкиной

Я, Репкина Нина Сергеевна, старшая из живущих ныне внучек Кармиловой (Грачевой) Александры Ивановны. 20 мая 2010 года мне исполнилось 75 лет. Родилась я в 1935 году. За долгие годы жизни много всего произошло в жизни страны, и в жизни каждого живущего в ней. Мои дети и внуки давно просят меня написать воспоминания о том, как мы жили, когда были маленькими. Поскольку судьбы семей бабушкиных дочерей Нины и Валентины были тесно связаны, писать буду обо всех: и уже

Репкина Нина Сергеевна

ушедших от нас, и живущих ныне. Говорят, что те, кого мы помним, живут. И это не просто слова. Когда мы встречаемся вместе, то смотрим фотографии, вспоминаем всех. И, кажется, что они незримо присутствуют.

Бабушка и ее сестры учились в Саратовском Епархиальном училище, были выпущены учитель-

Сестры Зинаида и Нина Кармиловы

Нина Ивановна Иваницкая-Василенко (Кармилова) с детьми Таней и Герой (г. Москва, ~1937 год)

Нина Ивановна Иваницкая-Василенко (Кармилова) на вручении медали

*Зинаида Ивановна
Кармилова с племянницей Галиной
Михайловной Поляковой (Кирсановой)*

ницами. Потом Зинаида училась в институте, жила в Саратове, преподавала в школе химию и биологию. Муж у нее был следователем. Нина окончила училище с серебряной медалью, а потом училась в университете на медицинском факультете, но на 3-м курсе советская власть поставила ее перед выбором – или учеба и отречение от отца священника, или исключение из университета. Она выбрала отца. Потом были дети, война, и она всю жизнь проработала старшей медсестрой. Сначала в институте Склифосовского 15 лет, потом в поликлинике Академии наук. Когда праздновали 250-летие Академии наук в Кремле, ей вручили медаль. Остальные сестры работали в школе.

Братья окончили Казанский университет. Владимир начал трудовую деятельность в качестве учителя физики, позже стал доцентом, заведовал кафедрой физики в медицинском институте г. Молотова (теперь Пермь). Он стоял у истоков магнитолечения. Изобретенная им методика успешно применялась для лечения раненых во время Великой Отечественной войны.

Зинаида Ивановна Кармилова

*Сестры Кармиловы: Валентина, Нина и Антонина Ивановны
и сын Нины Ивановны – Герман Петрович Иваницкий-Василенко*

*Валентина Ивановна Быкова (Кармилова),
Герман Петрович Иваницкий-Василенко, Нина
Ивановна Иваницкая-Василенко (Кармилова), Александра Ивановна
Грачева (Кармилова) и ее внучка Елизавета Вячеславовна Мизгулина
(1958 год, Даниловское кладбище)*

Василий закончил Казанский университет в 1911 году (медицинский факультет). Был главным врачом Немецкой республики Поволжья (г. Энгельс, бывшая Покровская слобода). В 1951 году награжден орденом Ленина с присвоением звания «Заслуженный врач РСФСР».

Сергей был учителем русского языка и директором школы.

Бабушка Александра Ивановна в 17 лет получила диплом об окончании Саратовского Епархиального училища (поступила в 1895 – окончила в 1902) и стала работать в селе Елани. Там же она вышла замуж за Грачева Гавриила Дмитриевича. Родились две дочери: старшая Нина 26 ноября (ст. стиль) 1909 года, а 24 ноября 1911 года Валентина. В 1915 году бабушкиного отца из села Новокрещеного, где он служил, перевели в Аткарск. И она с семьей переезжает туда же. Работает в школе, а муж служит приказчиком в магазине. Материально бабушка была обеспечена. Она рассказывала, что получала 25 рублей

Иван Иванович Кармилов с сыном Владимиром (~1935 – 1936 годы)

Александра Ивановна Грачева (1952 год)

золотом, а корова, например, стоила 3 рубля, да и продукты стоили сущие копейки. К каждому празднику у нее были новые занавески, скатерти, дорожки, была хорошая одежда. Бабушка рассказывала, что детей она одевала, как куколок. Сама она тоже одевалась со вкусом. И хозяйкой бабушка была хорошей, прекрасно пекла. Как-то перед праздником она напекла много пирогов и ушла в школу. Дочкам было одной 6, другой 4 года. А по соседству жил охотник, у него были две борзые собаки. Вот девочки и решили их покормить. Кормят, кормят, а они все не толстеют. Одним словом, бабушка приходит, а пирогов-то нет.

Тетя Нина и мама росли вместе с бабушкиными сестрами. Когда родилась тетя Нина бабушкиным сестрам и братьям было: бабушке 25, Василию 23, Владимиру 21, Сергею 18,

Таисии 15, Зинаиде 12, Нине 9, Валентине 3. Тем не менее, несмотря на маленькую разницу в возрасте, мама и тетя Нина, когда рассказывали про свое детство, то всегда называли их тетками. Мама любила рассказывать про те годы, когда все они подросли, уже учились. Вечерами устраивали музыкальные вечера, пели, играли. Ходили купаться на речку, к ним присоединялись и бабушкины братья и сестры. Ходили к поезду сдавать письма, тогда было принято бросать письма прямо на вокзале в почтовый вагон. Это было развлечением. Ходили в церковь, где служил бабушкин отец, Кармилов

Нина Ивановна Иваницкая-Василенко (Кармилова), ее сын Герман Петрович и двоюродная сестра Антонина Ивановна Кармилова (Тифлова)

*Вячеслав Тимофеевич и Нина Гавриловна
Мизгулины с сыном Александром*

*Мизгулин Вячеслав Тимофеевич
(1956 год)*

Иван Иванович, бабушка пела на клиросе. Мама всегда говорила, что у них было хорошее детство. Еще она часто вспоминала, как дедушка, собираясь в церковь на службу, фиксатуарил усы, расчесывал бороду, а мама подглядывала. Тогда он, посмеиваясь, грозил ей пальцем и говорил: «Матери не сказывай».

Жили дружно, младшие уважали старших, а родители были для детей непререкаемым авторитетом. Детей не наказывали. Они росли в любви и заботе. Наша бабушка растила детей одна. Ее муж пил, она долго терпела, но пришлось расстаться.

Дети росли. После окончания школы Нина уехала в Москву на курсы немецкого языка, а Валя пошла на курсы подготовки учителей для школ рабочей молодежи.

Тетя Нина в 19 лет вышла замуж за Мизгулина Вячеслава Тимофеевича, 23 июля 1930 года родился сын Александр.

Мизгулин Вячеслав Тимофеевич – учащийся реального училища

Вячеслав Тимофеевич и Нина Гавриловна Мизгулины

Вячеслав Тимофеевич и Нина Гавриловна Мизгулины

Саша Мизгулин, 9 месяцев (г. Аткарск)

Саша Мизгулин (~ 1932 год)

Мизгулин Вячеслав Тимофеевич
(1920-е годы)

Вячеслав Тимофеевич и Нина Гавриловна Мизгулины с детьми Александром и Лидией. Александра Ивановна Грачева (мать Нины Гавриловны). Г. Сердобск Саратовской губ. (ныне Пензенской обл.) (1940 год)

Двоюродные братья: Саша Мизгулин (слева) и Стасик Подлуцкий (г. Петровск, 1934 год)

Лиля (Елизавета) Мизгулина и Люда Подлуцкая (~1947 год)

Лидя Мизгулина (~ 1941 год)

Александра Ивановна Кармилова с учениками

Подлуцкая (Грачева) Валентина
Гавриловна, дочь Грачевых
Гавриила Дмитриевича
и Александры Ивановны

Стоят: Антонина
Ивановна Кирсанова
и Александра Ивановна Грачева.
Сидят: Валентина и Нина Грачевы

Семья Мизгулиных
(~1951 год)

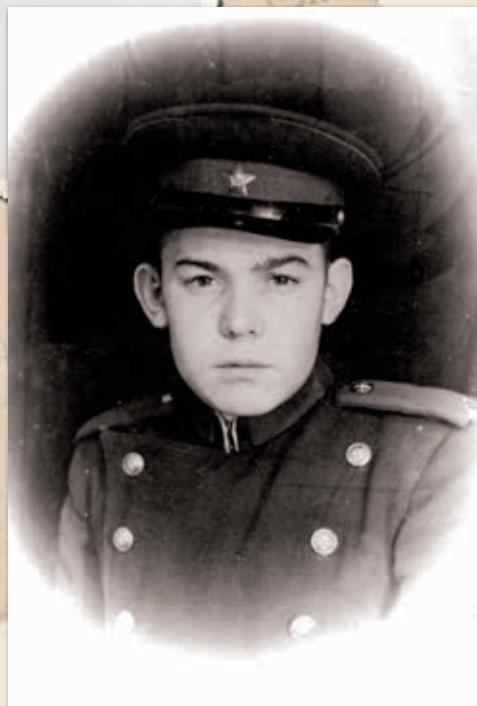
Подлуцкие Нина и Люба (1939 год)

Мизгулин Вячеслав
Тимофеевич

*Сестры Мизгулины:
Елизавета, Галина
и Лидия (~1956 год)*

*Мизгулин
Александр Вячеславович
(служба в армии, 1951 год)*

Тетя Нина с бабушкой, мужем и сыном жили в Саратове. И мама жила с ними. Вскоре она вышла замуж за Подлущкого Сергея Александровича. Он окончил Ленинградское артиллерийское училище, был в Саратове в служебной командировке. Здесь они и познакомились. 24 ноября 1931 года родился сын Станислав. Саша и Стас росли вместе как родные братья, их и одевали одинаково, они ходили в один детский сад.

*Детский сад в г. Петровске
Саратовской области. Крайний справа –
Саша Мизгулин, четвертый справа –
Стасик Подлущкий (1936 год)*

Муж у тети Нины был святой человек, добрый, отзывчивый на чужую беду, очень порядочный. Мама, пока не вышла замуж, жила в семье тети Нины и дяди Вити (так все мы – дети звали Вячеслава Тимофеевича).

В 1934 году мама с отцом уехали в Пензу, где он заканчивал военное училище после ленинградского. Отец ждал назначения в часть и еще не знал, куда пошлют. 20 мая 1935 года в Пензе родилась я (Нина). Жили в общежитии, Станислава взять было некуда и он пока оставался в семье тети Нины и дяди Вити под опекой бабушки – нашего светлого ангела-хранителя. Отец получил должность командира части в Ленинград. Поселились в общежитии семейного типа: это длинный коридор и по обе стороны двери в квартиры. В конце коридора огромная кухня, плита с большим количеством вьюшек и над ней навес-вытяжка. Белье сушили на чердаке.

1 августа 1937 года родилась Люба. Родилась она в Парголово, где полк отца был в летних лагерях, а маме со мной и Любой снимал дачу, чтобы не оставлять маму одну

в Ленинграде. В апреле 1938 года бабушка привезла Станислава в Ленинград, потому что мальчики (Саша и Станислав) подросли и с ними тяжело стало справляться. Станиславу в это время шел седьмой год, его надо было готовить к школе, да и нужно было привыкать жить в родной семье.

Он быстро завел друзей среди солдат, иногда с утра до вечера пропадал в казармах, на плацу. Бывало, что и обедал в солдатской столовой. Иногда приносил галеты, которые мама очень любила. Приходилось ему и за нами приглядывать, когда маме нужно было спуститься в магазин. Мама рассказывала, что она ежедневно покупала целое решето фруктов. Видимо, это было недешево, потому что однажды продавец спросил маму: «А у вас муж не генерал?» Мама отшутилась. Станислав бегал в магазин с записками за продуктами, его уже все знали и любили.

*Подлуцкие Сергей Александрович
и Валентина Гавриловна. Отдых
в Финляндии (лето 1939 года)*

*Подлуцкий Сергей Александрович
с дочерьми Ниной и Любой
(Финляндия, 1939 год)*

Отец редко бывал дома, особенно летом, когда полк был на учениях. У него был гаубичный полк, это тяжелая артиллерия, много лошадей. За всем он следил лично. Рассказывали, возьмет чистый платок, проведет по крупу лошади и, не дай Бог, увидит пятно. А уставал так, что мог заснуть на ходу. Однажды проверял сараи с лошадьми в летних лагерях, не выдержал и заснул на какой-то лавке. Загорелась солома. Стали тушить, вестовой еле добудился отца и сказал, что пожар. Отец спросил: «Сапоги не горят? Вот когда загорятся, тогда будите».

Мама управлялась с нами одна, но когда в 2 года я заболела скарлатиной и меня положили в больницу, то ко мне приезжал только отец. Маме не разрешили, так как она ждала ребенка.

Но когда отец имел возможность побыть дома с детьми, то был «дым коромыслом». Он любил петь «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой». Мы, дети, любили ползать по животу, скакать на нем. Все визжали от радости. К сожалению, это было редко. А когда отец с друзьями могли (тоже очень редко) собраться отдохнуть, то брали бутылку шампанского и пели, разговаривали, шутили, смеялись. О пьянстве тогда и не помышляли. Было строго, частые проверки. Мама рассказывала, что в 1937 году, как раз только Люба родилась, приезжали с инспекторской проверкой Буденный с Ворошиловым. После осмотра казарм, столовой, медсанбата пошли проверять, как живет офицерский состав. На кухне открывали кастрюли, а в комнатах не постеснялись на кроватях проверить постельное белье. А у мамы занавески были из марли, но чистота и порядок были всегда. Люба была в кроватке, а меня Буденный взял на руки и подержал. Мама рассказывала, что отец после проверки получил благодарность и поблагодарил всех жен офицеров, что не подвели.

Врезалась в память картина – мама кормит Любу. Она очень любила покушать, особенно тюрю. Это делалось так:

мама в чашку крошила булку, сыпала сахар и заливала горячим молоком. Накрывала чашку блюдцем, и когда содержимое остывало, переворачивала на блюдце. И Люба все это съедала. Иногда она не доедала, тогда она поднимала ножки на стол. Это значило, что она сыта. Люба росла спокойной, была толстушкой, любила поспать. Мама ее звала «Любастик». А я была серьезной, мама звала меня «хмурое утро».

Летом 1939 года отец с семьей отдыхал в Финляндии. Там лечились раненые. Это было небольшое местечко Токиярви. Мы жили в домике, похожем на дачный. Для детей был гамак. Было много грядок с зеленью, был колодец вровень с землей, а по краям ограничен камнем. Однажды я наклонилась над ним и чуть не нырнула. Слава Богу, кто-то увидел. Отец прислал своего вестового, и он сделал закрышку. В поселке было несколько магазинчиков, когда финны оттуда уходили, они все переломали. Мама рассказывала, что жены некоторых офицеров набрали там себе одежды. Это дошло до отца, и он приказал немедленно все сдать для чистки губиц. Больше таких случаев не было. Конечно, были недобровольные, но пришлось подчиниться.

Осенью 1939 года часть после отпуска вернулась в Ленинград. В январе 1940 года бабушка приезжала к маме, чтобы помочь ей, так как 20 января 1940 года мама родила двойняшек. Одна из девочек родилась мертвой, ее мама назвала Марией. Вторая девочка Люда родилась слабенькой. Да еще дома трое маленьких детей. Вот отец и попросил бабушку приехать к нам. Но скоро бабушка уехала, так как в июне 1941 года должна была родить тетя Нина и ей тоже нужна была помощь. В это время главным помощником для мамы стал Станислав. Он и за нами присматривал, и в магазин бегал. А было ему 9 лет.

Уже начали ходить смутные слухи, военным не разрешали уезжать в отпуск. Все чего-то ждали.

И вот 22 июня 1941 года – день начала войны.

Мама одна с четырьмя детьми. Да еще кошка с котятками. И о ней тоже надо заботиться. Со дня объявления войны начались воздушные тревоги. В день по несколько раз. Мама рассказывала, что сначала она спускалась с нами в бомбоубежище, а потом решила – будь, что будет, и перестала. И она рассказывала, что перед тем, как включают сирену, кошка собирала котят на кровати, прятала их под подушку и вместе с ними лежала. И только она их спрячет, как раздается вой сирены.

Начались разговоры об эвакуации детей. Составлялись списки. Мы трое, кроме Люды (она оставалась с мамой), должны были быть отправлены на пароме. Мама стала нас готовить к отъезду. Всем на запястья были надеты клеенчатые бирочки с фамилией, именем, отчеством. У всех панамы, на спину рюкзачки (мама сама шила). В назначенный день мама повела нас на пристань, от которой должны были отходить паромы (их было 2). Там крики, плач, толчея, детей от матерей оторвать не могут. И мы в маму вцепились, ревим. Мама посмотрела на все это и решила: «Погибнем, так все вместе». И увела нас домой. Это был август. Потом мама узнала, что как только паромы отошли, немцы начали сильнейшую бомбежку. Оба парома затонули, все дети погибли. Так мама подарила нам вторую жизнь. А дальше что делать? Поезда ходить перестали, выехать было невозможно. А отец хоть и был недалеко от Ленинграда, помочь не мог. И вдруг 8 сентября он смог вырваться, приехал, схватил нас и куда-то повез. Мама успела только собрать документы и кое-что из одежды, фотографии. Кошку с котятками и ключ от квартиры отдали соседке. Нас привезли на какую-то станцию под Ленинградом, там загружали лошадьми воинский эшелон, который шел на Москву. Кое-как через окно нас посадили. В дороге часто бомбили, но как-то доехали до Москвы. Там мы попали в распределитель. Но поскольку мы ехали в Пензу (т. е. нам не надо было искать место, где бы нас могли принять), то нас поместили в детскую комнату на вокзале. И здесь Люба заболела с высокой температурой. Ее поме-

стили в изолятор. Мама рассказывала, что хоть она и переживала из-за Любы (так как к ней не пускали), но зато она знала, что как только Люба поправится, она с детьми поедет в Пензу к бабушке и тете Нине, которые нас ждали.

9 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Нас уже перестали ждать, решили, что мы не выехали из Ленинграда. Когда мы приехали в Пензу, нас никто не встречал. Тетя Нина потом рассказывала, что она шла в магазин и вдруг видит, что едет лошадь с телегой, а в ней сидит женщина с ребенком на руках, беременная и по бокам дети. Тетя Нина опрометью бросилась за бабушкой. А у мамы из вещей всего один небольшой чемодан. И всех надо было разместить, накормить. В то время это был настоящий подвиг. Самое большое бремя забот и ответственности легло на бабушку, хотя мама и тетя Нина ей помогали. Дядя Витя ни разу не высказал недовольства нашим приездом. Наша семья состояла из 11 человек. И всех нужно было накормить и спать уложить.

Дядю Витю назначили начальником политотдела Лопатинской МТС. Все вместе поехали в село Лопатино Пензенской губернии. В Лопатине жили до июля 1943 года. С питанием было плохо. Вещи, которые еще оставались у тети Нины, выменивали на пшено, муку. Как-то весной мама с бабушкой пошли в деревню в надежде достать пшена. В деревню шли, речку переходили по мостику, а назад возвращались, ледоход пошел и мостик снесло. Пришлось переходить вброд. И хотя речка была не широкая, но вода ледяная, и мама сильно застудила ноги. С тех пор ноги у нее постоянно опухали. Пшено они принесли, но выменять пришлось на гимнастерку, которая была на маме надета. Деньги были обесценены, только на вещи можно было что-то выменять. Использовали в пищу жмых, которым кормили скот. Это такой прессованный пласт шелухи от семечек подсолнечных, в нем попадают целые семечки и уже очищенные. Нам давали по куску, мы кро-

Учителя школы г. Петровска, в нижнем ряду крайняя слева – Н. Г. Мизгулина

*Учителя школы г. Петровска, 40-е годы.
В среднем ряду крайняя справа – Н. Г. Мизгулина*

шили и что-то находили. Еще ели всякие травы, особенно чернوبель. Лебеду ели. Привозили горох зеленый после того, как его цепами обшелушили. Попадались стручки с недозрелыми горошинами. Еще с пустых стручков снимали жесткую шкурку, под ней была мягкая. Вот ее и ели. Картошку варили в шкурке, чтобы не терять лишнего. На суп чистили тонкой стружкой, потом эти шкурки варили, очищали и ели. В Лопатине маме дали небольшую комнатку. Прожили мы там полтора года. Дом был огорожен забором, у соседей были гуси и куры. Люда там начала ходить, она долго не ходила, а тут вдруг встала с табурета и пошла – как Илья Муромец – смеялась мама. С этого момента она стала набирать силу, поправляться и скоро ничем не отличалась от сверстников. А с Любой был такой случай. Ранней весной мама одела ее в теплое пальто и меховую шапку и посадила на завалинку. Она сидела, смотрела на гусей и незаметно уснула, свалилась с завалинки и даже не проснулась. Гуси стали выклевывать мех из шапки. Выклевали довольно большое пятно, потом ходила в лысой шапке. Это свойство засыпать мгновенно было у нее всю жизнь.

В 1943 году, летом, дядю Витю перевели на новую работу, и все переехали в г. Петровск Саратовской области. Были каникулы, и нас поселили в спортивном зале школы №6. Спали на спортивных матах. Прикрепили к столовой, там нам давали суп, целое ведро. В основном это были щи из свекольных листьев. К началу учебного года маме, как эвакуированной, дали комнату, где мы и жили, пока не разъехались учиться. А мама в 73 года получила однокомнатную квартиру. Мизгулины с бабушкой какое-то время жили на квартире в небольшом домике, а потом на втором этаже кирпичного дома. Там была одна комната и кухня, но зато огромная веранда, где все дети играли.

В сентябре 1951 года дядю Витю назначили вторым секретарем РК КПСС в Аркадак. Они выехали срочно, так

Нина Гавриловна и Вячеслав Тимофеевич Мизгулины (~ 1944 год)

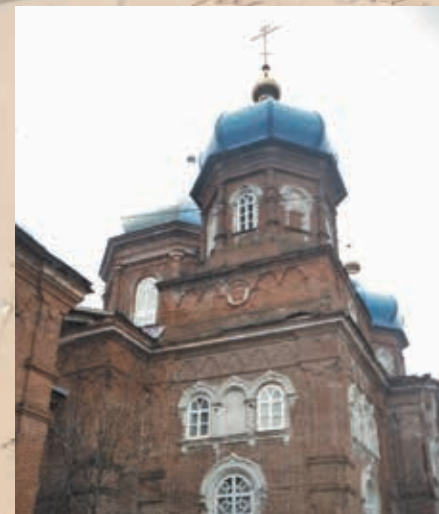
Здание бывшей Духовной семинарии в г. Петровске

Старое здание в г. Петровске

Покровская церковь (г. Петровск, Саратовской обл.)

как уже начались занятия в школе. Даже не успели выкопать картофель. Мы с мамой выкопали, а потом дядя Витя приехал и забрал.

Дядя Витя, когда они уезжали из Петровска, предложил маме переехать в их квартиру. Но на его место был назначен новый человек, и ему дали хорошую квартиру. Но он не захотел жить с родителями и решил поселить их в бывшую квартиру дяди Вити. А нас, маму с четырьмя детьми, выбросили на мороз. Хорошо хоть, никто не занял нашу комнату. Вот так относились к детям погибшего на войне героя. А еще мама много раз просила дать ей хоть какую-нибудь работу, но все напрасно. Ей нагло глядели в глаза и так же нагло отвечали, что у них даже для своих работы нет.

Итак, с 1943 по 1951 год обе семьи жили в Петровске. Я из девочек была старшей, в 1943 году пошла в первый класс. Школа была далеко от дома (теперь там музыкальная школа). На следующий год, когда я пошла во второй класс, со мной взяли Любу в первый класс, чтобы ее подкормить (давали подсоленную манную кашу на воде). А учебки с нее не спрашивали, она просто сидела в классе. Но что-то она запоминала, и в первом классе, уже как ученица, она училась неплохо.

Два года, как шла война. Но здесь она не ощущалась, так как было тихо, не было бомбежек, рядом была мама, был свой дом, где все мы были вместе. И рядом были бабушка, тетя Нина, дядя Витя и их дети. И хоть комната была крошечной, все-таки мы не думали, что живем тяжело.

20 сентября 1943 года погиб отец. Мама получила похоронку, и мы первый раз видели, как она плакала. Больше ее слез мы не видели никогда. Надо было заботиться о детях, собрать волю в кулак и продолжать жить. В октябре приехал с фронта ординарец отца, привез целый чемодан обуви и рассказал, как погиб отец. Шел бой и бомба попала прямо в блиндаж. Ему оторвало руку. А накануне он был в Ленин-

граде в своей квартире и рассказывал соседке, что видел сон, что погибнет именно так.

Поскольку одежды купить было негде, нам оказали гуманитарную помощь из Америки. Мне и сестрам дали по платью изо льна, а маме шубу из морского котика, и осеннее пальто. Мама долго носила эти вещи. Еще спасало то, что мы ходили в школу в формах, и к форме было два фартука: белый – праздничный и черный – повседневный. Это всех уравнивало, только фасоны были разные.

Когда мы стали жить отдельно, у нас ничего не было. Тетя Нина дала маме кастрюлю и пару тарелок. У них у самих ничего не осталось; что можно было – обменяли на продукты. Солдатские кровати с матрацами, набитыми соломой, маме выделили через военкомат. Освещения не было. Мама сделала коптилку из пузырька, ставила ее посреди стола, и мы учили уроки. Потом где-то мама достала керосиновую лампу со стеклом. Стало посветлее, а на стекле мы «гладили» ленты, обмотав вокруг стекла. Еду готовили на примусе. За керосином были огромные очереди на базаре. Кто-нибудь из нас шел и занимал очередь, а мама приходила позже. Постельное белье мама стирала в бане в «семейном» номере. Она брала билет на две очереди, мыла нас, потом стирала белье и мылась сама. В бане был теплый предбанник, там мы сидели и ждали маму. Когда мы подросли, то одни ходили в баню. Когда мама купила корыто, это был праздник. Теперь мама грела воду на примусе и могла стирать каждый день. Потом появились два ведра, правда, они были очень тяжелые. Воду брали из колонки. Напор воды был очень маленький, а очереди длинные. Мама отправляла нас с Любой занять очередь. Мы помогали маме нести воду. Женщины стирали дома, а полоскали летом на речке с мостков, а зимой в проруби. Потихоньку стали приобретать хозяйственные вещи. Наш сосед работал на посудном складе, там распределяли посуду по детским садам, школам, больницам. Вот он маму приглашал на разборку посуды, оформлял ее

в штат, чтобы заплатить хоть сколько-нибудь. А главное, помог с посудой. И у нас наконец у каждого была своя тарелка под первое, стаканы, ложки, вилки, бидон для молока. Потом случайно на барахолке мама купила уют, который разогревался углями. Откидывалась крышка

Дом, где жила Валентина Гавриловна Подлуцкая (Грачева) с детьми: Станиславом, Ниной, Любовью и Людмилой (г. Петровск)

и во внутрь засыпался древесный уголь. Утюг разогревался и им гладили, но легко можно было угореть.

За нашим домом был участок, на котором росла вишня, и еще мама посадила картошку, огурцы, помидоры, зелень, подсолнухи. И по всему периметру росла чудесная персидская сирень. У мамы всегда стоял букет. Мама впервые имела дело с огородом, но ее научили, как все делать, и она с удовольствием этим занималась. Это было лето 1944 года. Мы еще подросли, могли уже принести воды из колонки в бидоне, сходить в магазин за хлебом. Хлеб давали по талонам (мы на всех получали небольшую буханочку черного хлеба). Я вот не помню, а мама рассказывала, что я никогда сразу хлеб не съедала, прятала, а вечером свою норму делила на всех. А еще у нас дверь была обита мешковиной, мы с мамой там прорезали дырочку, и по договоренности с мамой, если за хлебом ходила я, то отрезала от буханочки корочку и прятала в эту дырку. А вечером мама спрашивала: «А не принесла ли лисичка хлеба?» Я шла и приносила. А если за хлебом ходила Люба, «лисичкиного хлеба» не было. Это был наш с мамой секрет.

В магазине, где мы покупали хлеб по карточкам, стали появляться кое-какие продукты. Чай фруктовый прессованный, его зальешь кипятком, и получается компот. А еще мы его ели сухим, грызли. Стали делать конфеты-подушечки. Мы часто покупали понемногу. Если повезет, можно было купить муку. Тогда мама пекла оладьи и пирожки. Одним словом, жить стало легче. Продукты хранили в погребе. Весной в ледоход на берегу реки пилили лед на куски, его продавали и развозили по дворам, и помогали спускать в погреба. Лед закрывали соломой. Когда мама достанет из погреба молоко топленое холодное, то с оладьями – вкуснотища!

Подлуцкая Валентина Григорьевна, дочь Любовь Сергеевна и внучка Елена (г. Петровск, 1967 год)

А еще у нас во дворе всегда собиралось много детей. Двор был достаточно большой, играли в лапту, вышибалы, городки, штандор. Иногда и взрослые к нам присоединялись. Они же ведь были совсем молодыми. Или ходили на речку купаться. Сначала учились плавать на мелководье. Из нас всех только Люба не научилась плавать. Она всегда была неспортивной, физкультуру не любила, ходила плавно, как пава. Мама рассказывала, что когда моя трехлетняя дочка жила у нее летом, и она ее посылала за калитку – посмотреть – не идет ли Люба на обед,

та, увидев тетку, бежала к бабушке и говорила: «Бабушка, тетя Люба плывет, плывет!» Люба была очень доверчивой, никому не делала зла. Однажды, она уже училась во втором классе, была зима и соседская девочка предложила ей лизнуть металлическую ручку от калитки, естественно язык прилип. Она – в рев, мама услышала, водой отлила, но язык болел долго.

Наши младшие (Люда и Лиля) подросли, их можно было уже брать на прогулки. И вот бабушка собирала нас всех и отправлялась с нами гулять. Чаще всего ходили в сосновый бор. Там росли корабельные сосны. Бабушка брала с собой ведерко, и мы собирали шишки для самовара. Пока шли, бабушка нам рассказывала, как называются цветы, травы. Нам все было интересно. А домой приносили букеты цветов.

Мизгулина Лиля (Елизавета)
(~ 1945 год)

Подлуцкая Люда
с соседским мальчиком (~ 1948 год)

Петровск 1-я женская С.Ш.

г. Петровск, 1-я женская средняя школа

Слева направо: А. И. Грачева, Н. Г. Мизгулина, В. Т. Мизгулин, их дочь Галина, Кирсанова (Кармилова) Антонина Ивановна, ее невестка Лина с дочкой Олей (с. Подгоренка, Саратовская обл., 1952 год)

И еще бабушка нам рассказывала обо всех своих братьях, сестрах, их детях.

С октября 1939 года по январь 1942-го Мизгулины жили в Пензе, здесь дядя Витя работал лектором Пензенского областного комитета ВКП(б). Здесь родилась дочь Елизавета 22 июня 1941 года. Сюда же приехала и мама из Ленинграда в сентябре 1941 года. Выше я описывала, как мы жили во время войны. Шел последний год войны. Летом 1945 года по сравнению с началом войны мы повзрослели, но чего это стоило нашим бабушке, маме и тете Нине! Итак, нам стало в 1945 году: Саше 15 лет, Лиде 7 лет, Лиле 4 года, и 6 июля 1945 года родилась Галя, у мамы: Стасе 14 лет, Нине 10 лет, Любе 8 и Люде 5 лет.

*Мизгулин Александр
(слева) (1947 год)*

В те годы в школу брали с 8 лет, образование было 10-летнее. В начальной школе учились вместе девочки и мальчики, в средней школе обучение было раздельное. В городе была очень хорошая женская школа, учителя были сильные, знания давали хорошие. Школа помещалась в здании бывшего реального училища. Были очень широкие коридоры, шикарный актовый зал, окна очень высокие, арочные. В 1947 году я поступила в пятый класс, и в 1953 году окончила школу. Когда я училась в восьмом классе, в пятый класс после начальной школы поступила Лида, я была у них вожатой. Жизнь в школе была очень

интересной, постоянно были вечера, мы все время репетировали что-то. В девятом классе к нам в класс пришла девочка, она с родителями приехала из Средней Азии, там она училась в балетной школе. Она стала с нами заниматься. Так мы разучили «танец маленьких лебедей», с ним мы даже в воинском клубе выступали, танец с лентами, «пирамиды». Я, как самая легкая, всегда наверху «пирамиды» была.

Младшие сестры подрастали, стали учиться. Люба всегда все уроки устные рассказывала маме. Чаще всего вспоминается такая картина: мама топит печку или готовит обед, а Люба сидит на маленькой скамеечке и ей рассказывает выученные уроки. Они с мамой всегда были лучшими подругами. А Люда росла независимой. Мама знала всех наших подруг и всегда была в курсе наших дел.

Станислав после окончания школы уехал в Са-

*Подлуцкая (Грачева) Валентина
Гавриловна
(1947 год)*

*Нина Сергеевна Подлуцкая на каникулах
в г. Петровске,
после первого курса (~ 1955 год)*

ратов в ремесленное училище, потом работал на заводе. Доработал до отпуска, отдохнул, и его взяли в армию, служил он в пограничных войсках в Бахардене. После службы в армии пошел работать в милицию. Жил он у Мизгулиных, поскольку в нашей комнате не было места даже на полу, чтобы положить матрац.

В 1953 году я окончила школу. Поехала в Саратов поступать в пединститут на филологический факультет. В этот год вне конкурса зачисляли 150 человек из Китая, поэтому проходной балл был 25, а я историю сдала на «4», поэтому недобрала один балл. Мне предложили остаться кандидатом, я согласилась. Жила я во время сдачи экзаменов у тети Зины Кармиловой (бабушкиной сестры). Она жила одна, очень плохо видела, было ей 48 лет, она была на пенсии по выслуге лет (учитель). У нее была крохотная комната в трехкомнатной квартире. В комнате был сундук (гостевой), ее кровать и длинный стол со стулом. И все равно все находили у нее уют. Мама, когда ездила в Саратов на пересмотр пенсии, у нее останавливалась. У нее же я встретилась с тетей Тоней, другой бабушкиной сестрой. Она с внучкой Олей приезжала из Подгоренок навестить лежавшего в больнице мужа, Михаила Ниловича. Оле было четыре года, но она хорошо играла на пианино, соседка тети Зины ей разрешала. Обе сестры были очень добрыми, заботливыми, а тетя Тоня курила и была веселой, несмотря на нелегкую жизнь.

Когда я ехала к первому сентября на занятия в институт, у меня украли в поезде все документы, нужно было их восстанавливать. Решила забрать документы из института и поступать на следующий год. В линейном отделе милиции мне выдали справку о пропаже, и я в Петровске получила паспорт. Мама позвонила тете Нине в Аркадак, чтоб меня приняли в педучилище, один год я там проучилась, а потом поехала поступать в Балашовский пединститут. Я поступила, нашла квартиру, а по воскресеньям ездила к бабушке и тете Нине. Они всегда хорошо меня встречали, я тоже радова-

*Мизгулины. Верхний ряд: Лидия и Елизавета.
В центре: Галина (Аркадак, Саратовская обл., 1952 год)*

*Лидия Вячеславовна
Мизгулина*

*Семья Мизгулиных (слева направо): Галина, Вячеслав Тимофеевич, Елизавета,
Нина Гавриловна и Александра Ивановна Грачева
(р.п. Мучкапский, Тамбовская обл., 1957 год)*

Мизгулин Александр Вячеславович (~ 1964 год).
Одна из последних фотографий

Мизгулин Александр Вячеславович с женой Ларисой Семеновной Гришиной и сыном Дмитрием (~ 1961 год)

Подлуцкий Станислав Сергеевич с женой Александрой Егоровной и дочерью Ольгой (~ 1960 год)

Мизгулин Александр Вячеславович с женой Ларисой Семеновной Гришиной

Мизгулина Елизавета Вячеславовна (80-е годы)

Подлуцкая Любовь Сергеевна (1956 год)

Подлуцкая Людмила Сергеевна (~ 1960 год)

Подлуцкая Валентина Гавриловна

Подлуцкая Валентина Гавриловна
с сыном Станиславом

Подлуцкая Валентина
Гавриловна с внуком Витей

Нина Репкина (Подлуцкая) с мужем
Геннадием Репкиным и сыном Виктором

Семья Подлуцких. Слева направо: жена Станислава Сергеевича Подлуцкого –
Александра Егоровна, Людмила (младшая дочь Валентины Григорьевны Подлуцкой),
Валентина Григорьевна Подлуцкая (Грачева) с внучкой Олей (дочкой Станислава
Сергеевича). Внизу: Репкина Нина Сергеевна с сыном Витей и Подлуцкая (Баданова)
Любовь Сергеевна с сыном Сергеем, г. Петровск (лето 1958 года)

Подлуцкая (Грачева)
Валентина Гавриловна

лась встрече со всеми. Когда я училась в педучилище, и жила у них в Аркадаке год, я чувствовала, что живу в своей родной семье. Лида училась уже в седьмом классе, она всегда была отличницей, мы с ней дружили, с ней всегда было интересно общаться, она много читала, много знала. Лиля училась в четвертом классе, она очень хорошо рисовала. А Галя училась в первом классе. Однажды к нам домой приходит Галина учительница и просит бабушку, чтобы она поговорила с ней: оказалось, что та говорила «ложить», вместо «класть», а Галя говорила в таких случаях потихоньку, но так, чтобы та слышала: «класть, класть». Бабушка пообещала, а учительнице посоветовала следить за своей речью.

Наша бабушка была главным человеком в доме. Все заботы о доме и детях лежали на ней. В доме было очень уютно, чисто. Во дворе жила большая овчарка Найда и сибирская голубая кошка. Она по утрам, когда бабушка готовила завтрак, кусала ее за пятки – требовала сырой картошки и соленого огурца.

В Аркадаке жили до октября 1956 года. Дядю Витю назначили директором птицекомбината в рабочий поселок Мучкапский Тамбовской области. Только как-то прижились в Аркадаке, дети привыкли к школе, нашли подруг и опять переезд! Лида в это время училась в Харькове в Политехническом институте, Лиля в девятом классе, Галя в пятом. Я в это время училась в Балашове в Пединституте, Люба училась в Саратове на бухгалтерских курсах, которые окончила на одни пятерки. Причем одновременно со сдачей экзаменов, она поступала в Экономический институт (на заочное отделение), успешно сдала экзамены, поступила, а учиться не смогла по семейным обстоятельствам, о чем потом очень сожалела и всегда говорила: «Мне бы образование высшее, я бы большим человеком стала». Хотя по масштабам Петровска она занимала хорошие должности – была заведующей горархивом, работала в архитектурном отделе. Люде было пятнадцать лет.

Грачева Александра Ивановна

Теперь общение шло в основном через письма, новости узнавали из маминых писем (она вела интенсивную переписку с бабушкой и тетей Ниной). Жизнь шла своим чередом. Наши маленькие (Люда, Лиля и Галя) тоже окончили школу. Люда после школы три года работала на заводе, потом поступила в Саратове в авиационный техникум. Закончила, и ее направили в Иркутск, где я в то время жила (1963 год), а потом в Якутию, в город Мирный. Лиля окончила пединститут в городе Мичуринске (учитель начальных классов). Работая в школе более тридцати лет, она заслужила звание «Отличник народного образования». Галина окончила МИИЗ (архитектор сельских населенных мест), жила в Ростове-на-Дону. Саша, после службы в армии, уехал в Мурманск, стал полярником. А Станислав по возвращении из армии окончил школу милиции, а позже пошел работать инкассатором в банк. О нем, как о лучшем инкассаторе, писала областная газета. Был народным заседателем, занимался вопросами экологии.

Я окончила Саратовский пединститут, вышла замуж, еще когда училась. Люба после окончания училища поехала работать в деревню бухгалтером. А наши «старики» остались жить одни. Мама осталась одна, но рядом был Станислав. А вот после смерти дяди Вити бабушка с тетей Ниной остались жить одни в Мучкапе. Мама осталась вообще без средств к существованию, потому что только воспитала

четырёх детей, а за погибшего мужа ей не платили. Только в 1980 году, когда ей было 69 лет, ей назначили пенсию за мужа. А до этого мы (дети) помогали, как могли. И тетя Нина с бабушкой жили не лучше.

Позднее у всех нас, бабушкиных внуков, появились семьи, родились дети. Бабушка умерла 1 января 1980 года, к этому времени все выросли, она всех знала, всех любила, все правнуки сохранили в памяти встречи с ней. Прожила она 95 лет. Она нам рассказывала, что часто видит один и тот же сон: на телеге едут «папаша» и «мамаша» и говорят ей: «Саня, ну что же ты так долго не идешь к нам, мы тебя уже заждались. Все с нами, и Тая, и Володя (всех братьев и сестер перечислили), а ты все не идешь!» У нашей бабушки было двое детей, десять внуков, четырнадцать правнуков, двадцать один праправнук и две прапраправнучки. Всего 49 человек. Вечная ей память!

О Сергее Александровиче Подлуцком – муже Валентины Гавриловны Грачевой (Подлуцкой)

Сергей Александрович Подлуцкий родился в 1908 году на Украине, в городе Сумы. Отец его был военным врачом, мать Елена Сергеевна была учительницей. В семнадцать лет Сергей поступил в Ленинградское военное училище, после его окончания поступил в Пензенское военное артиллерийское инженерное училище и окончил его. У Сергея Александровича большой послужной список руководящих должностей в армии. Прошел Финскую кампанию, за нее был награжден орденом «Красная звезда». Был участником обороны Ленинграда, командовал артиллерийской 45 гвардейской дивизией и пал в бою на Синявских высотах под Ленинградом.

*Подлуцкий Сергей Александрович
(муж Подлуцкой (Грачевой)
Валентины Гавриловны)*

Сохранились письма его друзей – однополчан, в которых они очень тепло вспоминают о нем. Вот выдержки из этих писем:

Кадацкий Семен Захарович, гвардии полковник: «...В феврале месяце я получил назначение на должность командира артиллерийского полка, которым командовал Ваш

отец, а он получил назначение на должность командующего артиллерией 70 СД. И так под началом Вашего отца воевал вместе с ним.

Что можно сказать о Вашем отце? Это он в тяжелое время первого периода войны (июнь – декабрь) сумел выйти из окружения, вывести личный состав полка, проложить по болоту деревянную гать – дорогу по болоту – и вывести всю материальную часть (орудия и тягачи) полка и прибыть под Ленинград боеспособной частью. Он был бесстрашным в бою и личным примером воодушевлял на боевые подвиги личный состав.

*Сергей Александрович Подлуцкий
получает награду на фронте*

Он был любимцем нашего полка. Будучи требовательным к себе, он был очень требовательным к своим подчиненным, но вместе с тем и справедливым, и заботливым товарищем – этим он снискал себе заслуженную любовь всего личного состава артиллерии дивизии.

Смерть Вашего отца вызвала у нас общее горе и печаль, что трагическая смерть вырвала преждевременно из наших рядов нашего боевого товарища и личного моего друга.

Он погиб, находясь на наблюдательном пункте, когда в наблюдательный пункт произошло два прямых попадания тяжелых артиллерийских снарядов, от которых он погиб».

Карпекин: «...Особый талант командира, начальника артиллерии соединения, твой отец проявил в обороне Ленин-

града и пал в бою смертью храбрых на Синявских высотах под Ленинградом. Память о нем у всех, кто его знал, останется в наших сердцах навсегда».

Розен Александр Германович (писатель): «...В Отечественную мы бывали вместе в чрезвычайно трудных обстоятельствах, и я сохранил память о Вашем отце, как об одном из самых замечательных артиллеристов на Ленинградском фронте. Когда Ваш отец погиб, погиб так, как гибнет настоящий герой, я был в дивизии, был и на его похоронах и помню, как в честь Сергея Подлуцкого в дивизии дали прощальный салют».

Письмо Сергея Александровича Подлуцкого теще Александре Ивановне Кармиловой (Грачевой)

27.12.42

Здравствуйте, дорогая мать!

Благодарю Вас за письмо, благодарю дважды зато, что втяжелые времена не оставляете мою семью, которую я сильно люблю и естественно беспокоюсь о ней.

Валентину я люблю очень сильно, хотя ей об этом никогда не пишу. Вот почему находясь сам в больших переплетах, я не ценю свою жизнь, и никогда не задумываюсь о том, что могу быть убитым, на то война, у ней свои законы. Всегда я бодр, здоров и вынослив. Но вот о ней, о ребятах у меня забота, и я очень бываю обескуражен, когда чувствую, что я бессилён помочь реально ей. Мне за работу платят очень много денег, я гвардеец, получаю полуторный оклад, занимаю большую должность, но деньги обесценены и по-сему те тысячи, которые я ей посылаю ежемесячно, ничего ей не дают и она с кучей детей живет впроголодь и радуется. Вот почему мне обидно, что не могут помочь моей семье, хотя я здесь ворочаю за десятерых. Я очень благодарен Вяч. (еславу) Тимоф.(еевичу), Нине, Вам, что хоть вы ее не оставили и по мере возможности помогаете. Я Ваш должник, и даю слово честного человека, что если буду жив, я не забуду Вашей заботы.

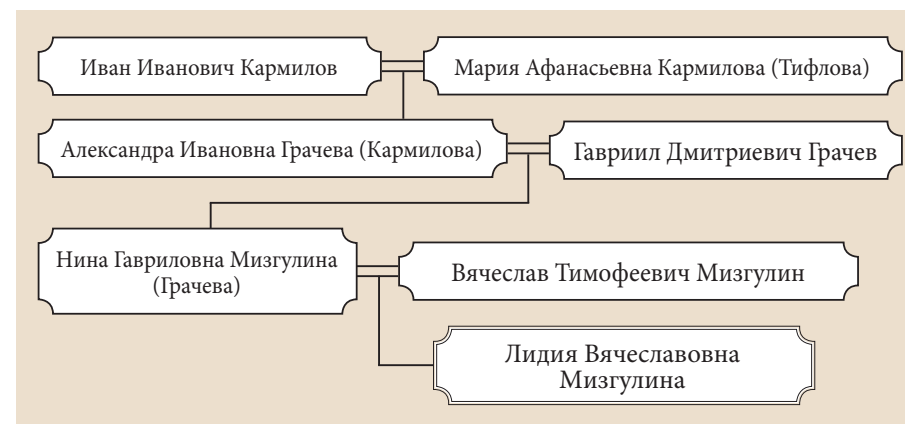
Передайте привет Вячеславу Тимофеевичу, Нине, а также моей любимой Вальке.

Целую крепко всех дорогих мне людей.

Жму крепко руку.

С. А. Подлуцкий

Воспоминания Лидии Вячеславовны Мизгулиной о родителях и детстве

Наш отец Вячеслав Тимофеевич Мизгулин рано лишился матери, она умерла молодой, около 26 лет. Папа похож на нее, а я в детстве была похожа на папу. После смерти матери папа воспитывался у своего дяди, учился в реальном училище. Его отец женился, и с отцом жила папина младшая сестра Люба. Революция, гражданская война – они с Любой растерялись, и папа так и не встретился с сестрой, хотя искал ее, куда-то писал. Ни дедушки, ни бабушки с папиной стороны мы не знаем. Зато с маминной – много, нам обо всех рассказывала бабушка.

Ее отец, наш прадед, Иван Иванович Кармилов был священником и сыном священника. У него были братья – Александр Иванович – он жил в Петербурге, Василий Иванович, он еще до революции уехал в Китай, сестра Мария Ивановна Лециус. Нашу прабабушку звали Мария Афанасьевна, у них с Иваном Ивановичем было десять детей, все выросли и выучились, только самый младший – Борис, простудился и умер в младенчестве.

Папа с мамой встретились в Аткарске, куда папа приехал по работе. Они с мамой очень быстро поженились. На фото, где они молодые, такие оба красивые!

Папа был мягкий, спокойный человек, очень начитанный. Больше всего любил книги. Я, когда подросла, хотела научиться играть в шахматы, папа мне все показал, но сказал, что он плохо играет. – «Почему?» – и папа ответил, что за то время, которое он потратил бы на шахматы, он прочитает прекрасные книги. Наверное, любовь к чтению, книгам – от папы. Он был очень занят на работе, мы его, маленькие, не очень часто видели.

Когда мы немного подросли, папа показывал нам книги с картинками знаменитых художников и говорил: «Запомните не только названия картин, но и фамилии художников». Еще вспоминаю, что папа в Аркадаке, куда мы переехали из Петровска, большую пустую площадь превратил в огромный парк. Мы, школьники, сажали там деревья, я училась в это время в 6-7 классе. И наш пустой двор папа собственноручно засадил кустами смородины и малины, яблонями, вишнями. Но до яблок мы там не дожили. Зато в густых кустах смородины играли в прятки и ели крупнейшую ягоду. Перед домом был палисадник с цветами. Вечером сильно пахли табаки, они, как белые звезды, виднелись в темноте. А у папы любимым запахом был запах резеды – невзрачного цветочка с тонким и нежным ароматом, чтобы его почувствовать – надо нагнуться почти до земли.

*Мизгулина Лидия Вячеславовна
(в годы учебы в Харьковском
политехническом институте)*

Иногда мы с Лилей ссорились и кричали, обзывая друг друга. У папы делалось страдальческое лицо, но он только говорил: «Ох, девочки!» В детстве нас ни папа, ни бабушка пальцем не тронули, иногда мама шлепнет, и все. Папа очень бережно относился к маме, нам говорил: «Девочки, слушайте маму, не волнуйте ее».

Мама в Петровске какое-то время работала в школе глухонемых. Однажды я стояла с мамой возле этой школы и подошли глухонемые, они были, как мне помнится, все взрослые, очень страшные, говорили грубыми голосами, мне улыбались, но я от страха залезла почти под мамину юбку. Мать им улыбалась и их любила. У нее было редкое качество любить и жалеть всех «убогих», физически и психически нездоровых людей. И если бы к ней подошел человек, например полуголый, она, не задумываясь, сняла бы и отдала свое последнее пальто, или кофту.

Однажды и был такой случай: мы уже были взрослые, и разъехались из дома, а мама с бабушкой жили в Мучкапе. Мама ехала из Москвы, поезд приходил поздно вечером, зима, глухомань. Мать идет одна с чемоданом. К ней парень: «Давай деньги!» Она сразу же ему дала, сколько было, рублей десять, и говорит ему: «Тогда помоги мне нести чемодан!» Он взял, и пока они дошли до дома, мама его так «разговорила», что он ей отдал деньги обратно.

Мама прекрасно вышивала и наводила чистоту и порядок в доме. Она очень любила грозу, молнии. Грозы были страшные, однажды во время грозы из розетки посыпались искры. А мама не боялась, выходила во двор, мы ей: «Мама иди в дом, ведь страшно!» Это нам страшно, а ей – нет! Любила комнатные цветы, ухаживала за ними, даже с ними разговаривала. Однажды мы с ней шли, и мама увидела упавший и разбившийся цветочный горшок с каким-то довольно невзрачным растением. Она его подобрала и увезла с собой в Пушкино. Не помню, когда я приехала, месяца через 2-3, и замерла в восхищении: через всю большую ком-

нату по протянутой по диагонали веревке вились зеленые листья, и висело много ярко-розовых соцветий-корзиночек. Я: «Что это?» – «А помнишь, я подобрала цветов – это он». Я такой красоты и не видела. Когда мамы не стало – цветов больше и не цвел.

Еще вспомнила забавный случай. Мы приехали в Петровск, уже дети были взрослыми. Живем у Любы, двоюродной сестры. Сидим в халатах, вышиваем. К Любаше пришла старинная знакомая, и почему-то она стала вспоминать свои молодые годы и как она любила Вячеслава Тимофеевича Мизгулина, какой он был замечательный. Тут Люба и говорит, показывая на нас: «А вот его дочери». Посмотрела она на нас и не сдержалась: «Как у такого красивого мужчины такие некрасивые дочери?!» Мы так и расхохотались.

А главным человеком в нашем детстве была бабушка Александра Ивановна Грачева (Кармилова). Она всегда была с нами, кормила, учила с нами уроки. Худенькая, бледно-голубые выцветшие глаза, волосы рыжеватые, почти без седины, заплетала она в тоненькую косичку. Лицо доброе-доброе, все в морщинках, а руки рабочие – сколько бабушке пришлось ими работать. Вставала раньше всех, топала печку, ставила самовар, он у нас был старинный тульский, когда бабушка его начистит – блестит, как золотой. Мы свои ленточки, они были атласные, гладили, прижимая к горячему самовару. Целый день она на ногах – всех накормить надо, приготовить, а из чего? Когда бабушка завела кур, чтобы кормить изредка своих внуков яйцами, у кур яйца были без скорлупы, в толстой «коже», кормить кур было нечем. А когда мы ложились спать – сколько нам бабушка рассказывала о родственниках, о прошлой жизни. Она любила Некрасова, Лермонтова. Стихотворение Лермонтова о Наполеоне я знала почти наизусть. А когда уже взрослой стала читать Евангелие, многое там было мне знакомо: бабушка рассказывала.

Бабушка никогда нас не ругала, голоса не повышала, только жалела. Когда была молодой, глаза были зоркие, она рассказывала, что в Саратове, где она училась в Епархиальном училище, на пристани у Волги она издали видела название пароходов.

Мои первые воспоминания связаны с бабушкой: солнечным днем идем с ней по площади, слева огромный сад, металлические решетки и белые кирпичные столбы. Это Пенза. Мы идем фотографироваться: есть такое фото, где я стою на диванчике. Навстречу нам идет короткий человек почти без ног, ноги выше колен обшиты толстой кожей и он шаркает ими. Это первый мой ужас.

Дома у нас большая застекленная терраса, на террасе детские качели – мои, я сажусь, и со всех сторон меня защищают от падения деревянные перекладыны. Потом Шурка (старший брат) начинает меня в качелях кружить. Он старше меня на восемь лет, ему примерно десять-одиннадцать, а мне два-три года (это еще до войны).

У нас большой двор, который кажется огромным, в конце двора собачья будка – там на цепи сидит немецкая овчарка Альма. Она очень злая, подпускает к себе только бабушку, которая ее кормит.

Следующее воспоминание: приехало много народу, это из Ленинграда приехала мамина сестра тетя Валя (началась война). У тети Вали много детей, но я пока никого не знаю, только все мы с испугом заглядываем с террасы в окно комнаты, там стоит маленький гробик и в нем Лариска, это двойняшка сестры Люды. Бабушка говорит, что это новый дом Лариски, и она в нем теперь будет жить.

Эвакуация: много подвод, мы куда-то едем, и приехали в деревню Лопатино. У нас большой дом, ведь нас много: бабушка, мама, тетя Валя, Шурка, Стаська, Нина, Люба, Люда, я, Лиля. За домом большой огород, за ним – речка, возле речки растет большое дерево, папа меня держит на руках и показывает птицу на дереве: «Это кукушка». Вскоре папа

уезжает на фронт. Мы приехали в Лопатино на многих подводах, вещей было много, а уезжали налегке, так как бабушка ходила по деревне и меняла вещи на еду. Например, бархатную китайскую скатерть она сменяла на ведро картошки. Бабушка работала учительницей до революции, ей платили «жалованье», как тогда говорили, двадцать пять рублей золотом, поэтому золотые вещицы у нее, видимо, были.

В огромной комнате стоял обеденный стол, внизу – перекладыны. Бабушка, мама и тетя Валя любили чистоту, пол (некрашенный) был всегда выскоблен до белизны. Мы, дети, лежали на животе и рисовали на огромном географическом атласе, на обратной его стороне. Почему-то перед обедом стол мама и тетя Валя передвигали, а мы: Нина, Люба, я, Люда и Лиля, садились под столом на перекладыны, поджимая ноги, и мама с тетей Валею смеялись и перетаскивали нас.

К нам приезжал прадедушка Иван Иванович, бабушкин отец. Я только помню его большую бороду и теплую руку, за которую я держалась. Мы с ним гуляли, и когда вернулись, он сказал: «Ну, Саня, и внучка у тебя говорунья!»

Приехали два красноармейца с большими чемоданами. Бабушка, мама и тетя Валя плакали: убили дядю Сережу... (мужа тети Вали – Сергея Александровича Подлуцкого).

Зимой катались с горки на ледянках. Это в старом, скорее всего дырявый, таз клали сено или солому, заливали водой и выносили на мороз. И вот на такой ледянке съезжали с горки. Она еще крутилась.

Из Лопатина мы переехали в Петровск, в это время еще не кончилась война.

Это небольшой городок, в 90 километрах от Саратова, построенный лет 400 назад. Переехали мы летом, нас поместили в школе на самом краю Петровска. Этот район назывался «Тюлевка». В школе некоторые классы были почти до потолка завалены партами. Здесь мы играли в прятки. А еще был спортзал, нас, девчонок, Шура и Стася сажали

в мешок, в потолке был крюк, за который цеплялся канат, и нас, под радостный визг, поднимали до потолка, потом опускали. Наверное это был 44-й год, то есть Шуре 14, Стасе 12 лет. За школой был сад и там кусты с ягодой, которую мы называли барыня-ягода (позже я узнала, что это ирга). Есть хотелось почти все время, мы объедали эту ягоду, оставляя только зеленую, а утром придешь – много покраснело за ночь, можно снова есть.

Самая старшая из нас – Нина, у нее на одном глазу – а глаза зеленые – было несколько белых ресниц, и мы ее дразнили «белый глаз». Наверное, я – больше других, так как она говорила: «Вот ты заснешь, а я тебе ночью одну кошечку отрежу». Вот я боялась...

К осени нас выселили из школы, и мы жили по разным съемным квартирам. Тут мы разделились, мы жили: бабушка, мама, Шурка, я, Лиля. Помню, как однажды утром раздался Шуркин вопль: «Ура, война кончилась!» Бабушка и мама плакали. Из родных на войне были убиты мамини двоюродные братья – Женя, Борис, а потом и Валентин и дядя Сережа, муж тети Вали.

Напротив нас жил Шурин друг Васька Егоров, черный, как цыган. И мы часто видели, как мальчишки играют в чеканку, подбрасывая ногой кусочек олова с приклеенным к нему мехом. Потом приехал папа, он стал работать в военкомате и мы переехали уже в «нашу» квартиру. Это был двухэтажный угловой дом на улице Карла Маркса, на втором этаже и была наша квартира. Это были две большие комнаты, одна из них с русской печкой, на которой мы спали: бабушка, Шура, я. Во дворе были сараи с погребями, у каждого жильца – свой. У нас был огород, на котором что только не росло: капуста, картошка, помидоры, огурцы, фасоль, тыква и многое другое. Ведь в магазинах ничего не было, что вырастишь – то и съешь. И мы все ходили поливать огород, пропалывать. Хлеб вначале был по карточкам. Я помню, как буханку черного хлеба бабушка резала вдоль, а по-

том одну половину на три части: папе, маме, себе, а другую – на четыре: Шурику, мне, Лиле, и уже родилась Галечка. Вечером: «Бабушка, есть хочется!» Бабушка достает свой несъеденный кусок и раздает нам. А хлеб липкий, мы вначале из него катали шарики, делали человечков, а потом съедали.

У нас остался от довоенной жизни чудесный детский мебельный гарнитур, китайский. Все было сплетено из тонких прутьев: круглый столик, диванчик, два кресла. Радио было – большая черная «тарелка» из плотной бумаги. А сзади – небольшая коробочка. Радио было включено целый день и с раннего утра раздавалось: «Союз нерушимый...» И меня ужасно интересовало, когда же я подстерегу и увижу маленьких человечков, которые и поют, и говорят, а живут в коробочке. Но так и не увидела...

Готовила еду бабушка на примусе, он заправлялся керосином. У нас в сарае стоял большой бидон с керосином. Керосин кончился, и любознательный Стаська зажег спичку, наклонился над бидоном и бросил ее туда. Пламенем ему обожгло все лицо. Я помню, идет он и плачет, ресниц нет, брови подпаленные. А он был веснучатый, и даже, кажется, веснушки потемнели. Он жил с нами, так как у тети Вали была одна крошечная комнатка. Бабушка Стасю очень жалела.

В Петровске от вокзала шла длинная прямая главная улица – Карла Маркса, она доходила до большого моста через речку Медведицу. Мост назывался «железный мост», он был очень высоким, единственным, по которому ездили машины. Дальше улица шла немного вверх в горку, и на горке возвышался храм, единственный в Петровске, в котором совершались службы, был еще один, но он был превращен в склад. Так как отец работал в райкоме, а городок был маленький, и чтобы не было разговоров, что дети Мизгулина посещают церковь, то бабушка меня только однажды сводила туда. Недалеко от церкви находился детский дом. Как мы, домашние дети, боялись и жалели детдомовских –

там даже девочки были наголо острижены, в каких-то старушечьих темно-серых платьях. В городе работали пленные немцы. Их было много – целая длинная колонна людей с лопатами на плечах. Иногда они пели, возвращаясь с работы.

Когда я пошла в школу, я уже умела читать. Первой книжкой была «Черная курица, или подземные жители». Я бежала к бабушке или маме и спрашивала, какая это буква, и так от слова к слову все и прочитала. А папа подарил мне толстенную книгу – Гоголь «Избранное». Вот уж я начиталась «Вия», «Страшную месь» и так далее. И стала очень бояться нечистой силы. Дома одна ни за что не оставалась. Бабушка говорила: «Людей надо бояться, а дома нечего бояться!» Помню два случая: в середине комнаты стол, покрытый скатертью. Я сижу лицом к двери и делаю уроки, наверно, первый или второй класс. Дома Станислав, который мне говорит: «Ну, я уйду!» – и хлопает дверью. И вдруг скатерть с моими тетрадками начинает «ползти» от меня. Я удерживаю книжки, а они «ползут», и я в ужасе ору. Из-под стола вылезает довольный и смеющийся Станислав. Он от двери прополз под стол и меня решил напугать. Он был очень веселый и озорной мальчишка, меня дразнил: «Гриб стоит среди дорожки, голова на тонкой ножке» – я к бабушке с плачем – она, конечно, утешает.

А второй случай: дома Шура и я, с ним я не боюсь. Шурка лежит, читает, а потом заснул. Тогда мне стало страшно, я залезла к нему на кровать и незаметно тоже заснула. И спали мы так крепко, что стучали-стучали нам в дверь, а мы и не слышали, и дверь с петель стали снимать, и тогда мы проснулись, и не могли понять, от чего этот шум.

Папа был очень занят по работе, но нас, детей, не оставлял без внимания. Запомнилась такая сцена: папа сидит на кровати, мы вокруг него. С одного бока светловолосая маленькая Галя (мы еще смеялись, что она такая светленькая, потому что родилась днем), с другого бока Лиля, а я, как старшая, возле Гали. Папа читает нам сказку «Аленький цветочек».

Говорит: «Было у купца три дочери, всех он любил, а меньшую – больше всех». И смотрит на Галю.

Недалеко от Петровска была деревня Грязнуха, там был конезавод, и мы несколько раз с папой ездили смотреть лошадиные бега. Лошади были запряжены в легкие двухколесные тележки, вернее, это было как кресло на больших колесах, и лошади так быстро бегали. Однажды мы видели просто чудо: рыжий, сияющий как солнце, красавец-конь. До сих пор помню его.

Папа не мог обеспечить своей семье сносное существование, жизнь была просто бедной, поэтому он очень переживал, не делаясь ни с кем своими переживаниями. После войны государство выпустило «займы», красивые облигации, на которых стояло: «100 рублей», «200 рублей» и т. д. Почти половина зарплаты уходила на «займы», принудительно. И отец так и не дожил до «погашения» займов. У нас был полный чемодан этих облигаций. Конечно, государство «расплатилось» – обесцененными рублями.

Папины знакомые говорили, что Вячеславу Тимофеевичу надо бы родиться или в XIX веке, или в будущем. Знали бы они это будущее – XXI век!

В 1951 году отца перевели на другое место работы, и наша семья переехала в город Аркадак Саратовской области, там я пошла в седьмой класс.

Воспоминания о Любви Тимофеевне Олейниковой (Мизгулиной), сестре Вячеслава Тимофеевича Мизгулина

Наш отец, Мизгулин Вячеслав Тимофеевич, родился в селе Казачка Саратовской области 8 октября 1903 года. Младшая сестра его, Любовь Тимофеевна – 30 сентября 1910 года в селе Анино (бывшее Анноуспенское).

Дети рано осиротели, мать их Елизавета Ниловна умерла в 1916 году, отцу было 13, а тете Любе 6 лет. Отец их вступил во второй брак, тетя Люба осталась жить с отцом, а Вячеслав воспитывался в семье близких родственников. Начавшаяся вскоре революция и гражданская война разлучили всех, и папа с тетей Любой надолго потеряли связь друг с другом.

*Мизгулина Елизавета Ниловна (слева) – мать
Вячеслава Тимофеевича и Любви Тимофеевны
Мизгулиных*

*Тимофей Мизгулин –
отец Вячеслава и Любви
Мизгулиных*

Любовь Тимофеевна Олейникова (Мизгулина) с детьми Риммой и Геннадием (~1951 год)

В центре – Любовь Тимофеевна Олейникова (Мизгулина), слева: ее дочь Римма Николаевна и сын Александр Николаевич

Любовь Тимофеевна Олейникова (Мизгулина) (внизу справа), рядом с ней ее сын Геннадий Николаевич, вверху слева дочь – Римма Николаевна (~1956 год)

Любовь Тимофеевна Олейникова (Мизгулина)

Прошло много лет, и отцу удалось узнать, где живет его сестра, это было приблизительно в 1955 году. С этого времени они начали писать друг другу, но увидеться не пришлось.

Выяснилось, что перед Отечественной войной тетя Люба жила в городе Баку с мужем Альбертом Вигером, немцем. У них было трое детей, все они родились в Баку. Старший – Геннадий – в 1934 году, Александр – в 1938 году и дочь Римма – в 1941 году. Началась война, и так как отец был немец, семью выслали в Казахстан в июле 1941 года. Поселились они в отдаленной деревне Дмитрово Семипалатинской области. Отца забрали в трудармию, и тетя Люба осталась одна с тремя малолетними детьми. Жить было очень трудно, известий от мужа долго не было, и тетя Люба вышла замуж за Олейникова, который помог ей и детям выжить в эти тяжелые годы. У них в 1944 году родилась дочь Светлана, которая умерла в младенчестве при переезде на новое место жительства.

После войны неожиданно вернулся отец и забрал старших детей – Геннадия и Александра – с собой в Среднюю Азию. Там он заболел, попал в больницу и умер, а дети оказались в детском доме. Геннадию как-то удалось вернуться к матери, а Александр жил в детдоме и вернулся в свою семью только в восемнадцать лет. В это время они жили в Семипалатинске. Потом сыновья переехали в Петербург, дочь Римма работала на Камчатке и Дальнем Востоке.

Последние годы Любовь Тимофеевна жила у сына Геннадия в Петербурге, там она и умерла в 1985 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	6
Из дневника о. Иоанна Васильевича Кармилова	8
Записки потомственного почетного гражданина протоиерея Иоанна Иоанновича Кармилова.	14
Из очерка о жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте (1903 год) ...	28
Историческая справка о г. Аткарске Саратовской области	30
Письма о. Иоанна Кармилова своей дочери Александре Ивановне Грачевой (Кармиловой) за 1938–1942 годы	44
Из дневника Н. Г. Топазова за 1916–1924 годы	62
Из воспоминаний Е. В. Левгеровой	174
Воспоминания Ирины Васильевны Сергеенковой	194
Отрывки из книги Владимира Вардугина «Тайна огня» (Повесть о Н. Н. Семенове и его учителе В. И. Кармилове)...	206
Наши первые друзья	241

Магнитная сила характера	245
Из дневников Антонины Ивановны Кирсановой (урожд. Кармиловой)	252
Из воспоминаний Г. М. Поляковой (Кирсановой)	265
Воспоминания Алисы	282
Доброта продляет жизнь	300
Из воспоминаний Н. С. Репкиной	306
О Сергее Александровиче Подлוצком – муже Валентины Гавриловны Грачевой (Подлוצкой)	347
Письмо Сергея Александровича Подлוצкого теще Александре Ивановне Кармиловой (Грачевой)	350
Воспоминания Лидии Вячеславовны Мизгулиной о родителях и детстве.	351
Воспоминания о Любви Тимофеевне Олейниковой (Мизгулиной), сестре Вячеслава Тимофеевича Мизгулина	361

Мизгулин Дмитрий Александрович
Дроздова Марина Геннадьевна

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Письма, воспоминания

Редактор Марина Дроздова
Ответственный редактор Валентина Рыбакова
Вёрстка – Никон Степанов
Корректор Алла Никандрова
Дизайнер Анастасия Евменова

ИД – №02293 от 11.07.2000 г.
Ассоциация АПИ (Союз писателей России)
Подписано к печати 22. 12. 2016. Формат 60x84/16
Бумага офсетная "Светокопи". Печать офсетная,
гарнитура "Times". Печ. л. Тираж 500
Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «Омега принт»
Санкт-Петербург, ул. Белы Куна, д.32
Телефон/факс: (812) 655-09-33